

Пауль Хауссер

ВОЙСКА СС В ДЕЙСТВИИ

Предисловие к немецкому изданию

«Наша честь — в верности» — девиз войск СС, под которым они создавались и с которым сражались на фронтах Второй мировой войны. Те, кому довелось видеть солдат СС в бою, подтвердят это. Они остались верными себе и всем тем, кто на полях сражений исполнял свой долг перед Отечеством, даже после поражения Германии, особенно больно ударившим по ним и давшим пищу для совершенно необоснованных обвинений в их адрес. Образцовое поведение членов войск СС в трудные послевоенные годы — в лагерях союзников и перед судом военных трибуналов, — их стойкость, их готовность прийти на помощь своим сослуживцам, их дух товарищества — тому доказательство.

О войсках СС написано много несправедливостей и откровенной лжи. Именно поэтому мы можем особенно приветствовать тот факт, что один из главных их создателей — еще в довоенный период — и один из лучших боевых командиров, ныне отставной генерал-полковник войск СС Пауль Хауссер взялся за перо, чтобы со свойственной его характеру солдата скрупулезностью зафиксировать на бумаге историю войск СС. Данный труд поможет развеять туман лжи и клеветы, который ныне окружает войска СС. Он дает возможность этим отважным войскам занять то место среди соединений вермахта, которое они заслужили.

При этом мы не должны забывать, что именно в войсках СС впервые в истории воплотилась идея «Единой Европы», идея о том, что европейские нации тесно связаны между собой узами, которые никогда не должны разорваться. Хочется надеяться, что слепая ненависть, которая привела к распаду Европы на Восточную и Запад-

ную, еще не окончательно наложила свой отпечаток на западную культуру. Надо помнить, что больше просто нет времени на мелкие споры и всевозможные интриги—в противном случае ту часть мира, где мы сейчас живем, ждет неминуемая катастрофа.

В этом смысле данная книга является серьезным предупреждением государственным деятелям современной Европы. Она предоставляет им возможность не упустить, возможно, последний шанс, одуматься.

Гейнц Гудериан, генерал-полковник в отставке¹

¹ Гейнц Вильгельм Гудериан (17.6.1888, Кульм, Западная Пруссия — 15.5.1954, Швангау, Бавария), генерал-полковник (19.7.1940). Участник Первой мировой войны, один из создателей танковых войск Германии. Во время Польской кампании командовал моторизованным корпусом, во время Французской — танковой группой «Гудериан». С ноября 1940 года — командующий 2-й танковой группой (с октября 1941 года — армии). В 1941 году участвовал в наступлении на Москву. После поражения под Москвой 26 декабря 1941-го года он был зачислен в резерв ОКХ. С 1 марта 1943 года — генерал-инспектор танковых войск, с июня 1944-го по 28 марта 1945 года — начальник Генерального штаба сухопутных войск. — *Прим. науч. ред.*

Вступление

Эта книга посвящена памяти тех, кто не вернулся с войны, их оставшимся в живых родным и близким, а также всем, кто жертвовал своей жизнью и здоровьем ради Германии. Наши мертвые остались до конца верны своему долгу и присяге. Они верили в будущее своего народа и больше чем кто-либо другой надеялись на объединение Европы, чьи сыны в качестве добровольцев сражались в рядах войск СС. Их могилы на Западе — особенно в Нормандии, в Италии, на Балканах, в Венгрии и Румынии, и еще более многочисленные на Востоке — от Киркенеса и оттуда через Москву на Кавказ — лишнее доказательство этому.

Написать исчерпывающую историю войск СС сложно — это была бы история всей Второй мировой войны. Без привлечения множества документов, таких как военные дневники и свидетельства очевидцев, это просто невозможно! В этой работе я ставлю перед собой более скромную задачу. В первой части книги пойдет речь об общих вопросах формирования и деятельности войск СС, а во второй — непосредственно о битвах мировой войны. Однако это не историческое исследование, это, скорее, воспоминания, основанные на реальной истории войны.

Я хочу поблагодарить издательство¹ за предоставленную мне возможность внести дополнения и исправление в это — шестое — издание. Это позволило еще больше приблизить содержание книги к исторической правде,

¹ Имеется в виду западногерманское издательство *Pless-Verlag*, расположенное в Гёттингене. — *Прим. науч. ред.*

хотя события последних месяцев войны все еще остались недостаточно подробно освещены. Также я вставил в книгу отрывки из воспоминаний очевидцев описываемых событий и хочу поблагодарить Акса, Биттерлиха, доктора Горака, Клингеманна, Клосса и Шилия, предоставивших их в мое распоряжение.

Я сознательно исключил из книги какую бы то ни было полемику или критику, оставив ее только в тех местах, где без нее нельзя было обойтись. За помощь в работе над отдельными главами книги я хотел бы поблагодарить Лотара Дебеса, Герберта Гилле, Вальтера Харцера, Отто Кумма, Георга Мейера, Губерта Майера и Иоахима Руоффа¹.

Пауль Хауссер

¹ Все эти люди служили в войсках СС и достигли высоких чинов и званий: Дебес закончил войну в звании группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС, Гилле — обергруппенфюрера СС и генерала войск СС, Харцер — оберфюрера СС, Кумм — бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС, Губерт Мейер — оберштурмбаннфюрера СС, Руофф — штандартенфюрера СС.

ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Непосредственными предшественниками войск СС были части усиления СС, история которых уходит в 1933 год. Тогда были сформированы первые части «Лейбштандарта» под командованием Зеппа Дитриха, а также другие подразделения, которые сначала именовались «политическими подразделениями» (Politische Bereitschaft), а потом были пополнены за счет личного состава соединений Общих СС в Гамбурге, Вольтердингене, Арользене, Эллангене, Мюнхене и Лейсниге. За исключением «Лейбштандарта», во всех вновь сформированных частях использовался гужевой транспорт, хотя их колонны снабжения и имели на вооружении некоторое количество грузовиков. Эти войска находились в подчинении местных руководителей СС, и общее руководство всеми частями усиления СС было лишь номинальным.

Кардинальные изменения произошли летом 1936 года. В составе Главного управления СС была создана Инспекция частей усиления СС, которая объединила штурм-

¹ SS-Verfügungstruppe. В различных исследованиях это название переводится на русский по-разному: части усиления СС, части особого назначения СС, специальные части СС. Само название происходит от немецких слов Verfügung (распоряжение) и Gruppe (части), то есть при выборе названия предполагалось, что это будут части, находящиеся в распоряжении рейхсфюрера СС и фюрера для выполнения особых задач. Поэтому в принципе любой перевод SS-Verfügungstruppe имеет право на существование, так как ни тот ни другой не передает полностью всю суть немецкого названия. В данной книге мы оставляем перевод «части усиления СС», который хотя и не является дословным переводом, но, по нашему мнению, наиболее точно передает цель, для которой эти части, собственно, и создавались. — *Прим. науч. ред.*

банны, созданные на базе «политических подразделений», в штандарты СС «Дойчланд» (размещавшийся в Мюнхене) под командованием [Феликса]¹ Штейнера и «Германия» (Гамбург) под командованием [Карла Марии] Демельхубера. Инспектор, однако, не обладал правами командира — на этот пост претендовал лично Генрих Гиммлер. Задача инспектора состояла в организации военной подготовки личного состава и воспитании в членах частей усиления СС понятий воинской чести. При этом было необходимо постепенно сокращать влияние местного руководства Общих СС и организовать единую подготовку в соответствии с нормами, принятыми в регулярных сухопутных войсках. Конечно, это приводило к противостоянию с местным руководством СС², а также с Генрихом Гиммлером. Несмотря на все трудности, Инспекция постепенно брала верх.

«Лейбштандарт» также формально относился к частям усиления СС. Однако Инспекция не имела в его рядах никакого влияния, поскольку его командир как обергруппенфюрер СС имел гораздо более высокий ранг, нежели инспектор³. Инспекция была подчинена размещавшемуся в Берлине Главному управлению СС, во главе которого стоял обергруппенфюрер СС Хейссмейер⁴. Через некоторое время Инспекция отделилась от Главного управ-

¹ Дополнительная информация, помещенная в квадратных скобках, в оригинале отсутствовала и добавлена при работе над русским изданием. — *Прим. науч. ред.*

² Имеются в виду, прежде всего, руководители Оберабшнитов СС — наиболее крупных территориальных единиц этой организации. — *Прим. науч. ред.*

³ В то время Пауль Хауссер, который, собственно, и являлся инспектором частей усиления СС, носил звание бригадефюрера СС (что примерно соответствовало званию генерал-майор вермахта; звание же обергруппенфюрера можно приравнять к полному генералу). — *Прим. науч. ред.*

⁴ Август Хейссмейер (11.1.1897 — 16.1.1979) получил звание обергруппенфюрера СС 9 ноября 1936 года. Он возглавлял Главное управление СС с 22 мая 1935-го по 1 апреля 1940 года. В августе 1940 года он возглавил в структуре СС собственную службу, имевшую статус Главного управления и занимавшуюся вопросами национал-социалистического воспитания членов СС. В 1949 году Хейссмейер был приговорен к 18 месяцам тюремного заключения. — *Прим. науч. ред.*

ления, сначала территориально, заняв здание на Кайзераллее, где впоследствии разместилось Главное оперативное управление СС.

В Инспекции, которой руководил Хауссер, служили [Маттиас] Клейнхейстеркамп, [Ганс] Юттнер, [Фридрих Карл] Дермитцель, [Гейнц Карл] Фанслау.

В 1938 году последовало формирование в Вене, Граце и Клагенфурте штандарта СС «Фюрер». В него также был включен дислоцированный в Дахау штурмбанн (позже переведенный в Нюрнберг). Командиром нового штандарта был назначен [штандартенфюрер СС Георг] Кепплер. Летом 1939 года был сформирован легкий артиллерийский полк под командованием [штурмбаннфюрера СС Петера] Хансена. Все подразделения были полностью моторизованы. Саперный штурмбанн был передислоцирован в Дрезден, разведывательное подразделение — в Унну (Вестфалия). Общая численность подчиненных Инспекции соединений составила около 18 000 человек. Некоторые штандарты частей усиления СС принимали в составе регулярной армии и под началом офицеров вермахта участие в операциях по присоединению Австрии, Судет и Чехии.

Части усиления СС создавались рейхсфюрером СС по приказу Адольфа Гитлера. Но сам Генрих Гиммлер представлялся нам скорее человеком мирного времени, идеалистом, который ставил во главу угла верность, воспитание и послушание. Он хотел перенести в войска СС такие принципы Общих СС, как святость собственности и рыцарство. Но при этом он не был профессиональным солдатом и поэтому не имел слишком уж большого влияния на войска СС, чей дух и характер определялись командирами.

В марте 1935 года Адольф Гитлер объявил в Рейхстаге по случаю введения всеобщей воинской повинности о формировании 36 дивизий, в том числе и дивизии СС. Этот факт говорит о легальности частей особого назначения СС. Они не являлись тайной организацией. Однако до создания дивизий СС в мирное время дело не дошло. Хотя общая численность подразделений частей усиления СС и соответствовала по численности дивизии, они не имели ни единого командира, ни общего штаба, ни подразделений снабжения, ни резервных частей, ни тяжелого вооружения. Поэтому против частей усиления СС ни-

когда и не выдвигалось обвинение в участии в подготовке наступательной войны.

Долгое время существовала неясность в том, какие, собственно, задачи возлагаются на части усиления СС. По некоторым предположениям, Адольф Гитлер установил своим указом от 17 августа 1938 года следующее: части усиления СС не являются ни частью вермахта, ни частью полиции, а есть вооруженные формирования, находящиеся в его личном распоряжении. Служба в этих частях приравнивалась к несению воинской повинности. Они пополнялись, как и прежде, из числа военнообязанных добровольцев. В случае всеобщей мобилизации они переходили в распоряжение Верховного командования сухопутных войск и подчинялись военным законам и приказам. Воинская повинность составляла четыре или двенадцать лет, для офицеров — двадцать пять лет, жалование и снабжение — из государственного бюджета.

Униформа была черного цвета и цвета фельдграу¹ с двумя зиг-рунами на петлицах. Знаки различия офицеров и унтер-офицеров² сначала — как в общих войсках СС и в полиции. Вербовка добровольцев и их подготовка сначала проводились силами Инспекции частей усиления СС, а затем все эти вопросы (вместе с вопросами набора и подготовки пополнений для частей СС «Мертвая голова» и полиции) были переданы в ведение группенфюрера СС Бергера³.

¹ Дословно фельдграу (feldgrau) переводится как «полевой серый». Это был стандартный цвет униформы вермахта — серый с синеватым отливом. — *Прим. науч. ред.*

² В СС офицеры именовались фюрерами («руководителями»), а унтер-офицеры — унтер-фюрерами (т.е. «унтер-руководителями»). Однако данные обозначения слишком непривычны для русскоязычного читателя, в связи с чем здесь использованы более известные их аналоги. — *Прим. науч. ред.*

³ Готтлоб Бергер (16.7.1896 — 5.1.1975), получивший в 1943 году звания обергруппенфюрера СС и генерала войск СС, с 1938 года возглавлял Управление комплектования в составе Главного управления СС. С апреля 1940 года и до конца войны он руководил Главным управлением СС. 14 апреля 1949 года Военным трибуналом в Нюрнберге по обвинению в уничтожении евреев Бергер был приговорен к 25 годам тюрьмы. В январе 1951 года срок был сокращен до 10 лет, а 16 декабря 1951 года Бергер вышел на свободу. — *Прим. науч. ред.*

Части усиления СС в мирное время не имели своей собственной судебной системы: они находились под юрисдикцией гражданских судов, в которые направлялась информация о преступлениях. Выделение дисциплинарного уголовного суда — аналогичного судам сухопутных войск — произошло лишь в последние предвоенные годы. Раньше еще не удалось полностью отойти от территориальных командований Общих СС.

Обучение и подготовка. Воинская подготовка осуществлялась в соответствии с нормами, действовавшими в сухопутных войсках вермахта. Представители командования сухопутных войск имели право проводить инспекции и смотры, чем генералы часто пользовались. Военнослужащих же частей усиления СС откомандировывали на специальные армейские курсы. При этом отношения между вермахтом и частями усиления СС были безупречны. И Инспекция частей усиления СС, и вермахт использовали в своем развитии опыт стотысячного рейхсвера. При длительных сроках службы широко применялась разработанная в рейхсвере «поклассовая» система обучения унтер-офицеров. Инспекция определяла цели и главные задачи на длительный период времени и контролировала все подразделения.

В мирное время солдаты частей усиления СС не сидели без дела; много времени отнимало участие в Имперских партийных съездах, в торжественных мероприятиях по случаю визитов глав иностранных государств, а также Олимпийских игр. Несмотря на жесткую систему обучения и устаревшие методы, которые использовали некоторые военные, особый упор делался на воспитание чувства товарищества в духе народной общности между офицерами, унтер-офицерами и солдатами. Мы верили, что, в отличие от вермахта, мы сможем в этом плане пойти другим путем. Особенное внимание уделялось подготовке унтер-офицеров, как важнейшей основы любой воинской части. Военный и послевоенный опыт показал, что эти основные принципы были верными. За здоровьем личного состава следили военврачи и персонал санитарной службы, командир которой одновременно являлся дивизионным врачом. Санитарные части были распределены по различным местам дислокации частей усиления СС и по лазаретам. Успешная организационная работа и

высокий уровень санитарного дела в СС принесли свои плоды, особенно уже в годы войны.

Особое внимание в частях усиления СС уделялось идеологической подготовке. Хотя ее значение постоянно и подчеркивалось, все же она находилась далеко на втором плане по сравнению с военным обучением. Ее проводили сначала специально подготовленные лекторы, которые часто, однако, не имели военной практики и подчинялись Управлению военной подготовки. Позже ответственность за ведение идеологической подготовки была возложена на командиров штурмов. Главной темой этой подготовки была борьба с большевизмом.

При обучении командного состава в юнкерских училищах СС мы тоже верили, что сможем подправить старые армейские традиции, сделав их более гибкими и динамичными. Суждения о человеке по его общественному статусу, а также по уровню образования были категорически отброшены. Каждый должен был иметь возможность стать унтер-офицером и офицером в соответствии со своими способностями. Правда, временами документам об образовании придавалось чрезмерное значение. Но во время войны это отошло на второй план.

Подходящие кандидаты обучались на десятимесячных курсах и сдавали экзамены в юнкерских училищах в Бад-Тельце (создано в 1934 году) и Брауншвейге (создано в 1935 году), а также в военных училищах вермахта. Отбор при этом был довольно строгим. Рейхсфюрер СС составил план, по которому молодых командиров после обучения в течение двух лет откомандировывали в части усиления СС, затем в Общие СС, СД и полицию безопасности и только после этого назначали на службу в одно из этих подразделений. Невыполнимый план, на котором вскоре был поставлен крест. Но один выпуск был обучен по этой модели, и лишь по прошествии времени молодые офицеры смогли вернуться в свою воинскую часть. В 1938 году значительное число молодых офицеров было отправлено на полгода или на год в вермахт. Тогда был запланирован постоянный обмен между сухопутными войсками вермахта и частями усиления СС.

В отличие от вермахта, все сотрудники вспомогательных служб — санитарной, административной, техниче-

ской и т.д. — считались не чиновниками, а приравнивались, как и офицеры частей усиления СС, к руководителям СС. Это во многом служило делу единства офицерского корпуса.

Старые казармы, которые были переданы в распоряжение частей усиления СС, были расширены и перестроены: они размещались в Берлине-Лихтерфельде (бывшее здание главного кадетского корпуса), Арользене, Элвангене, а также в Брауншвейгском замке. Новые казармы были построены в Бад-Тёльце, Мюнхене, Радольфцелле, Гамбурге, Вене, Клагенфурте, Унне, Дрездене. Незаконченным осталось здание батальонных казарм в Нюрнберге.

Так, в тяжелой работе и с очевидными успехами, прошли предвоенные годы. За это время сформировался ярко выраженный дух войск СС. Все, кто служил в частях усиления СС, гордились своей службой. Никому не могла прийти в голову мысль о том, что они когда-либо будут названы членами «преступной организации». Германский рейх был признан во всем мире. Олимпиада, морской пакт, занятие Рейнских земель¹, признание иностранными политиками, в том числе во время устраиваемых СС вечеров в дни Имперских партийных съездов, — все создавало картину, противоположную тому, что сегодня нам задним числом ставят в упрек.

Мы верили, что Адольф Гитлер имеет в виду именно то, что он говорит, а именно «мир для всех своих задач». Мы знали, что Адольф Гитлер нас не особенно поддерживал и не находил для нас слов похвалы. Мы также знали, что он распустил бы нас, если бы мы допустили промах, так же, как он это уже сделал с другими организациями².

Вопрос, почему вообще возникли части усиления СС,

¹ Имеются в виду: XI Олимпийские игры, проходившие в Берлине 1 — 16 августа 1936 года; англо-германское морское соглашение 18 июня 1935 года, открывшее для Германии возможность создания мощного ВМФ; занятие 7 марта 1936 года немецкими войсками Рейнской демилитаризованной зоны. — *Прим. науч. ред.*

² Не совсем ясно, что этим хочет сказать Хауссер. Возможно, он проводит параллель между частями усиления СС и СА, но это довольно смелое сравнение. — *Прим. науч. ред.*

в общем-то, особого значения не имеет, да и просто не возникает. Кроме того, на этот вопрос Адольф Гитлер уже ответил в своей речи в Рейхстаге в 1935 году. Однако соотношение сил между сухопутными войсками и частями усиления СС было уже не 35 к 1, но, принимая во внимание число дивизий вермахта к 1939 году, — 60 к 1. Поэтому необоснованным является утверждение Зигфрида Вестфalia в «Армии в оковах»¹, что «силы сухопутных войск уже в мирное время, начиная с 1936 года, были подорваны постоянным и все более быстрым ростом войск СС».

Большая часть из сказанного выше относится и к частям СС «Мертвая голова» (Totenkopf). Однако имелись и существенные различия. Когда в 1933 году были созданы концентрационные лагеря, их охраной занимались местные формирования СА и СС. В 1934 году Адольф Гитлер отдал приказ обергруппенфюреру СС [Теодору] Эйке организовать единую систему охранных подразделений. Для этого он создал новые подразделения, используя частью старые кадры, частью — путем вербовки новых. До 1936 года они содержались на средства правительств земель, а затем перешли на бюджет Имперского министерства внутренних дел рейха. Персонал комендатуры и охранные части разделили. Последние в 1936 году состояли из трех полков соединений СС «Мертвая голова» общей численностью 3600 человек. Эйке был командиром соединений СС «Мертвая голова» и инспектором концентрационных лагерей.

В указе Адольфа Гитлера от 17 августа 1938 года были также урегулированы вопросы, касающиеся соединений СС «Мертвая голова». Они также не были отнесены ни к вермахту, ни к полиции, а были объявлены подразделениями СС, переведенными на казарменное положение. Обязательную воинскую службу можно было проходить

¹ Westphal S. Heer in Fesseln. Aus den Papieren des Stabschefs von Rommel, Kesselring und Rundstedt. Bonn, 1950. Зигфрид Вестфаль (18.3.1902 — 2.7.1982) во время войны занимал в основном штабные должности и в том числе был начальником штаба Роммеля в Северной Африке. Войну он закончил генералом кавалерии, кавалером Рыцарского креста Железного креста и начальником штаба главнокомандующего на Западе. — *Прим. науч. ред.*

либо в рядах вермахта, либо в частях усиления СС. Поэтому по возможности в соединения «Мертвая голова» набирали мужчин, которые уже отбыли воинскую повинность. В случае мобилизации члены соединений СС «Мертвая голова» должны были пополнить ряды полиции и отойти от охраны концентрационных лагерей. В состав этих соединений входили главный штаб, четыре штандарта с санитарными и другими вспомогательными подразделениями.

К началу войны численность соединений СС «Мертвая голова» выросла до 7400 человек. Они проходили военную подготовку по собственной программе и поочередно посылали части для несения охранной службы в концентрационных лагерях. Эти части, однако, не имели никакой возможности вмешиваться в функционирование лагеря.

Войска СС на войне

Формирование первых дивизий СС (или тех соединений, которые позже стали основой полноценных дивизий) началось в октябре 1939 года. К ним относятся усиленный моторизованный полк СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», позже развернутый в дивизию; дивизия усиления СС, сформированная из частей усиления СС, некоторые части которых были переданы дивизии СС «Мертвая голова». Дивизия усиления СС была размещена в районе Пльзена, а позже в районе Вюрцбурга и Мюнстера; она была подкреплена дивизией СС «Мертвая голова» под командованием Эйке, сформированной из 6500 человек из соединений СС «Мертвая голова» (1—3-й полки) и усиленной полицейским резервом, поступившим туда по особому постановлению. Местом дислокации «Мертвой головы» был избран Дахау, а позже Северный Вюртемберг.

Независимо от этих двух дивизий, в учебном лагере в Вандерне из личного состава полиции порядка была сформирована Полицейская дивизия. Ее командиром был назначен [бригадфюрер СС Карл фон] Пфедфер-Вильденбрух. Однако эта дивизия все еще относилась к полиции порядка, а не к войскам СС. Резервные части на родине были подчинены бывшей Инспекции частей усиления СС, а впоследствии — Главному оперативному управлению СС под руководством Юттнера¹.

¹ Ганс Юттнер (2.3.1894 — 24.5.1965), произведенный в июне 1943 года в обергруппенфюреры СС и генералы войск СС, возглавлял Главное оперативное управление СС с 30 января 1943 года. С июля 1944 года он также являлся начальником штаба главнокомандующего Армией резерва и начальника вооружений сухопутных войск (Гимmlера). — *Прим. науч. ред.*

Тяжелой артиллерии, танков и штурмовых орудий еще не было. Собственное судопроизводство было введено в частях усиления СС в октябре 1939 года, в полном соответствии с тем, что существовало в вермахте.

Адольф Гитлер упомянул эти соединения СС в своей речи в Рейхстаге в 1940 году, после похода на Запад, и сказал о них как о «войсках СС» (*Waffen SS*)¹. С тех пор это название стало официальным. К этому времени, кроме всего прочего, существовало еще около четырнадцати полков соединений СС «Мертвая голова», которые были сформированы из вышеназванных резервов полиции. Позже они частично растворились в новых дивизиях или были расформированы.

Здесь уместно дать небольшой обзор численности войск СС во время войны.

В 1940 году они насчитывали 100 000 человек. Адольф Гитлер неоднократно говорил, что их численность не должна превышать примерно 10% от общей численности сухопутных войск вермахта.

В 1940 году она возросла еще на 50 000 человек;

в 1941 году — на 70 000 человек;

в 1942 году — на 110 000 человек;

в 1943 году — на 210 000 человек;

в 1944 году — на 370 000 человек

и в декабре 1944 года составила 950 000 человек.

Из них предположительно около 400 000—500 000 человек были добровольцами, остальные — призывниками.

Из общего количества было примерно:

400 000 рейхсдойче (из них около 40 000 переданы в войска СС из люфтваффе и 5000 — из военно-морского флота);

310 000 фольксдойче из негерманских государств (таких как, например, Венгрия и Румыния);

200 000 добровольцев из почти всех стран Европы.

Фактическая численность войск СС к апрелю 1945 года

¹ Термин «войска СС» это, скорее, не дословный перевод, а адаптация к русскоязычному читателю, но адаптация довольно удачная. Более точным является перевод «вооруженные СС» (как бы в противовес «Общим СС» — *Allgemeine SS*), однако «войска СС» точно передает суть этих формирований и более привычно для российского читателя. — *Прим. науч. ред.*

после отступлений, потерь, с учетом пополнения в этом году в количестве 70 000 новобранцев, оценивается примерно в 580 000 человек.

Потери: количество убитых и тяжелораненых в войсках СС к декабрю 1944 года насчитывает около 300 000—350 000 человек. Сведения же об общей численности потерь к маю 1945 года пока отсутствуют. В приложении «А» приведен список частей войск СС. Является ли он полным — вопрос спорный¹.

Боевые воинские части, прежде всего дивизии СС, уже перед Западной кампанией и затем в течение всей войны находились в составе сухопутных войск. Указания о проведении военной подготовки, о ведении боя, приказы об их боевом использовании исходили исключительно от Верховного командования сухопутных войск (ОКХ). Этот факт является самым явным доказательством ошибочности большинства сегодняшних высказываний о войсках СС.

Генрих Гиммлер имел права командира лишь в кадровых, судебных и, на самом первом этапе, еще и в организационных вопросах: такое же, какое главнокомандующий люфтваффе имел по отношению к формально подчиненным ему авиаполевым² или к парашютным дивизиям.

Резервные части войск СС находились в подчинении рейхсфюрера СС через Главное оперативное управление СС. То же можно сказать и об отдельных небоевых частях (прежде всего, о полках соединений СС «Мертвая голова») и о временно передислоцированных в тыл частях. Для руководства этими подразделениями позднее в раз-

¹ В данном издании приложения, помещенные Хауссером в своей книге, не публикуются, т.к. приведенный в них материал полностью охвачен информацией, приведенной в 1-й части данного издания. С полным же списком всех частей войск СС можно ознакомиться в книге: Семенов К.К. Войска СС. М., 2004. — *Прим. науч. ред.*

² Авиаполевые дивизии — наземные соединения люфтваффе, построенные по подобию пехотных дивизий вермахта. Начали создаваться в 1942 году. Летом 1943 года они были изъяты из подчинения ВВС и переданы в состав сухопутных войск, в связи с чем переименованы в полевые дивизии (BBC) — *Feld-Division (L)*. — *Прим. науч. ред.*

личных регионах были созданы должности «командующих войсками СС»¹. Говоря об организации, надо сказать следующее: сначала Генрих Гиммлер и его Главное оперативное управление СС проводили свою линию, при этом им, естественно, недоставало практического опыта. И лишь во время войны развитие событий заставило руководство СС во многом приблизить организацию войск СС к организации регулярных частей вермахта.

Во время Западной кампании, а также в 1941 году на Востоке дивизии СС были моторизованы. В мобильной войне иметь одно моторизованное подразделение на три пехотных полка — слишком неудобно. Одно время существовали планы преобразовать третьи полки дивизий в «легкие» без возложения на них каких-либо конкретных задач. Это также было искусственным решением. И только потом дивизии стали формироваться по типу дивизий вермахта.

Тяжелая артиллерия начала поступать на вооружение войск СС уже во время кампании на Западе. Тяжелые зенитные батареи и батареи самоходных орудий появились, однако, только перед началом Восточной кампании. Переформирование отдельных батальонов в танковые произошло в конце 1942 года: сначала на вооружение СС поступили танки PzKpfw III и PzKpfw IV, затем «Тигры» и «Пантеры». В то же время в составе дивизий и при корпусных штабах войск СС были сформированы дивизионы реактивных минометов. Первый корпусной штаб войск СС был сформирован в 1942 году: сначала он не имел номера, а затем получил номер II². С 1943 года начали возникать новые корпусные штабы СС. В 1944—1945 годах на фронте действовала и самостоятельная армия СС (6-я танковая армия СС), которая под командованием Зеппа Дитриха участвовала в наступлении в Арденнах, а затем в боях в Венгрии.

¹ Командующие войсками СС (Befehlshaber der Waffen SS) — руководящие должности в системе войск СС. В их ведении находилось снабжение, комплектование, а в некоторой мере и оперативное руководство соединениями войск СС на определенной территории. — *Прим. науч. ред.*

² Более подробно историю создания отдельных высших соединений СС см. в 1-й части данного издания. — *Прим. науч. ред.*

Особенно следует отметить формирования, находившиеся под началом [штурмбаннфюрера СС Отто] Скорцени — противотанковые части, 500-й парашютный батальон СС. Сам Скорцени вышел из рядов войск СС, однако проведенные им операции по освобождению Муссолини и аресту [регента Венгрии Миклоша] Хорти выходят за рамки его службы в войсках СС. Об участии Скорцени в Арденнском наступлении, а также в операциях 1945 года на Восточном фронте будет рассказано в соответствующей главе.

Действия боевых подразделений войск СС будут рассмотрены в части II этой книги, здесь же, однако, необходимо вспомнить о тыловых службах: успех действий танковых и моторизованных дивизий во многом зависит от работы технического персонала и ремонтных подразделений. Они работают везде, кроме самого поля боя. Заслуга обучения и организации этих подразделений принадлежит Неблиху¹, который впоследствии стал руководителем автотехнических учебных курсов СС (SS-KTL). Санитарная служба, созданная Дермитцелем², находилась в войсках СС на особенно высоком уровне. Врачи и санитарный персонал, без тени сомнения, жертвовали своими жизнями ради спасения раненых. Санитарные роты и полевые лазареты блестяще выполняли поставленные перед ними задачи.

То же самое можно сказать и о руководителях административно-хозяйственной службы и чинах подчиненных им подразделений снабжения. Миф о том, что нас

¹ Вальтер Неблих (родился 25 мая 1895 года) начинал службу в дивизии усиления СС под началом Пауля Хауссера, где занимался вопросами ремонтных служб. К концу войны Неблих получил звания бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС. Он покончил с собой в мае 1945 года. — *Прим. науч. ред.*

² Доктор медицины Фридрих Карл Дермитцель (7.2.1899 — 7.7.1981) также начинал военную службу под руководством Хауссера: с декабря 1940 года по апрель 1942 года он был дивизионным врачом дивизии СС «Дас Рейх», а затем — корпусным врачом хауссеровского II танкового корпуса СС. Получивший в апреле 1942 года звания бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС Дермитцель в октябре 1944 года возглавил санитарную службу 6-й танковой армии СС. — *Прим. науч. ред.*

снабжали якобы лучше, чем других, говорит лишь о самоотверженности нашего персонала. Обслуживание в военных магазинах отличалось заботливым отношением. Подразделения снабжения, так же как и врачи с санитарями, исполняли свой долг со скромным героизмом.

Судебные функции в дивизиях СС осуществляли судьи СС, которые подчинялись руководителям судов — командиру дивизии или корпуса и входили в состав дивизионного (корпусного) штаба. Постепенно повышая свой уровень, они приходили к пониманию нужд полевых войск. Все приговоры на срок больше пяти лет и приговоры офицерам проверялись Главным судебным управлением СС и утверждались рейхсфюрером СС.

Об отношениях с вермахтом каждый может судить только по своему собственному опыту. По своему опыту я могу сказать, что эти отношения всегда были безоблачными и в большинстве случаев сердечными. Молодые войска создали себе имя благодаря своим выдающимся заслугам. Все командующие высшими объединениями сухопутных войск радовались, когда в их подчинение передавались части войск СС, и огорчались, когда их отзывали. Солдаты вермахта ценили эсэсовцев как надежных соратников. Конечно, в ходе войны возникали объективные противоречия, тем больше, чем легчевесней, напористей были личности начальников и подчиненных. И в наших рядах встречались твердолобые личности. Но, однако ж, мы не имели каких-то особых связей с рейхсфюрером СС, которые можно было бы использовать для обсуждения приказов непосредственных вышестоящих командиров или для жалоб на них. Последний год войны нельзя рассматривать как норму; в это время упало качество всех без исключения воинских частей.

С другой стороны, нужно отметить, что существовало множество сил, которые были заинтересованы в раздоре между вермахтом и войсками СС, отсюда и все эти утверждения о лучшем снабжении, оснащении и вооружении. То, что это ложь, знают все. У нас не было своих собственных запасов, и мы снабжались из продовольственных магазинов вермахта. Абсолютно так же дело обстояло и с вооружением. Особенности оснащения были одинаковыми, например, у «Лейбштандарта» с армейской дивизии.

зией «Великая Германия» (Grossdeutschland) или с дивизией люфтваффе «Герман Геринг». По поводу общего оснащения можно только сказать, что танковые и моторизованные¹ дивизии вермахта, так же как и подобные дивизии войск СС, имели вооружение, отличное от пехотных дивизий, и их нельзя сравнивать друг с другом.

Однако все это еще не является ответом на принципиальный вопрос — зачем все-таки были созданы войска СС. Чисто с военной точки зрения сосуществование дивизий сухопутных войск, авиаполевых и парашютных дивизий люфтваффе, народно-гренадерских дивизий, частей морских пехотинцев и дивизий СС с собственным командованием является нежелательным. Ни в чьи планы (это касается и Генриха Гиммлера) такая система, собственно, и не входила. Три с половиной дивизии СС, считая и полицейскую, во время Западной кампании и даже шесть дивизий СС в 1941 году на Востоке еще не составляли угрозу единству вермахта. Но с расширением войны возникла ощутимая нехватка в боевых подразделениях. Тогда движимый честолюбием Генрих Гиммлер захотел иметь возможность предложить Адольфу Гитлеру в случае необходимости новые части, укомплектованные представителями негерманских народов. Сами воинские подразделения были мало заинтересованы в таком «размножении»; это означало для них перебои в пополнении личным составом и техникой. Если бы мы могли ограничиться примерно 12—13 дивизиями СС, тогда бы они могли сохранить свою боеспособность до конца войны, потому что тогда, несмотря на все потери, хватило бы офицеров и унтер-офицеров для восполнения потерь. Принципы добровольности и жесткого отбора ведут к количественным ограничениям. Войска же СС, увеличи-

¹ В последнее время многие отечественные авторы и переводчики перестали переводить на русский язык термин *Panzergrnadier* и ограничиваются, как стало теперь модно, просто калькой. Однако в этой книге мы все же будем придерживаться традиционного перевода — «моторизованный». Тем более что особой роли это не играет и все слова о том, что калька якобы более точно передает «суть проблемы», не более чем попытка самоутверждения «ниспровергателей авторитетов». — *Прим. науч. ред.*

ваясь, постепенно выросли до размеров четвертой составляющей вермахта — наряду с сухопутной армией, военно-морским флотом, военно-воздушными силами.

Приведенный в приложении «В» список высшего командного состава, до командиров дивизий, не является полным¹. Особенно трудно проследить роль каждого командира в последних боях на Восточном фронте. Здесь, наконец, всплывают некоторые имена тех, кто не был связан с СС напрямую. Из 68 перечисленных здесь 28 погибли или умерли во время войны. Это следует учесть в дальнейшем.

Обсуждать действия высшего командного состава — не задача данной книги. Недоброжелатели уже неоднократно выдвигали свои обвинения: человеческий материал войск СС якобы замечателен, только вот уровень руководства ему не соответствовал, и это — вина «партийных генералов». Последнее действительно имело место, но только в отношении нескольких человек, и то только до 1944 года: это при том, если Зеппа Дитриха, Эйке и других можно назвать «партийными генералами». Но можно ли отнести этот термин к Зеппу Дитриху и [Теодору] Эйке?

Зепп Дитрих был ветераном Первой мировой войны, танкистом, технически хорошо подготовленным, солдатом от природы, который инстинктивно и верно находил правильное решение. И он прежде всего был образцовым представителем своего «Лейбштандарта». Начальник его штаба, [Фриц] Крэмер, пришел в СС из вермахта и добился выдающихся успехов в роли командира дивизии СС и корпуса СС.

Эйке тоже был участником Мировой войны и в целом был олицетворением соединений СС «Мертвая голова». Он был очень своенравен. Его влияние на войска, в том числе и на чужие части, было велико, особенно при проведении оборонительных операций. Слава, приобретенная дивизией «Мертвая голова» в оборонительных боях в

¹ В данном издании это приложение, помещенное Хауссером в своей книге, заменено на более полное, где приведен *исчерпывающий* список командиров корпусов и дивизий СС. — *Прим. науч. ред.*

окружении под Демянском, — это его слава. В 1943 году он был застрелен советскими солдатами на Восточном фронте, когда проводил разведку местности на своем «Шторхе».

Стоит ли упоминать [Германа] Фегелейна? По образованию и жизненной позиции он полностью выпадает из рядов командиров войск СС. Его положение при Адольфе Гитлере и оказываемое им влияние не были благоприятными. За это он и поплатился жизнью.

Всех остальных командиров можно разделить на две группы — старое и молодое поколение. К первым относятся ветераны Первой мировой войны, часть из которых затем проходила службу в рейхсвере. Они как раз и создавали части усиления СС. В большинстве своем это были своенравные люди, которые обрели духовную свободу и не боялись выступать с критикой начальства, поэтому с ними часто было нелегко работать. То же самое можно сказать и о командирах, которые вышли из рядов полиции. В целом они были определенно не хуже, чем офицеры вермахта. Я думаю, что имею право судить об этом на основании своего опыта и знания армейской службы. Любой проницательный человек скажет, что и у нас были отдельные трусы и командиры среднего уровня. Но никто не имеет права по частностям судить о целом. Среди вышеописанных офицеров «партийных генералов» не было.

Молодое же поколение состояло из людей, долгое время прослуживших в частях усиления СС, прошедших подготовку в юнкерских училищах и в самих войсках, мужавших вместе с новыми задачами войны, в большинстве своем сдавших экзамены на курсах командиров дивизий вермахта. Среди них были горячие головы, но на фронте они усвоили, что хороший командир должен беречь своих солдат. И они постепенно становились прекрасными командирами, гораздо выше среднего уровня. Работать с ними было одно удовольствие. Среди них не было трусов. Это были люди, на которых старики возлагали свои надежды на послевоенное время.

Войска СС были вынуждены сами искать кандидатов на занятие должностей офицеров Генерального штаба. Они проходили подготовку совместно со своими товари-

щами из вермахта. Я считаю своим долгом отдать дань памяти 1-му офицеру Генерального штаба войск СС [Вернеру] Остендорфу, который образцово справлялся с обязанностями офицера Ia¹ штаба дивизии, начальника штаба танкового корпуса и армии. Он не заканчивал военных академий, обучался еще в рейхсвере на преподавателя тактики люфтваффе, а позже — в юнкерском училище СС в Бад-Тельце и получил очень разностороннее образование. Он погиб на Восточном фронте в 1945 году, будучи командиром дивизии.

Но говоря именно о службе Генерального штаба, мы должны отдать дань памяти и многим офицерам вермахта, которые перешли в войска СС или были к нам откомандированы. Все они были верны идее и сделали все для ее осуществления. В этом и заключен, в конце концов, весь трагизм наших дней.

Генрих Гиммлер во время войны

Хоть Гиммлер и имел ранг рейхсфюрера СС, был ли он им на самом деле? Войска СС, как часть полевых войск, подчинялись Верховному командованию сухопутных войск. Он же имел влияние только в вопросах, о которых мы уже говорили выше. Генрих Гиммлер был шефом германской полиции, а позже — имперским министром внутренних дел, имперским комиссаром по укреплению немецкой нации, главнокомандующим Армией резерва, уполномоченным по делам военнопленных и в конце войны даже главнокомандующим группы армий «Висла». Все это было объединено с должностью рейхсфюрера СС.

Гиммлер не был солдатом; он не имел полного представления о трудностях военного руководства и обучения. Старики расценивали его соответственно; войска же лично его не знали. Во время войны Генрих Гиммлер

¹ По принятым в вермахте штатам, литерами «Ia» обозначался 1-й офицер Генштаба, который возглавлял Командный отдел штаба, а в дивизии также являлся и старшим офицером штаба и фактически — начальником штаба дивизии. — *Прим. науч. ред.*

и войска СС вынуждены были жить каждый своей жизнью. Поведение рейхсфюрера СС перед войной, когда он представлял перед нами идеалистом, никак не сходилась с тем, что мы узнали о нем только после войны — с его деятельностью во время войны, когда он использовал свою власть для бескомпромиссных приказов, приведших к концентрационным лагерям, массовым экзекуциям эйнзатцгрупп СД.

В мирное время отношение с партией и другими подразделениями СС было довольно непринужденное; части войск СС создавали на местах собственные партийные группы. Во время войны эти связи были нарушены; членские взносы не платились. Многие же солдаты войск СС вообще не были членами партии.

Войска СС несправедливо обвиняют в участии в оборонительных и разрушительных операциях в конце войны. Эти инциденты — не на совести непосредственно частей войск СС. Они шли в бой по приказу армейского командования.

При этом Борман как имперский комиссар обороны отдавал гаулейтерам приказы, ставившие в сложное положение и само военное командование. Подчиненные гаулейтерам властные органы забирали в боевые отряды больных, откомандированных или находящихся в отпуске эсэсовцев и полицейских и вели оборону по своему усмотрению.

Излишне лишний раз доказывать, что между войсками СС и персоналом комендатур концентрационных лагерей, охранных частей, гестапо, Службы безопасности, а особенно между войсками СС и эйнзатцгруппами¹, вышшими руководителями СС и полиции в регионах нужно провести строгую разграничительную линию. Общим у них было лишь единое руководство в лице Генриха Гиммлера, а также униформа и знаки различия.

Войска СС должны чувствовать себя обманутыми из-

¹ Эйнзатцгруппы (Einsatzgruppe) — особые карательные подразделения, действовавшие на оккупированных территориях; комплектовались в основном сотрудниками СД и полиции безопасности. — *Прим. науч. ред.*

за того, что Генрих Гиммлер и Поль¹ во время войны — без их ведома — причисляли весь персонал концентрационных лагерей к войскам СС, чтобы облегчить освобождение этих людей от военной службы для выполнения своих задач. Таким образом, Генрих Гиммлер привязал собственно войска СС к судьбе тех людей, которые ответственны за происходившее в концентрационных лагерях.

После того как Гиммлер в качестве главнокомандующего Армией резерва 20 июля 1944 года принял на себя управление делами военнопленных, все высшие руководители СС и полиции на родине наряду со званиями генералов полиции получили еще и звание генералов войск СС. Таким образом, все разграничительные линии были стерты и войска СС очернены так, что позже в Нюрнберге их не удалось исключить из списка «преступных организаций».

Общих СС во время войны уже фактически не существовало. К их остаткам войска СС тоже не имеет никакого отношения. Воинские же звания Общих СС, естественно, никогда не переносились на войска СС.

ГЛАВНОЕ ОПЕРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СС

(SS-Führungshautamt; SS-FHA)

Начальник Главного оперативного управления СС

Группа руководства

Адъютантура Ia (Оперативный отдел)

Управление I — Командное управление Общих СС

Управление II — Командное управление войск СС

¹ Обергруппенфюрер СС и генерал войск СС Освальд Поль (30.6.1892 — 8.6.1951) с 1934 года возглавлял административно-хозяйственные службы СС, которые в феврале 1942 года были объединены в Главное административно-хозяйственное управление СС (ВФХА). Под управлением Поля находилась разветвленная структура хозяйственных органов СС — войсковое хозяйство, бюджет и финансы СС, строительство, подведомственные СС промышленные предприятия. Кроме того, в состав ВФХА входило и управление, руководившее концентрационными лагерями. После войны Поль был приговорен к смертной казни и повешен. — *Прим. науч. ред.*

Управление III — Центральная канцелярия Управление
IV — Административное управление Управление V —
Управление кадров Управление VI — Кавалерийская и
автомобильная служба

Группа обеспечения

Управление VII — Служба снабжения Управление VIII
— Управление вооружений Управление IX —
Технические средства вооружения и
машины Управление X —
Авторемонтная служба

Группа подготовки и обучения

Управление XI — Подготовка офицерских кадров в юн-
керских училищах СС
Управление XII — Подготовка унтер-офицерских кадров
в унтер-офицерских училищах СС

Санитарная служба войск СС

Управление XIII — Социальное и пенсионное обеспечение
Управление XIV — Зубоврачебная служба Управление
XV — Санитарные склады-мастерские Управление XVI
— Военная гигиена Управление XVII — Санитарная
статистика

Главное оперативное управление СС (SS-FHA) как
высший орган, отвечающий за организацию боевых час-
тей войск СС и за проведение и организацию учебных и
резервных подразделений, училищ и учреждений войск
СС в местах дислокации, было сформировано к началу
войны из Инспекции частей усиления СС.

Если перед началом войны резервных частей боевых
соединений не существовало и части войск СС на родине
обладали относительной самостоятельностью, то с нача-
лом войны планомерное увеличение численности войск
СС, разделение частей на боевые и резервные, а также
новые организационные задачи, связанные с войной,
привели к жесткой централизации.

Хотя при создании Главного оперативного управле-
ния СС и был использован опыт немецкого военного
строительства, примерно до 1943 года приходилось по-
стоянно вносить изменения, чтобы исправить кадровые

недочеты, преодолеть сопротивление некоторых руководителей и подстроиться к численному росту войск СС и к условиям войны, которая к этому времени превратилась в тотальную.

Приведенная выше схема SS-FHA представляет собой окончательный вариант организации управлений. В рамках установленной с самого начала иерархии воинские части и службы войск СС на родине были подведомственны непосредственно SS-FHA. И только в областях, в которых были сконцентрированы учебные заведения, резервные воинские части и тому подобное, для упрощения служебного надзора назначался особый командующий войсками СС, который, в свою очередь, непосредственно подчинялся SS-FHA, а в остальном (по вопросам местного значения) сотрудничал с соответствующими руководителями государственной администрации, вермахта или полиции.

Посты командующих войсками СС были временно введены в генерал-губернаторстве¹, в Норвегии, Финляндии и Венгрии, на постоянной основе — в имперском протекторате Богемия и Моравия, а также в Голландии².

В ведение Главного оперативного управления СС не входили следующие вопросы:

а) кадровые вопросы, связанные с офицерским составом. Ими занималось Главное управление личного состава СС. Однако отдел этого управления, ответственный за командный состав, был на время войны командирован как отдел На в состав Главного оперативного управления СС, чтобы ускорить работу над личными делами офицеров;

б) хозяйственное снабжение. Снабжение боевых частей осуществлялось во время их тактического подчинения вермахтом, остальные же части и службы снабжались через Главное хозяйственное и Главное административное управления СС, которые для этого пользовались сетью

¹То есть на оккупированной территории Польши. — *Прим. науч. ред.*

²Кроме вышеперечисленных, посты командующих войсками СС существовали в Италии, Сербии, Словакии, на юге России и в имперском комиссариате Остланд. — *Прим. науч. ред.*

войсковых хозяйственных складов. Только снабжение обмундированием и снаряжением было для всех подразделений полностью подведомственно Главному административно-хозяйственному управлению СС. Управление IVa Главного оперативного управления СС представляло интересы Главного административно-хозяйственного управления СС;

в) вербовка новобранцев и пополнение войск СС возлагались на Главное управление СС (SS-HA). Область его полномочий ограничивалась доставкой завербованных рекрутов в определенные Главным оперативным управлением СС резервные воинские части. Далее ими занималось уже Главное оперативное управление СС. Кроме того, Главное управление СС отвечало за идеологическую подготовку военнослужащих войск СС;

г) судопроизводство СС, которое было построено на главном принципе, заключавшемся в том, что строгий отбор оправдывает и повышенные наказания за нарушения гражданского и военного уголовного законодательства. Руководство им осуществлялось Главным судебным управлением СС.

Все эти главные управления были подчинены непосредственно рейхсфюреру СС. Поскольку, с одной стороны, боевые части войск СС во время войны тактически относились к вермахту, и все части, боевые и резервные, по соображениям целесообразности и в организационных вопросах следовали указаниям Верховного командования сухопутных войск, то влияние рейхсфюрера СС, за исключением кадровой политики в отношении высшего командного состава, могло распространяться лишь на незначительные области.

И все-таки политика разделения компетенций, которую проводил рейхсфюрер СС, приводила к ощутимому усложнению работы и являлась причиной постоянных трений. Это вызывало многочисленные случаи молчаливых сговоров, с помощью которых становилось возможным соответствовать в организационных вопросах запросам военного времени.

Общий образ войск СС во время войны претерпел глубокие изменения. Изначально рекрутов отбирали по строгим критериям и только на территории Германии.

развитие войны привело к созданию воинских частей из датских, норвежских, голландских, фламандских и других добровольцев. Эти части применялись в основном на Восточном фронте, с единственным исключением: созданная в 1944 году бригада СС «Ландшторм Нидерланд» была удачно использована при обороне Голландии. Постепенно представители почти всех европейских наций объединились в совместной борьбе с большевизмом. Идея европейского единства получила здесь свое первое воплощение. На постоянной или временной основе были сформированы или присоединены созданные в составе вермахта валлонские, французские, итальянские, боснийские, хорватские, албанские, венгерские, румынские, украинские, латышские, эстонские, финские части, при этом в войска СС были приняты и другие, более мелкие группы, составленные из представителей других европейских народов. Эти части тоже использовались исключительно на Восточном фронте. В рамках борьбы против советского режима позже к нам присоединились русские, белорусские, туркменские и татарские части, а также казачьи формирования из народов Кавказа. Вспомним также и Индийский легион СС. Что касается личного состава войск СС, то с начала войны все большее значение стали приобретать фольксдойче¹. Эти солдаты, которые в основном происходили из Южной Европы, но также из России и Польши, некоторые из которых проходили в войсках СС военную службу в соответствии с договором между государствами (например, Румынией и Германией), составляли значительный контингент почти во всех частях войск СС.

Мы обрисовали здесь общую картину личного состава войск СС, чтобы показать часть тех проблем организационной работы, с которыми нужно было справляться Главному оперативному управлению СС на фоне трудностей, обусловленных постоянным численным ростом войск СС и развитием войны.

¹ Фольксдойче (Volksdeutsche) — этнические немцы («лица германской крови»), проживавшие вне территории Третьего рейха. — *Прим. науч. ред.*

сена. Было бы невозможно осуществить это так быстро без поддержки артиллерийской инспекции вермахта и артиллерийского училища. Во время Польской кампании полк полностью выполнил поставленные перед ним задачи.

Сначала о войне никто и не думал, потому что приближалась 25-я годовщина победы под Танненбергом¹. Столкновение с Польшей многим казалось неизбежным, хотя мы и надеялись, что все уладится мирным путем. Поэтому ввод войск 1 сентября 1939 года — сначала на неделю отложенный — был неожиданным. Войска вошли в Польшу концентрированно из Силезии — здесь находились основные силы группы армий [«Юг» генерал-полковника Герда фон] Рундштедта — и из Восточной Пруссии. В то время как внешние фланги из Верхней Силезии и Восточной Пруссии (13-я и 14-я армии) должны были, широко развернувшись, замкнуть кольцо, 10-я и 8-я армии из Силезии выступили совместно с 4-й армией из Померании на Варшаву для уничтожения основной группировки польских войск.

На правом фланге в 14-й армии действовал полк СС «Германия». Он захватил польский индустриальный район и проник до пригородов Лемберга². Здесь развернулись тяжелые бои, которые привели к серьезным последствиям (погиб командир батальона Кёппен)³. На этом примере особенно стало ясно, что отдельные полки без собственной дивизии в составе чужих воинских частей в большинстве случаев получают задания, которые они не могут или с большим трудом могут решить, поскольку им не хватает для этого средств поддержки.

¹ Танненберг, ныне Стембарк (Польша), — населенный пункт на территории Восточной Пруссии, в районе которого в сентябре 1914 года немецкие войска под командованием Пауля фон Гинденбурга нанесли тяжелое поражение войскам русского Северо-Западного фронта. — *Прим. науч. ред.*

² Немецкое название Львова. — *Прим. науч. ред.*

³ Имеется в виду оберштурмбаннфюрер СС Генрих Кёппен (родился 10 января 1890 года), командир 3-го батальона полка СС «Германия». Он погиб 16 сентября 1939 года в боях под Яворовым — *Прим. науч. ред.*

«Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» выступил в составе 10-й армии [генерала артиллерии Вальтера фон] Рейхенау из Силезии через Кройцберг-Питхен в северо-восточном направлении. После боев на границе и под Пабяницей он принимал участие в окружении под Кутно и сражении на Бзуре, где пошли в отчаянную атаку из района Познани на юг против немецкого фланга отрезанные польские силы. Потом полк двинулся на Варшаву и блокировал крепость Модлин на южном берегу Вислы. Здесь был задействован и саперный батальон СС, который выдвинулся из Ченстохова и позднее взорвал мост через Вислу близ Опатовки.

Смешанная танковая дивизия «Кемпф» с частями войск особого назначения ворвалась в составе группы армий [«Север» генерал-полковника Федора фон] Бока, 3-й армии [генерала артиллерии Георга фон] Кюхлера на укрепленные позиции противника на Млаве. Затем она была выведена из боя и задействована во втором эшелоне успешного танкового удара [Гейнца] Гудериана на Нейденбург. Она сражалась под Прашницем, форсировала Нарев под Ружанами, Буг под Брокком и дошла через Седльце до района восточнее крепости Деблин на Висле. Сражения, часто с открытыми флангами, были тяжелыми и не без критических ситуаций. В конце кампании дивизия «Кемпф» воевала против прорвавшихся сил противника с двухсторонним фронтом, и штаб дивизии в этот период находился практически на передовой.

Верховное командование опасалось прорыва польских сил из района крепости Модлин и Варшавы с севера. Поскольку собственные силы здесь были слабыми, танковую дивизию вернули и задействовали для наступления на Модлин. Крепость и ее внешние укрепления были взяты штурмом. Через три неполных недели кровопролитная битва на уничтожение на Висле закончилась.

После польской капитуляции дивизию «Кемпф» отправили обратно к Нейденбургу, где она была расформирована, а части СС направлены на создание собственной дивизии СС. Сформированный в 1938 году штандарт СС «Фюрер» был задействован для обороны Западного вала, на участке фронта Северный Рейн — Брейсах — Фрей-

бург. Соединения СС «Мертвая голова» провели локальную акцию в местечке Ашер, а часть из них была использована для формирования Данцигского хеймвера¹.

Голландия и Франция. 1940 год

Вступление немецких войск в Польшу привело к тому, что 3 сентября 1939 года войну Германии объявили Англия и Франция — событие, которого, очевидно, совсем не ожидало политическое руководство страны. Однако зимой 1939/40 года на Западе не последовало никаких серьезных военных действий. Войска стояли друг против друга на Западном валу и линии Мажино.

Дивизии СС посвятили это время обучению, тренировке совместных действий с различными родами войск, прежде всего с люфтваффе. Обучение владению оружием, тактические упражнения, тренировки сменяли друг друга. При этом все дивизии СС находились в подчинении Верховного командования сухопутных войск. У всех было впечатление, что столкновение с Западом неизбежно. Оно началось 10 мая 1940 года с атаки группы армий [«Б» генерал-полковника Федора фон] Бока (в состав которой были включены две дивизии СС) через Голландию и Бельгию и, южнее, группы армий [«А» генерал-полковника Герда фон] Рундштедта, прорывавшейся севернее Соммы к побережью Ла-Манша.

Основной удар наносился — в отличие от размытого плана Шлиффена 1914 года — не на правом фланге, а в центре, между Ахеном и Триром. Находившаяся на фланге 18-я армия, в состав которой были включены «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» и дивизия усиления СС, была особенно слабой. Но несмотря на это, ее наступле-

¹ Данцигский хаймвер СС (SS-Heimwehr Danzig) был сформирован в январе 1939 года из местных добровольцев в качестве отрядов самообороны, предназначенных якобы для борьбы с угрозой польской оккупации. В июне 1939 года в состав хаймвера были включены части из состава соединений СС «Мертвая голова» — 3-й штурмбанн СС 4-го полка «Остмарк» под командованием оберштурмбаннфюрера СС Гётце, который был переброшен в Данциг и переформирован в противотанковый учебный штурм СС. — *Прим. науч. ред.*

ние через Голландию и Бельгию сорвало тщательно разработанный план союзников выступить навстречу противнику сильным французско-английским северным флангом из Фландрии. Для взятия Роттердама и длинного насыпного моста у Мурдейка были задействованы парашютисты и авиадесантные части под командованием генерала [Курта] Штудента.

Решающий прорыв совершила группа армий Рундштедта; на острие которой действовали танковые группы [Эвальда фон] Клейста и [Гейнца] Гудериана, через Арденны, Маас у Седана и севернее. Верховное командование дважды вмешивалось в ход наступления и придержало танки на канале Ла-Бассе и, позже, под Дюнкерком. Возможно, причины этого объяснят историки в будущем. Благодаря этому вмешательству англичанам удалось эвакуировать свои войска, что они впоследствии объявили «Дюнкерским чудом».

После завершения этой первой фазы операции немецкие войска начали уничтожение остальных группировок французской армии, закрепившихся на «линии Вейгана», нанося главный удар слева на юг в район западнее Лиона — Бургундского канала.

* * *

Размещавшийся западнее Оснабрюка, на Рейне, «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» был приведен в боевую готовность. 10 мая 1940 года в нескольких колоннах он совершил марш-бросок в районе южнее озера Иссель до Цволле — Барневельда — Арнема, а затем продолжил наступление южнее Западного вала через Герцогенбуш — Мурдейка. Вместе с парашютистами «Лейбштандарт» взял Роттердам и продвинулся до района Амстердам — Гаага. Потом он был отведен через Маас и Валансьен и присоединен к 6-й армии, а затем — к танковой группе Клейста. К 22 мая «Лейбштандарт» продвинулся через Аррас и Булонь до побережья Ла-Манша.

При преследовании англо-французских войск, отступавших к Дюнкерку, «Лейбштандарт», находившийся в составе танковой группы Гудериана, ударил 24 мая с запада, захватил Ваттен и после тяжелых боев у Эскельбе-

ка — Варму ограничил вражеский плацдарм, после того как командование, наконец, отозвало приказ танковым частям остановиться на Аа. Во время этих боев Зеппу Дитриху, который лично решил провести разведку, 25 мая чудом удалось избежать плена. После короткой передышки в районе Кале «Лейбштандарт» перебросили к Камбре. Ему предстояло принять участие в наступлении 6-й армии через Сомму у Перонна. Бои велись в районе Ама — Ла-Фер — Лаон; Марну солдаты Дитриха форсировали у Шато-Тьерри, Сену — у Прованса. Далее — атака по линии Сане — Осер — Невер, атака на Мулен южнее Луары и дальнейшее наступление через Клермон — Виши — Роан до Сент-Этьена (юго-западнее Лиона).

В июле «Лейбштандарт» размещался в районе Парижа, а в начале августа был переведен в район Меца.

Дивизия усиления СС была приведена в боевую готовность в ночь перед наступлением у Везеля. Одна боевая группа — усиленный полк «Фюрер» — была передана в распоряжение штаба X [армейского] корпуса [генерала артиллерии Кристиана Хансена]. Она штурмовала у Грабберга хорошо укрепленные позиции «линии Граббе» и затем продвинулась до Амстердама — Харлема.

В составе XXVI [армейского] корпуса [генерала артиллерии Альберта Водрига] дивизия выступила вслед за 9-й танковой дивизией вермахта через Маас на Гох — Герцогенбуш — Бреду, южнее Западного вала. Местность, изрытая многочисленными каналами, на которых были разрушены мосты, поставила командование и войска в сложное положение. Столкновение с голландцами и французами — частями 7-й французской армии, которые выдвинулись из района Дюнкерка через Антверпен до Бреды, произошло лишь западнее Рисбергена. Части дивизии прикрывали севернее от Антверпена пути противника к отступлению, в то время как усиленный полк СС «Дойчланд» достиг побережья Северного моря и занял Влиссинген. Эти бои были тяжелыми, поскольку на полуострове Беверланд, который являлся укрепленным форпостом антверпенской крепости с затопленными и заминиро-

ванными территориями, можно было передвигаться лишь по напоминающим дамбы улицам. Два километра дамбы до острова Валхерен удалось преодолеть лишь при поддержке пикирующих бомбардировщиков. Бои здесь длились до 17 мая, несмотря на то что сама Голландия капитулировала уже 14 мая. По воспоминаниям [Уинстона] Черчилля, при этом сильно пострадал XVI французский корпус.

Непосредственно после этого дивизию отозвали и переправили изматывающими ночными маршами через Гай — Живе — Ирсон по Бельгии во Фландрию в составе 4-й армии и потом быстро переподчинили танковой группе Клейста для отражения англо-французских попыток прорыва из Арраса на юг. При дальнейшем продвижении на север дивизия была назначена в охрану правого фланга от войск противника, пытающихся прорваться из Бельгии на запад. После включения в состав XLI танкового корпуса [генерал-лейтенанта Ганса Георга] Рейнгардта дивизия приняла участие в тяжелых боях 23—25 мая на Лисе и канале Ла-Бассе у Эстре, Эра и Сен-Венана. Особенно сложным был бой 27—29 мая за лес Ньепп, который занимали оказывавшие упорное сопротивление англичане, перегородившие все проходы через многочисленные каналы. Танки пройти через них не могли, и это привело к ожесточенным ближним боям.

Смерть в Корне-Мало

Корне-Мало сотрясают яростные взрывы выпущенных из танка снарядов, он извергает огонь и ненависть из каждого уголка, из-за каждого кустика. Томми защищают Корне-Мало с упрямым ожесточением. Танки в третий раз катятся к бушующей деревне. Уже различимы очертания местного пляжа. «Стоя-я-ять!» Черт, почему именно здесь эта огромная канава. Танк едет вдоль нее слева. Не находит перехода, сворачивает направо. Здесь, здесь должен пройти. Механик-водитель щурит глаза и прикидывает — маневрирует вперед и назад, до тех пор, пока ему не удастся переехать еще один похожий на мостик переход. А теперь прямо по курсу крестьянский двор, окруженный крепким забором. «Газу! На стену!» Кирпичи крошатся. Боевая

машина врывается во двор, сворачивает железную решетку...

Но что же это ? Зрачки обершарфюрера сужаются, его губы сжимаются, напоминая тонкий нож, — куда ни кинь взгляд, всюду англичане, англичане. На противоположной стороне улицы, слева и справа, у домов, в сараях — англичане. Они с ужасом смотрят на танк, не двигаясь, как к месту прикованные...

Это великий момент боя, момент, во время которого весы тихо покачиваются и судьба замолкает, словно отходит в сторону, предоставляя людям решать за нее. Орудия изрыгают огонь тут и там, везде гремит железо. Молниеносный и мощный огонь танка загоняет противника в укрытие. «На-пра-во, ма-а-риш!» Машина продолжает двигаться к намеченной цели. Примерно через двадцать метров танк вдруг сотрясается. Экипаж чувствует что-то неладное в движении гусениц. Скорость становится все меньше и меньше, машина кренится направо, все ниже и ниже...

«Попали!»

Еще во время падения командир танка замечает сквозь смотровую цель вражеское орудие. Механически он откидывает люк: «Наружу!»

«Радист — к пулемету! Продолжать стрелять!» Железо звучит в голосе. Танк так неудачно лежит, что орудие больше невозможно использовать. Бравый радист прочесывает огнем местность перед собой — огневое заграждение для его товарищей. Томми спешат укрыться. Обершарфюрер вытаскивает унтерштурмфюрера и водителя из танка... Потом их догоняет радист...

Они стоят в канаве по грудь в воде. Потом пробираются вперед сквозь камыш и осоку. Силы уже на исходе, жизнь висит на волоске. Вперед, вперед... Мост! Обершарфюрер прыгает — и вот он уже на другой стороне, невредимый. И выразительно смотрит на своих двух товарищей. Унтерштурмфюрер готовится к прыжку, вытягивает руки и сгибается. Неистовый пулеметный огонь пронзает воздух над канавой.

Вперед! Теперь вот в кусты и через поле... Ползком, прижавшись как можно ниже к земле. Бесконечно медленно продвигаются вперед, по двадцать сантиметров. Они чув-

стывают запах земли под шипящими выстрелами и ползут вперед. Два с половиной километра. Время останавливается. Его больше нет, есть только это продвижение вперед ползком. Два с половиной километра. И снова канава, на этот раз вода достигает подбородка. Но теперь уже немного осталось...

Немецкая речь? В ушах звенит и шумит. Немецкая речь — дома! Два эсэсовца, все в грязи, пошатываясь, входят в деревню. «У тебя есть сигарета?» — «Только французская!» — «Спасибо!»

Радист: англичане уже почти рядом, каких-то пятьдесят метров. Он не осмелился прыгнуть через мостик. Пули свистят вокруг, рикошетируют и взрывая землю. Проклятый мост. Радист выбирается из канавы и лежит, прислушиваясь. Огонь утихает. Стоит ли ему прыгнуть? Он поднимает голову...

Но к нему уже подбегают томми. Убить их! Пистолет снят с предохранителя. Тем временем их стало уже двадцать, они спешат сюда. И восемь патронов. Не пойдет. Тогда он притворится мертвым — как там выглядят эти мертвые, когда валяются на земле? Он изобразит мертвого, лежащего на животе, думает он. Его руки хватаются за землю, голова обессиленно лежит в траве — многие еще держат оружие — пистолет остается в руке. Вот они подбежали, орут как сумасшедшие. Возможно, это конец — забыться, глубоко забыться — уйти из жизни... Но жизнь обжигает. Он чувствует удар ногой под ребра. Смех — что это тут опять... труп.

Теперь уже никто не околачивается вокруг него. Они спешат дальше, тащат боеприпасы, тяжело дыша и ругаясь. Наконец он привык к этому, дышит украдкой, как будто он всегда так дышал. Чувствует опасность, как будто он всегда умел чувствовать опасность, ощущает возможную необходимость умереть как человек, которому сказали, что однажды очередь дойдет и до него...

Вдруг что-то начинает твориться вокруг... Бам-м! И снова: Бам-м-м! Артиллерия, в тридцати, сорока метрах от него. Земля дрожит, осколки свистят в воздухе. Он забирается в болото и дышит через раз. Только бы не быть разорванным в клочки собственными гранатами.

Если бы дожждаться сумерек, то он был бы почти спасен.

Пулемет на мостике все не смолкает. Но теперь нужно действовать — оглядеться — и вот он уже пробирается вперед, через водяные канавы и борозды так, как это недавно делал командир танка. Постепенно на лес опускается вечер. Полыхающая деревня окрашивает небо в красный цвет, густые облака дарят долгожданные сумерки. Он бежит из последних сил к деревне, находит там батарею вермахта. Командир батареи встречает его как брата... На следующий день и он возвращается в родную часть...

(Материал рот пропаганды СС)

Соединение главных сил немецкой армии, вышедшей к побережью с востока и с юга, привело к тому, что дивизию усиления СС вывели из боя и отвели в район Хазебрук — Кассель. После небольшой передышки дивизия была переброшена в район юго-восточнее Арраса, где ей предстояло подготовиться к штурму «линии Вейгана», который занимали остатки французской армии, остановившиеся южнее большого клина прорыва. Дивизия присоединилась к 6-й армии [генерал-полковника Вальтера фон] Рейханау, сначала к XVI [моторизованному] корпусу [генерала кавалерии Эриха Гёпнера], которому был подчинен и артиллерийский полк для подготовки наступления. Во время атаки, начавшейся 5 июня, дивизия действовала во втором эшелоне. Ночью, после форсирования Соммы совсем рядом с открытым флангом противника, дивизия ударила глубоко в тыл врага. Завязались бои с фланговыми частями противника, — на Авре под Гербиньи. После прорыва танковой группы Гудериана восточнее, в Шампани, дивизия переправлена к частям XIV танкового корпуса [генерала пехоты Густава фон] Виттерсхейма танковой группы Клейста — для наступления на Труа через Суассон, за Марну и Сену. Южнее этого места 16 июня состоялись последние тяжелые бои с французами, отступавшими под напором южной группы армий [«Ц» генерал-полковника Вильгельма Риттера фон] Лееба от линии Мажино в западном направлении. Несмотря на временные кризисные ситуации, ко-

личество военнопленных превысило 30 000 человек. Наступление завершилось в районе Ле-Крезе.

21 июня дивизия усиления СС, а за ней и дивизия СС «Мертвая голова» двинулись по маршруту Орлеан — Тур — Пуатье — Ангулем — Бордо до франко-испанской границы (последний дневной марш-бросок составил 380 километров). Остатки французской армии были разоружены.

После подписания капитуляции дивизия приняла на себя охрану побережья Бискайского залива и демаркационной линии. После нескольких дней отдыха ее части были отправлены в Голландию, в конце года — в район Везуля.

Перед началом Западной кампании дивизия СС «Мертвая голова» была приведена в боевую готовность в районе Кёльна и после начала боев двинулась вслед за 6-й, а потом и 4-й армией вдоль Мааса по Бельгии по маршруту Мезье — Ле-Като — Камбре на Аррас. Там, во время отражения вражеских танковых ударов, 21 мая 1940 года развернулись серьезные бои, поставившие эсэсовцев в тяжелое положение. Наступление к побережью Ла-Манша с целью окружения англо-французской группировки привело дивизию в район канала Ла-Бассе и Бетюна, а затем — под Армантье и Байёль. Во время боев под Дюнкерком дивизия действовала в составе XVI танкового корпуса.

После короткого боя на побережье у Гравлина дивизию бросили в бой за «линию Вейгана» в районе Перонна. Бои в составе XIV танкового корпуса растянулись до Сены и Луары, а преследование отступающего противника — до района севернее Лиона. Затем последовала передислокация вслед за дивизией усиления СС для охраны побережья от Гаронны до франко-испанской границы и демаркационной линии.

Полицейская дивизия была переброшена с Северного Рейна в Париж. Она тоже приняла участие в боях.

Отрывок из военного дневника

В эту ночь дивизия совершает один из уже привычных ночных марш-бросков. Здесь нужно отметить заслуги водителей, их незабываемые подвиги во время таких ночей.

Ночной марш-бросок с 1 на 2 июня был особенно труд-

ным. Густые облака затянули небо, темно хоть глаз выколи. В соответствии с приказом едем с выключенными фарами. Что это значит — ехать в такую ночь по узким пыльным дорогам без света, поймет лишь тот, кто сам сидел за рулем.

Водитель пристально смотрит на едущую впереди машину, которая движется темной тенью и вскоре совсем исчезает в пыли, а потом вдруг ужасающе быстро останавливается прямо у его радиатора. И только молниеносный удар по тормозам предотвращает столкновение. Водитель проезжает в сантиметрах от лежащих справа и слева сломанных и сожженных машин неприятеля, которые, словно призраки, то и дело всплывают на обочине дороги. Дороги Фландрии после этой огромной схватки на уничтожение усеяны разбитым или просто брошенным транспортом английской и французской армий. В тех местах, где бомбы или танки попадали в колонны с лошадьми, на обочинах теперь стоят запряженные или распряженные добросердечными солдатами лошади, рядом со своими повозками или посреди зеленых полей.

Часто останавливаемся, как и во время март-бросков предыдущих недель. Впереди разрушенный мост, который нужно обойти по песчаному полю, через ухабистые импровизированные мосты. Другие колонны пересекают нашу дорогу или идут нам навстречу. Несмотря на все усилия командования, нередко две-три колонны идут по одной дороге. И часто освободить себе путь приходится, не церемонясь. Измотанные водители уже засыпают за рулем. Тогда мотоциклисты, громко крича, шумно проносятся вдоль длинной колонны, будя всех. Моторы начинают реветь, и постепенно гусеница колонны снова приходит в движение. И когда наутро или чуть позже конечный пункт марш-броска достигнут, часто без единой потери или лишь с вмятиной на грязной дверце, то это — заслуга водителей, которые вносят свой вклад в общий успех!

Заслуги войск СС в Западной кампании были отмечены первыми шестью Рыцарскими крестами:

— «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер»: [обергруппен-

фюрер СС, командир мотопехотного полка] Зепп Дитрих [4 июля 1940 года];

— Дивизия усиления СС: два командира арьергардных и штурмовых частей, командиры батальона и полка — [оберфюрер СС, командир мотопехотного полка СС «Фюрер» Георг] Кепплер и [оберфюрер СС, командир мотопехотного полка СС «Дойчланд» Феликс] Штейнер (оба — 15 августа 1940 года), [гауптшарфюрер СС, командир ударной группы 11-й роты полка СС «Фюрер» Людвиг] Кепплингер, [оберштурмфюрер СС, командир взвода 2-й роты разведывательного батальона СС Фриц] Фойгт, [штурмбаннфюрер СС, командир 1-го батальона полка СС «Дойчланд» Фриц] Витт [все трое — 4 сентября 1940 года].

Время до весны было посвящено тренировкам, отдыху и обучению, работе с новыми видами вооружения. Дивизия усиления СС передала «Лейбштандарту СС Адольф Гитлер» артиллерийское и тяжелое оружие, а вновь созданной дивизии СС «Викинг», командиром которой был назначен [Феликс] Штейнер — полк СС «Германия», вместо которого получила 11-й полк соединений СС «Мертвая голова».

В подготовке личного состава дивизии СС «Мертвая голова» особое участие приняли структуры вермахта, в подчинении которых она находилась. Они подчинялись генерал-полковнику Фридриху Долльману (он умер в [28 июня] 1944 году в должности командующего 7-й армией).

Работе помогали хорошие отношения, сложившиеся между Долльманом и Эйке. Дивизия СС должна быть благодарна генералу за это.

Далее, в районе Штеттина были сформированы горнострелковые части СС, из которых позже выросла 6-я горнострелковая дивизия СС [«Норд»] — впоследствии они были задействованы в Финляндии, — а на территории генерал-губернаторства кавалерийская бригада СС. Проведенные в Голландии осенью 1940 года полевые учения «Хельдер» служили, кажется, скорее сокрытию настоящих намерений. Адольф Гитлер в своей речи в Рейхстаге впервые признал заслуги наших воинских частей и

еще раз назвал их «Waffen SS» — войска СС. Дивизия усиления СС получила новое название — «Рейх», а позже — «Дас Рейх».

Балканская кампания

Неудачное решение Муссолини начать военную кампанию против Греции и последовавшее поражение итальянской армии заставили руководство Германии предложить ему военную поддержку. В состав войск вторжения входил и «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», который в середине февраля 1941 года был переброшен из Меца в Румынию. Затем он находился в состоянии боевой готовности в районе Софии — после присоединения Болгарии к Тройственному пакту — до начала апреля, а потом вступил на территорию Югославии в составе 12-й армии [генерал-фельдмаршала Вильгельма Листа].

В это время политическая обстановка неожиданно изменилась. После государственного переворота в Белграде недавние германо-югославские соглашения оказались недействительными¹. Югославия перешла на сторону наших врагов. Военная операция против Югославии была в большой степени импровизацией. 6 апреля 1941 года «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» под командованием Зеппа Дитриха перешел границу у Кюстендила и двинулся через Скопье к Монастиру. Здесь, на Клидийском и Клисурском перевалах, на греческой границе, развернулись тяжелые бои. В то время как некоторые части приняли на себя прикрытие других частей от албанцев, остальные смогли в районе Янины обезоружить крупную греческую группировку. Затем путь наступающих войск лежал на юг. Через Коринфский залив эсэсовцы переправились на Пелопоннес у Патры и в конце апреля достигли побере-

¹ 25 марта 1941 года югославское правительство Д. Цветковича подписало в Вене протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту. Это вызвало в стране взрыв негодования, и 27 марта 1941 года был совершен государственный переворот. Король Петр II объявил себя совершеннолетним и поставил во главе правительства антигермански настроенного генерала Д. Симовича. — *Прим. науч. ред.*

жья Средиземного моря, откуда через перешеек вышли к Афинам.

После передышки в районе Ларисы был предпринят отход через Скопье — Ниш — Белград на Брод, а в начале июня — в Брюн¹. Таким образом, закончился этот особенно интересный для «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер» поход.

В операциях против Югославии принимала участие и дивизия СС «Рейх». Она была неожиданно, без подготовки и без надлежащей готовности тыловых служб, переправлена из Везуля через Бургундский канал по замерзшему Шварцвальду через Южную Германию, Вену, Будапешт, Арад в румынскую Тимишоару. Здесь она вместе с армейским полком «Великая Германия» [и бригадой «Герман Геринг»] вошла в состав XLI армейского корпуса [генерала танковых войск Ганса Георга] Рейнгардта. Этот длительный и крайне тяжелый марш-бросок был безрадостен, но научил многому.

Основной удар в операции против столицы Югославии Белграда наносился южнее Дравы и Дуная; севернее рек сражался только корпус Рейнгардта, который был использован для «зачистки» Баната и Бачки. Подход к Белграду с Северного Дуная казался безнадежным. Несмотря на это, штурмовой группе — мотоциклетному батальону под командованием [гауптштурмфюрера СС Фрица] Клингенберга² — удалось на раздобытой моторной лодке, после преодоления нескольких препятствий, достичь Белграда и заставить мэра капитулировать. Арьергардные части вермахта подошли к крепости с юга примерно в то же время. Город, однако, был сдан Клингенбергу (за этот подвиг он получил Рыцарский крест; погиб в должности командира дивизии в 1945 году на Западном фронте³). Последующих приказов дивизии довелось ожидать в районе Гмюндена, юго-западнее Линца.

¹ Ныне это город Брно на территории Чехии. — *Прим. науч. ред.*

² Во время Балканской кампании Клингенберг командовал 2-й ротой 2-го мотоциклетного батальона СС дивизии СС «Рейх». — *Прим. науч. ред.*

³ Более подробную биографию Клингенберга (и других командиров войск СС) см. в Приложении. — *Прим. науч. ред.*

Кампания против Советской России в 1941-1942 годах

Солдат-фронтовик не мог предвидеть дальнейшего развития событий. О проводящихся переговорах с Советской Россией сообщали заведомо тенденциозные новости. Дивизии СС не принимали участия в заблаговременной концентрации сил на Востоке. Они еще находились во Франции, Германии и в протекторате [Богемия и Моравия]. И только незадолго до начала военных действий пять дивизий СС были отозваны на Восток.

Дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и «Викинг» вошли в состав группы армий «Юг» (главнокомандующий [генерал-фельдмаршал Герд фон] Рундштедт), «Рейх» — в состав группы армий «Центр» (главнокомандующий [генерал-фельдмаршал Федор фон] Бок) и дивизия СС «Мертвая голова» вместе с Полицейской дивизией — в состав группы армий «Север» (главнокомандующий [генерал-фельдмаршал Вильгельм Риттер фон] Лееб).

Наступление началось 22 июня 1941 года.

В связи с недостаточным количеством документов трудно объективно судить об этой кампании, тем более что в большинстве случаев единственным источником является собственная память. Подробности о подразделении и задачах групп армий все еще отсутствуют¹.

Можно с уверенностью сказать, что суждение о войсках СС со стороны как друзей, так и врагов сложилось именно на основе их участия в этих боях 1941 — 1942 годов. Эти первые дивизии СС сплотились и создали себе репутацию отважных и чрезвычайно надежных войск. Сначала познакомиться с ними смогла только часть вермахта, в первую очередь танковые и мотопехотные дивизии. Это было началом их фронтового братства.

¹ Напомним, что эта книга Пауля Хауссера увидела свет в 1953 году. — *Прим. науч. ред.*

Южный участок фронта

Группа армий «Юг» должна была наступать между Прутом и Припятью, минуя промышленный район Киева, чтобы сильным левым флангом оттеснить противника к морю. Сначала это не совсем удавалось. Дождливая погода замедляла продвижение вперед; ответные удары 5-й советской армии из района Припятских болот по нашему северному флангу свернули наступавшие войска с первоначального направления.

Дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и «Викинг» были одна за другой приведены в боевую готовность западнее Верхнего Буга у Томашова и южнее Холма и включены в состав 1-й танковой группы [генерал-полковника Эвальда фон] Клейста.

В ходе последующих операций эта группа проявила особенную маневренность. Ее бросили на Киев, потом, совершив маневр вправо, она участвовала в окружении войск [Маршала Советского Союза Семена] Буденного западнее Днепра. Потом войска группы — уже без обеих дивизий СС — двинулись на север, где с середины августа по 23 сентября оказали поддержку Гудериану в боях на радиусе огромного Киевского котла. В это время оставшая часть танковой группы — «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» и «Викинг» — наступали дальше на восток к Днепру между Херсоном и Днепропетровском.

Затем танковая группа воссоединилась, двинулась на восток, перерезав противнику дорогу севернее Азовского моря. Ее следующей целью был Ростов. Позднее развернулись операции, очень похожие на предыдущие: постоянные отражения контрударов, контратаки и позиционная оборона на Миусе.

27 июня 1941 года «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» пересек границу у Сокола и к середине июля продвинулся по маршруту Луцк — Ровно — Житомир в район Киева. Затем последовало участие в боях за Дубно и Улику, прорыв «линии Сталина» (на участке Горынь — Случь) у Ново-Мирополя, сражение на шоссе у Соколовки, блокада Киева. После этих пограничных боев дивизия свернула через Бердичев на юг, чтобы в начале августа замкнуть кольцо Уманского котла у Новоархангельска и потом, после боев у Зазелья и Ново-Данцига, взять Херсон

и занять оборону по берегам Днепра. После четырнадцатидневной передышки под Добринецом «Лейбштандарт» форсировал Днепр у Берислава.

Только спокойствие

Почти весь западный поход Хейн проспал на прищепе, кроме того времени, когда затевалась стрельба и ему нужно было менять магазины. В России со сном дело обстояло уже хуже, потому что там нужно было ожидать нападений и атак противника и во время переездов. Что ему совсем не нравилось, так это рытье окопов. Но он упрощал себе работу: один глубокий и широкий копок лопатой, чтобы он мог удобно лежать — ему этого хватало. И ему с такими окопами всегда везло. Однажды где-то у Ельни, куда мы никак не могли добраться со своими несколькими пушками против тридцати семи батарей иванов, мы хотели продолжить наш обед, прерванный переменной места. Мы уже уютно расположились вокруг кухни и итыком открыли банку ливерной колбасы, как вдруг нескольких глухих звуков выстрелов заставили нас броситься в разные стороны. Потом они превратились в грохот — куски грязи барабанили по земле и осколки свистели в воздухе. Когда мы отчаянно попытались отрыть окопчик хотя бы для защиты головы, Хейн закричал: «Сначала спрячьте колбасу и закройте кухню, а то сейчас снова ударят». Но в этот момент кухня нам была «до колбасы».

Во время наступления на Перекоп по земляному мосту к полуострову Крым части войск СС проводили операцию в районе южнее Херсона, в то время как другие упорно сражались за Татарский ров. Между Азовским морем и Нижним Днепром преследование противника сменялось отражением его контратак. С боями эсэсовцы после Сражения на Азовском море вышли к Мариуполю, а после Сражения на Донце 17 октября 1941 года взяли Таганрог, позднее — Ростов, после чего втянулись в затяжные — до середины ноября — оборонительные бои северо-западнее донской столицы. Захват огромных террито-

рий на Востоке происходил под постоянным давлением войск противника. До начала декабря «Лейбштандарт» сражался восточнее Миуса, а потом удерживал позиции на этом участке до начала июня 1942 года. После месяца службы по охране Каспийского побережья дивизию в начале июля 1942 года перебросили из Сталино во Францию. «Лейбштандарт» разместился до конца года северозападнее Парижа на отдых, пополнение и переформирование — теперь уже в танковую дивизию.

Здесь следует добавить, что 11 декабря 1940 года после нападения японского флота на Пёрл-Харбор последовало объявление войны Америке и что Адольф Гитлер после отставки [генерал-фельдмаршала Вальтера фон] Браухича лично принял на себя звание главнокомандующего сухопутными войсками — решение, последствия которого мы до сих пор не можем осознать. Главнокомандующий группой армий «Юг» [генерал-фельдмаршал Герд фон] Рундштедт был в конце 1941 года заменен [генерал-фельдмаршалом Вальтером] фон Рейхенау¹.

Дивизия СС «Викинг» была сформирована 11 ноября 1940 года в учебном лагере Хойберг из полка СС «Германия» и других частей. Ее командиром был назначен [бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Феликс] Штейнер. Кроме полка СС «Германия», основу «Викинга» составили полки СС «Нордланд» и «Вестланд», и, таким образом, дивизия почти на 50% состояла из голландцев, датчан, норвежцев и финнов. Это было первое воинское соединение, укомплектованное европейскими добровольцами.

Дивизия СС «Викинг» перед началом Восточной кампании развертывалась в том же районе, что и «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». Ее части перешла границу СССР 29 июня 1941 года в районе Равы-Русской. Во время приграничных боев в Галиции дивизия наступала через Тернополь, прорвала «линию Сталина» у Сатанова и достигла Проскурова. В районе юго-восточнее Житоми-

¹ Браухич был снят с поста главнокомандующего сухопутными войсками 19 декабря 1941 года, а Рундштедт заменен Рейхенау 30 ноября 1941 года — *Прим науч. ред.*

ра она втянулась в бои у Сквиры и Белой Церкви, на обоих берегах Роси.

Во время преследования отступающих к Днепропетровску частей противника дивизия сражалась у Смелы, на Днепре у Чигирина и приняла участие во взятии Днепропетровска. Оборонительные бои за предместное укрепление длились больше месяца. Дорога была открыта в конце сентября 1941 года, при этом важную роль в этом сыграла наступавшая по северному берегу боевая группа «Штольц», которой командовал [оберфюрер СС Артур] Флепс. Во время Сражения на Азовском море и преследования противника, отступавшего к Донцу, дивизия СС «Викинг» действовала севернее «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер». На ее долю пришлось бои в районе Игнатьевка — Мариенфельд, переход через Крынку, Миус, отражение контрударов у Бирючей и Дарьевки. Расстановка сил заставила дивизию 18 декабря отступить и занять оборону восточнее Миуса — по берегу Тузлова. Оборонительные бои на Миусе продолжались с 1 декабря 1941 года по 21 июля 1942 года. В течение этого времени части дивизии неоднократно использовались для нанесения контрударов на критических участках фронта, особенно западнее и севернее Сталино.

Чтобы сохранить логику событий, здесь надо упомянуть и дальнейшие бои дивизии — вплоть до марта 1943 года. Верховное командование уже в то время приняло решение перейти от обороны к наступлению на участке между Черным морем и Курском общим направлением на Кавказ, а также на Волгу (в районе Сталинграда) и на Средний Дон. Наступление началось в начале июля 1942 года. Дивизия «Викинг» продвинулась на юго-восток к Кавказу. Эти бои были наиболее успешными, но не могли повлиять на ход событий, который привел к Сталинградской катастрофе. Поскольку «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» находился во Франции, «Викинг» остался теперь единственной дивизией СС в составе группы армий «Юг». Теперь дивизия снова оказалась в составе танковой группы Клейста¹.

Прорвавшись через оборону противника через Сам-

¹ Имеется в виду 1-я танковая армия — *Прим науч ред*

бек, 24 июля 1942 года немецкие войска взяли Ростов и Батайск. Затем наступление продолжилось на юго-восток, и в начале августа 1942-го немецкие войска форсировали реку Кубань и ее приток Лабу. До середины сентября длились кровопролитные наступательные и оборонительные бои за Майкопский район и в горах Западного Кавказа (Пшехская, Линейная, Хадьженский, Апшеровский). Поскольку операции группы армий «Юг» здесь «застопорились», в середине сентября дивизия СС «Викинг» была переброшена на Восточный Кавказ. 26 сентября началось наступление на Грозный. У Загопшина и Малгобека развернулись тяжелые танковые бои. Несмотря на отдельные успехи, атака результата не имела, и поэтому дивизия СС была переброшена на юг в район западнее Орджоникидзе.

Безбилетный пассажир

Иногда прибытие новых курсантов в юнкерское училище порождало суматоху, и, когда кандидаты в офицеры стекались со всех концов фронта, не всегда все бумаги оказывались под рукой. Но в конце концов главное — это то, чтобы юнкера успешно прошли обучение, бюрократия могла и подождать. К каким милым сюрпризам это могло приводить, руководство училища увидело на примере одного «безбилетного пассажира», который, как и все, явился к началу курса и в обычной суматохе был принят на курс. Практически в то же время, когда ему вручали свидетельство о присвоении звания штандартен-обер-юнкера СС и особенно хвалили за прекрасные успехи, из войсковой части пришли надолго задержавшиеся документы. Согласно им, этого человека... «перевели в юнкерское училище в качестве конюха».

* * *

Бои здесь продолжались больше месяца. В ноябре командование дивизией принял [бригадфюрер СС и генерал-майор войск СС Герберт Отто] Гилле, который сохранил этот пост до августа 1944 года. Штейнеру же было поручено сформировать III танковый корпус СС.

В Сочельник многие части были отделены от своих

дивизий и переправлены по железной дороге в район севернее Маньча для организации отвлекающей атаки 4-й танковой армии [генерал-полковника Германа] Гота на Сталинград. Здесь в декабре танковая дивизия вермахта вела успешное наступление на отрезке между шоссе на Сталинград и Дон. Но прорыв советских войск с севера на Верхний Чир положил этому конец. Только после этого сюда были брошены все наличные резервы. Таким образом, «Викинг» прибыл слишком поздно, но тем не менее был включен в состав 4-й танковой армии, действовавшей у Зимовников. Надежды на спасение сражавшейся в Сталинграде 6-й армии были утеряны. Следствием было отступление по маршруту Орловская — Ростов в район Сталино. Этот маневр оказался особенно сложным, поскольку с северного фланга постоянно существовала угроза атаки со стороны опережавших армию советских частей (особенно при переходе через Дон у Ростова). В том, что эту задачу удалось выполнить, — заслуга командования.

Сразу вслед за этим, до середины февраля 1943 года, последовали бои за Красноармейск против южного фланга мощного советского наступления от Дона до Днепра и ответные удары до 1 марта в сторону Донца до Изюма параллельно с боями 4-й танковой армии Гота и Танкового корпуса СС за Харьков. Положение на линии фронта вдоль Миуса привело к новым боям на этом участке. Немецким войскам (Манштейн и Лист) пришлось проводить масштабные операции на Юго-Восточном фронте, в том числе на Западном и Восточном Кавказе и на Волге у Сталинграда. Сомнения в целесообразности действий Верховного командования особенно ярко проявились в том, как использовалась дивизия СС «Викинг». И здесь снова на первый план вышли экономические интересы (нефть!).

Центральный участок фронта

Группа армий «Центр», которой командовал генерал-фельдмаршал [Федор фон] Бок, должна была разгромить советские войска севернее Припятских болот, между Днепром и Двиной, и выйти правым флангом в район Ро-

славль — Ельня — Смоленск. Здесь находилось направление основного удара. Действующую справа танковую группировку группы армий вел [генерал-полковник Гейнц] Гудериан, слева — [генерал-полковник Герман] Гот. 2-я танковая группа Гудериана состояла из трех танковых корпусов, при во втором эшелоне двигался XLVI танковый корпус [генерала танковых войск Генриха фон] Фитингофа, в который входили 10-я танковая дивизия [генерал-лейтенанта Фердинанда] Шаала, дивизия СС «Рейх» и полк «Великая Германия».

Дивизия СС «Рейх» была в середине июня 1941 года развернута в районе севернее Люблина. После падения Брест-Литовска (пришлось задействовать армейский корпус и танки) XLVI танковый корпус был 26 июня выдвинут на шоссе на Барановичи; в арьергарде шла дивизия СС. На этом шоссе находилось несколько танковых и мотопехотных и одна пехотная дивизия. Очевидно, что это привело к определенным осложнениям. Затем танковая группа двинулась вперед широким фронтом, наступая южнее Минска, корпус Фитингофа шел в центре. Вскоре дивизию повернули направо и бросили в бой. Сражение разгорелось на болотистом участке местности между Припятью и шоссе — в районе Яселда — Сжара — Слух — Свислоч. До этого времени немецкие войска использовали в основном тактику использования сильных передовых отрядов. Оборона глубоких флангов требовала принятия решительных мер, при этом особенно хорошо проявил себя мотоциклетный батальон СС.

Серьезные бои развернулись 4—7 июля за переправу через Березину, южнее местечка Березино, а также через Прут. В этом сражении саперная рота СС, которую отдельно подтянули для подкрепления, была атакована советскими войсками и полностью уничтожена. Не выжил никто.

За Днепром возвышалась «линия Сталина» с несколькими предмостными укреплениями. После захвата предмостного укрепления у Шклова 10 июля удалось быстро переправиться на другой берег (вместе с соседним полком «Великая Германия»). Были сформированы ударные отряды, начавшие наступление на Горький. В этих боях погиб отважный командир 11-го пехотного полка СС

Вим Брандт¹. Несмотря на то что на правом фланге были обнаружены крупные силы противника, части дивизии были направлены в противоположном — северо-западном — направлении на Дорогобуж (восточнее Смоленска). Но труднопроходимые болотистые леса заставили командование снова повернуть эти части на восток. Это направление движения сохранилось, когда с 13 июля с юго-востока войска танковой группы были атакованы сильными советскими частями. Вслед за 10-й танковой дивизией «Рейх» двинулся в юго-восточном направлении через аэродром Починок до Ельни вдоль Смоленской железной дороги и отсек танки от линии фронта. Здесь с 20 июля началось великое испытание на стойкость, которое длилось пять тяжелых недель. В Ельне находилось острое всего Восточного фронта, который южнее загибался на запад к Киеву, а на севере через Смоленск заворачивал к Ленинграду. Об этот участок фронта разбивались различные по силе контратаки фронта [Маршала Советского Союза Семена] Тимошенко на юго-востоке, востоке и северо-востоке. 26 июля, например, с советской стороны было задействовано примерно от шести до семи пехотных и одна танковая дивизия. В этой связи в приказе по части была особенно упомянута группа «Фёрстер» из состава 1-го мотопехотного батальона. В результате этого боя была потеряна только одна деревня (Ушаково). При ночной попытке вернуть ее [1-й офицер Генштаба штаба дивизии оберштурмбаннфюрер СС Вернер] Остендорф заслужил Рыцарский крест.

Из приказа по дивизии от 9 августа 1941 года

...Штурмовые орудия несколько раз расчищали путь пехоте. На Березине русские подорвали мост как раз в то время, когда на нем находилось штурмовое орудие оберштурмфюрера СС Телькампа. Орудие свалилось с высоты примерно в восемь метров. Командир батареи гауптштурмфюрер

¹ Оберштурмбаннфюрер СС доктор Вильгельм (Вим) Брандт (родился 22 мая 1905 года), ветеран частей усиления СС, с 1 декабря 1940 года командовал 11-м пехотным полком СС (созданным из 11-го полка соединений СС «Мертвая голова»), который воевал в составе дивизии СС «Рейх». Он погиб 13 июля 1941 года. — *Прим. науч. ред.*

СС Гюнстер и оберштурмфюрер СС Телькамп вместе с расчетом продолжили бой, особо в нем отличились.

Обершарфюрер СС Блауенштейнер, 5-й роты полка СС «Фюрер», первым ворвался на позиции врага в предмостных укреплениях — на высоту 215 западнее Днепра и из тяжелого оружия уничтожил семь русских полевых укреплений.

Обершарфюрер СС Фридель, 3-й роты полка СС «Фюрер», после того как весь взвод погиб в бою за высоту 125, один, с ручной гранатой и пистолетом, прикрывал отход своего отряда на позиции.

Унтерштурмфюрер СС Рапль, из противотанковой роты, из своего орудия уничтожил в овраге на дороге на Дорогобуж восемь вражеских танков. Его образцово короткий приказ звучал так: «Подпустить на 50 метров, сначала первых, потом последних, потом — остальных!»

6-я батарея артиллерийского полка подбила, частично с открытых позиций, несколько вражеских танков. Командир батареи оберштурмфюрер СС Штоллер.

24 июля значительно превосходящим силам противника в третий раз, после сильнейшей артиллерийской подготовки, удалось ворваться в деревню Ушакове. Силы обороняющихся были подорваны. Положение стало критическим, поскольку дальнейшее наступление русских угрожало бы общему положению танкового корпуса. Первый офицер Генерального штаба оберштурмбаннфюрер СС Остендорф поспешил вперед, лично возглавив разведку участков прорыва, использовал оставшуюся тяжелую технику, иттурмовые орудия и позднее — танки, привел в боевую готовность последнюю находившуюся в его распоряжении роту и сам возглавил контратаку. Таким образом, ему удалось устранить опасность на левом фланге и нормализовать ситуацию. В этих ночных боях группа «Фёрстер» 1-го мотопехотного батальона показала пример героического выполнения своей задачи по прикрытию флангов роты...

**Штаб XLVI танкового корпуса, 10
августа 1941 года**

ПРИКАЗ ПО КОРПУСУ

После одного из тяжелых оборонительных боев на северо-восточном участке фронта у Ельни группа «Фёрстер» 1-го мотопехотного батальона СС, которой было поручено

прикрывать левый фланг роты, была найдена в следующем положении:

—командир унтершарфюрер СС Фёрстер, с зажатой в руке последней ручной гранатой: убит выстрелом в голову;

—первый стрелок роттенфюрер СС Клейбер, с пулеметом на плече и пулей в стволе: убит выстрелом в голову;

—второй стрелок иштурмман СС Бушнер, третий стрелок иштурмман СС Шима: убиты в окопе, винтовки на взводе;

—радист иштурмман СС Одлеберсхуис, убит у своей машины, с рукой на ключе, погиб в тот момент, когда собирался передать свое последнее сообщение;

—водитель иштурмман СС Швенк: убит в окопе.

От противника остались только трупы, лежавшие полукругом на расстоянии брошенной гранаты от позиций, занимаемых группой.

Вот пример того, что такое «оборона».

Мы высоко чтим их героизм.

Я распорядился, чтобы эти имена были опубликованы в почетном листе Верховного командования сухопутных войск.

*Командир корпуса Фитингоф-Шеель,
генерал танковых войск*

** * **

На других участках фронта войска смогли удержать позиции, не отдав противнику своей территории. После трех недель дивизию СС сменили две пехотных дивизии (286-я и 292-я) и она была переброшена северо-западнее, на позиции 17-й танковой дивизии. Затем, в конце августа, была на короткое время передислоцирована в резерв армии под Смоленск. Этот маневр был связан с принципиальным решением Верховного командования продолжить бои до наступления зимы; решением, которое в конце концов привело к неудаче всей кампании этого года. В основном существовало три варианта дальнейших действий: наступление на Москву, уничтожение советской группировки в районе Киева и наступление на Ленинград. Последний вариант не мог изменить ход войны. Москва была не только столицей, но и огромным узловым транспортным центром. В случае его захвата у противника для оперативной переброски войск остались

бы лишь несколько северных и южных железных дорог. Еще оставалось время перед осенней распутицей и зимой, чтобы достичь Москвы. Соответствующие предложения в срочном порядке поступили из штаба группы армий [«Центр»], а также от Гудериана. Однако они были отклонены, поскольку занятие индустриального района на Донце по экономическим соображениям вышло на первое место. Поэтому танковая группа Гудериана — сперва без корпуса Фитингофа — уже была брошена на юг для участия в боях за Киев. Севернее Десны она попала в сложное положение, и ей на помощь была отправлена дивизия СС «Рейх». До этого времени генерал-фельдмаршал фон Бок придерживал дивизию, все еще рассчитывая на скорое наступление на Москву.

Таким образом, в начале сентября дивизия двинулась по маршруту Рославль — Стародуб на юг и исправила положение, сложившееся на участке 10-й моторизованной дивизии, которая к этому времени была измотана тяжелыми боями на Десне. К позициям у Десны смогли добраться и принять участие в боях только отдельные части дивизии. Грозы и затяжные дожди превратили дороги в болото. Весь автотранспорт и технику пришлось вытаскивать на возвышенности с помощью тягачей. Следствием этого стали большие потери времени. Походная колонна растянулась на расстояние, равное семи дням марша.

Дивизия была подчинена штабу XXIV танкового корпуса [генерала танковый войск барона Лео] Гейра фон Швеппенбурга и использована на правом фланге корпуса, то есть на стыке со 2-й армией. 6 сентября дивизия захватила переправу через Десну у Макошино, при этом железнодорожный мост попал в руки мужественной штурмовой группы Рентропа¹ невредимым. Затем дивизия продвинулась на юг по железнодорожной насыпи, глубоко во фланг отходившим на восток советским войскам, и 16 сентября взяла Прилуки.

¹Оберштурмфюрер СС Фриц Рентроп (19.11.1917 - 2.2.1945) сначала командовал 2-й батареей 2-го зенитного дивизиона СС, а в октябре 1941 года принял командование 9-й ротой 3-го полка СС «Фюрер» К моменту смерти он был штурмбаннфюрером СС и 1-м офицером Генштаба (начальником Оперативного отдела) штаба IV танкового корпуса СС. — *Прим. науч. ред.*

Командующий 2-й танковой группой
23 сентября 1941 года

ПРИКАЗ ПО ДИВИЗИИ

Солдаты дивизии СС «Рейх»!

1 сентября 1941 года дивизия выдвинулась из района Смоленска, чтобы сражаться на правом фланге танковой группы за переправу через Десну. Марш-бросок был сопряжен с небывалыми трудностями, как для людей, так и для техники, из-за плохих дорог и частых ливней. Дивизия растянулась на расстояние более шести дней пути. В тяжелых боях фронт противника был прорван, Десна и Сейм форсированы, и 13 сентября замкнуто кольцо вокруг сил противника путем соединения с одной из танковых групп, наступавших с юга.

Командующий 5-й русской армией попал в наши руки. Тем самым был полностью повержен весь Южный фронт русских. В эти недели вы множество раз в полной мере исполняли свой долг, снося все трудности, несмотря на то что уже с 22 июня 1941 года не знали отдыха.

Славной страницей останутся в истории дивизии сражения за железнодорожный мост в Макошине.

Я благодарю вас за ваш боевой дух, который вы так часто проявляете. Я желаю дивизии, в данный момент уходящей из распоряжения нашей группы, всего наилучшего.

Да здравствует Германия и да здравствует наш фюрер!

Гудериан

К юго-востоку от этих позиций танковая группа Гудериана и, с юга, танковая группа Клейста (из состава группы армий «Юг») замкнули кольцо окружения вокруг Клева. Восточнее атаки противника на внешнем фронте окружения привели к тому, что дивизию вновь бросили в бой и ей пришлось до 22 сентября вести оборонительные бои и предпринимать контратаки в районе Ромн.

Операция по окружению и последующему уничтожению Киевской группировки советских войск была завершена. За ней должна была, хотя и немного позже, последовать операция «Тайфун» — наступление под Москвой.

24 сентября дивизия двинулась через Чернигов и Гомель на Рославль, где поступила в подчинение XL танкового корпуса [генерала танковых войск Георга] Штумме из состава 4-й танковой группы [генерал-полковника Эриха] Гёпнера. Сначала требовалось уничтожить советские войска, расположенные в районе Вязьмы и западнее ее. С этой целью 2 октября дивизия, двинувшись из Рославля в северо-восточном направлении к Юхнову и далее на север, замкнула кольцо окружения на шоссе Смоленск — Москва у Гжатска. Далее дивизия развернулась обратно на восток.

Сила духа остается нашим бронейным оружием

15.10.1941

Важнейшая ключевая позиция под Москвой прорвана. Сегодня непрерывно идет снег. Невозможно вообразить себе, как воюет наша пехота при таком снеге и в таком холоде. Дальнейшие батареи покрывают наши ряды сильным огнем. Брянский и Вяземский котлы уже почти уничтожены.

16.10.1941

Атаки продолжают. Наша дивизия тает на глазах. Но сила духа все еще остается нашим бронейным оружием.

Из дневника рядового противотанкового расчета

* * *

Восточнее, на уровне Бродино, позиции перед Москвой были особенно хорошо укреплены. На этом участке 13 и 14 октября дивизия совместно с 10-й танковой дивизией атаковала противника, при этом командир дивизии был ранен и не смог продолжить командование¹. Затем направление наступления повернули на север, на Русу. Начиная с 27 октября, осенняя слякоть парализовала движение танковых и моторизованных частей. Они оказались прикованы на позициях севернее Русы и до середи-

¹ В этом бою Пауль Хауссер, который говорит о себе в третьем лице, потерял правый глаз. — *Прим. науч. ред.*

ны ноября вынуждены были защищаться таким образом. Потом наступила зима. Появилась возможность двигаться дальше; 17 ноября наступление продолжилось. В начале декабря была взята Истра — маленькая старинная крепость северо-восточнее Москвы.

В эти дни линия фронта группы армий «Центр» проходила южнее низовий Оки, от Тулы до района восточнее Калуги — на участке танковой армии Гудериана, западнее Москвы, растянувшись через Димитров до Калинина на Волге, — на участке 4-й и 9-й армий.

6 декабря головные части дивизии смогли приблизиться к Москве до расстояния нескольких километров (Ленино — Рождествено). В это время, в связи с подходом свежих сибирских дивизий, противник начал наносить ответные удары. Советские войска смогли использовать время бездействия вермахта в ноябре для укрепления позиций под Москвой и для подготовки контрнаступления. До Рождества продолжались арьергардные и тяжелые оборонительные бои.

Потом последовало отступление из района Русы на Гжатск — с Нового года до середины января. А затем начались тяжелейшие оборонительные и наступательные бои с переменным успехом в районе Ржева — до, примерно, конца марта 1942 года. Здесь в январе, между Валдайскими высотами, Ржевом и районами Белый — Великие Луки — Холм, сильная советская группировка прорвала фронт, одновременно начав наступление из района Вязьма — Гжатск с целью окружить 9-ю армию. Однако в конце января северная группировка противника была атакована и уничтожена в тяжелых четырехнедельных боях в условия суровой русской зимы. Особенно отличилась в этих боях дивизия СС «Рейх», наносившая удар из района южнее Ржева, и боевая группа «Цеендер» из состава сформированной в генерал-губернаторстве и перебросенной под Москву кавалерийской бригады СС. Этот успех стал переломным пунктом в зимнем сражении.

Командование дивизией СС «Рейх» в середине октября 1941 года приняли на себя сперва [бригадефюрер СС, генерал-майор войск СС Вильгельм] Биттрих, потом временно — [бригадефюрер СС, генерал-майор войск СС Маттиас] Клейнхейстеркамп, в конце оставшейся боевой

группой командовал [штандартенфюрер СС Вернер] Остендорф. Солдаты были вынуждены переносить все трудности русской зимы вкуче с бедственным положением со снабжением. В тот год было значительно холоднее, чем в пресловутом 1812 году, когда Наполеон отступал из Москвы и замерзал на Березине.

История с Ко...

Это было как раз то время, когда произошла история с Ко. На самом деле его звали Ковальски, и был он маленьким потешным чудаком. Вначале я вовсе и не обращал на него особого внимания, пока однажды из-за потерь в личном составе ему не пришлось тоже встать за пулемет.

«Ковальски, завтра вы сдадите свой мотоцикл и перейдете в качестве третьего стрелка к Крамеру...»

«Слушаюсь, обер-юнкер!»

И все шло лучше, чем можно было себе представить, до той убийственно холодной ночи, после иштурма Карабиновки...

В этом бою погибла вся рота, за исключением пятнадцати человек, и вот мы сидели там — с более чем тридцатью пленными, которых мы заперли в одном старом бункере.

О работе по сменам, при том, что нас было всего пара человек на необозримом участке, не могло быть и речи. Тогда в Сычевке столбик термометра падал до — 50°.

Оба поста, охранявшие пленных, стояли, несколько защищенные от метели, у входа в разрушенный дом. Непосредственно рядом с ними узкий ход вел в подземный бункер. Если и было место, где можно было хоть немного укрыться, так это здесь.

Я только что удостоверился, что с пленными все было в порядке, как вдруг увидел кого-то, бежавшего ко мне. Это был плохой знак, потому что без приказа никто не мог покинуть свой пост. Когда этот кто-то подбежал поближе, я узнал его — это был Ковальски, маленький, неприметный Ко. Он споткнулся, когда увидел меня, потом, однако, проплелся мимо и, задыхаясь, сказал: «Вы можете меня все... Восемь часов без смены — да вы тут свихнулись!» Потом он пробрался в защищенное от ветра место под руинами дома, где горел костерок.

У меня кровь ударила в голову. Да он сошел с ума... Где

это видано, чтобы солдат осмелился без приказа уйти со своего поста, да еще в нашем положении, когда из каждой ложины, с любого направления могли напасть русские... и тогда с нами бы произошло то же самое, что произошло прошлой ночью с соседней ротой, которую за полчаса уничтожили до единого человека.

«Вперед — бегите вниз к мосту, где стоял этот парень! — крикнул я одному из часовых. — Да поторопитесь, дорога каждая минута!»

Н-да, еще и этому Ковальски нужно помочь прийти в себя, этого еще не хватало! Он же всю дисциплину сорвет... и почему именно Ковальски, который до сегодняшнего дня еще ни разу не выделился. Другой часовой посмотрел на меня. Его лицо было полностью покрыто изморозью, даже на бровях и ресницах висели маленькие сосульки. Хотя я не мог различить деталей его лица, но все же почувствовал, как впился в меня его взгляд. Я должен был поднять, согнать с места Ковальски, этого парня... и потом при первой же возможности написать о нем рапорт. Вот свинство, просто собачье! Это было неподчинение приказу, перед лицом врага! Если сегодня это сделал один, завтра все последуют его примеру...

Я взглянул на него, наблюдая, как этот слабенький подмастерье сидел на корточках под балками, как он ежился от холода и все ближе подставлял свои руки и ноги к огню, хотя от этого он не мог согреться ни на градус, потому что вся его одежда насквозь обледенела и замерзла... И тут я вдруг спросил себя, а что я все-таки знаю об этом пареньке, который сегодня впервые «выделился», которого я, по сути дела, сегодня впервые заметил? Он всегда тихо и незаметно оставался на втором плане, Ковальски, стрелок Гюнтер или Герхард Ковальски, может, восемнадцати лет от роду — при этом он выглядел на шестнадцать, а когда замерзал, как сейчас, то и на четырнадцать.

Я не знал о нем ничего — вот свои пулеметы и гранатометы, их я знал и хорошо умел с ними обращаться, и никогда бы мне не пришла в голову мысль давать им слишком большую нагрузку, например, стрелять двадцатью зарядами одновременно, потому что тогда они бы разорвались и снесли нам головы. Но вот о человеке Ковальски я ничего не знал, хотя он уже десять недель воевал вместе с нами. Он

выстоял самые опасные первые недели, и все шло хорошо до того момента, пока я не сказал ему: «Ковальски, вы направляйтесь на позицию у моста...» И Ко пошел.

Я не спросил себя, достаточно ли силен Ковальски для этого задания ?В состоянии ли он вообще еще держаться на ногах, или он вот уже на протяжении часов мучительно стискивает зубы, считая минуты, потому что от холода уже перестал чувствовать, как кровь струится в его жилах? Потому что каждое движение отзывается в нем болью и перед глазами у него стоит лишь ужас ближнего боя — первого ближнего боя за его трехмесячную солдатскую жизнь и за его восемнадцать лет: свист-пуль совсем рядом, треск гранат, и нужно вбежать в черный дым, чтобы уничтожить врага, до того как он успеет снова подняться... Может, он похолодел до мозга костей, когда понял, что даже незначительное ранение означает смерть, потому что открытые раны схватывал мороз.

Я смотрел на этот маленький человеческий комочек, который ежился у огня, и сказал часовому: «Он истощен, Элрс. Смотрите, чтобы он совсем не околел. Я хочу посмотреть, можем ли мы еще на эту ночь оставить всех на своих местах, потому что смена постов может быть очень опасна...» И когда я заметил удивление на лице часового, я резко добавил: «В остальном я настрого приказываю вам молчать об этом происшествии. Мы оба знаем, как оценивать его, но один раз каждый может дать осечку... один раз — я полагаю, вы поняли меня!» — «Так точно, обер-юнкер!»

Ночь прошла, и никто из часовых не заговорил о происшествии. Через три дня нас наконец-то сменило подкрепление из полка СС «Дойчланд».

Мы шли обратно, сквозь снег, колонной по одному. Как и положено при таких мариш-бросках, я замыкал колонну. Теперь нас было примерно двенадцать, и каждый тащил пулемет.

— Ковальски, остановитесь-ка, я думаю, нам с вами нужно кое о чем поговорить!

Ковальски пропустил остальных:

— Слушаюсь, обер-юнкер!

— Теперь я подам на вас рапорт, Ковальски. Вы знаете, что это значит: военный трибунал!

Ко молчал.

—Вы вообще отдаете себе отчет, что вы сделали?

—Так точно.

—Скажите, вам что, больше нечего сказать, кроме как «так точно»?

—Так точно, обер-юнкер, — теперь Ковальски неуверенно взглянул на меня. Я не мог сдержать улыбки и постарался не показать ему этого.

—У меня впечатление, что вы не очень верите в то, что я подам на вас рапорт...

—Так точно, обер-юнкер.

—Как это понимать, вы не верите...

—Нет.

—Ничего себе — да вы совсем рехнулись. Это было бы на рушением всех правил — как вы это себе вообще представляете?

—Нарушением правил было уже то, что вы позволили мне погреться у огня.

—Так, это до нас все-таки дошло. Но вот то, что нужно оставаться на посту до приказа, — очевидно, нет.

—В ту ночь нет, но... позднее.

—Позднее?

—Да, на следующий вечер. Тогда я спросил Элерса о том, что вы сказали по поводу моего... моего поведения...

—И что?..

—Элерс рассказал мне, что вы настрого запретили разговаривать об этом.

—Да, и поэтому... Я не понимаю.

—Все понятно, обер-юнкер, — и потом вы еще сказали Элерсу о том, что каждый может один раз дать осечку...

—Это все?

—Нет, обер-юнкер...

—Почему вы вдруг стали говорить так тихо?

Тут маленькому Ковальски, который до этого так четко отвечал, отказал голос. Он сглатывал и сглатывал, но потом все-таки смог продолжить:

—Вы еще... сказали... один раз можно дать осечку... один раз...

—Так, так.

Вот он какой, значит, Ковальски.

Я сжал губы. Элерс и Шиллинг, очевидно, высказали ему

свое мнение, возможно, они обладали большим чутьем, чем обер-юнкер, который знал о солдате из своей роты только то, что его зовут Ковальски. Но при этом они были его товарищами.

— Почему же вы сами не подошли ко мне? Вы могли бы по крайней мере извиниться.

— Я намеренно не сделал этого, обер-юнкер, это бы вы глядело так, словно я хочу уйти от наказания...

Я посмотрел на него долгим взглядом и потом ответил:

— Ну, хорошо. Теперь мы разобрались. А в остальном — запомнить на будущее: каждый остается на своем посту, пока его не отзовут приказом, и после этого нужно сдать пост — понятно? Сдать пост!

— Так точно, обер-юнкер.

Примерно три недели спустя мы вновь пошли в наступление, в одном лесу на Волге. Наш командир Тюксен был накануне ранен, и поэтому началась ужасная неразбериха. В этот день мы должны были принять участие в некой особой операции. Сразу же после приведения в боевую готовность рота была атакована с фланга русскими. В последний момент из наших рядов затрещал пулемет, который длинными очередями остановил атаку и, таким образом, спас нас на короткое время от смертельной опасности. И только от стойкости этого одного пулеметчика зависело, сумеем ли мы перебросить еще силы на атакуемый фланг. Русские вскоре вычислили пулемет и направили на него яростный огонь. Но стрелок выдержал его и, несмотря на срочную необходимость смены позиции, отстреливал ленту за лентой.

Я заорал так громко, как смог: «Смена позиции», но тот, кто был за пулеметом, не послушался, ведь он знал, что если он прекратит огонь, то тут же последует новая атака. Вокруг него уже пули вздымали снег, но он не позволял себе отвлечься.

И тут вдруг разом огонь прекратился — заел патрон — холостой выстрел? Или... Я посмотрел туда. Стрелок лежал лицом вниз поперек своего пулемета. Тут я оставил свой собственный пулемет и бросился к нему. Невдалеке от него мне пришлось упасть на землю, потому что на меня тут же обрушился яростный огонь.

Я осторожно поднял голову и крикнул второму стрелку, который обернулся ко мне:

— Что случилось, Вандер?

— Ранение в грудь, обер-юнкер! Я сейчас заменяю...

В этот момент раненый задвигался, медленно поднялся и посмотрел на меня огромными глазами: Ковальски! Меня бросило в холод. Это был Ковальски ? О Боже! «Ковальски, оставайтесь лежать, сейчас санитар заберет вас...» Но Ко продолжал пристально смотреть на меня. Потом он встал... с трудом, пошатываясь... но прямо, как свечка, — и только я хотел закричать на него, чтобы он, ради бога, лег, он сделал несколько шагов по направлению ко мне... потом поднял руку для приветствия... и сказал на глазах у всех и под сильнейшим русским пулеметным огнем спокойным голосом: «Пост сдал, обер-юнкер...»

Непосредственно вслед за этим у него началось кровотечение из горла, и он, будто подкошенный невидимым серпом, рухнул на землю.

1-й мотострелковый батальон дивизии СС «Рейх»

Наше оружие и моторы не были приспособлены для таких морозов. Для сохранения боеспособности войск решающую роль играла хорошая организация мест их расквартирования. Ведь несение охранной службы и бои всегда происходят на открытом воздухе. Штурмовые орудия можно было использовать, предварительно расчистив территорию от снега. Возникали импровизированные части, приспособленные к зимним перевозкам, а также лыжные части. Реки и болота теперь стали полностью проходимыми. Зимнего же обмундирования не хватало, и как следствие — большое количество обморожений. И эти замечания верны для всего Восточного фронта. На постоянных позициях условия, естественно, были более сносными.

Во время зимних боев дивизия находилась в составе 9-й армии. Ее командующий, генерал[полковник Вальтер] Модель, особо отметил успехи дивизии СС. Его непосредственное участие в операциях — в большинстве случаев в «Шторьхе» — имело большое значение для общего успеха. Упрямое требование Верховного командования держаться во что бы то ни стало на всех завое-

ванных позициях и отказ от любого, даже тактически оправданного, отступления, лишь частично помогли преодолеть трудности этих зимних сражений. Но в целом подобная тактика была неверна и привела к отставке таких командиров, как Гудериан и Гёпнер, не говоря уже о дальнейших трагических последствиях подобного руководства!

После окончания боев под Ржевом и Оленино дивизия была сильно потрепана. В конце марта 1942 года ее вывели с фронта для переформирования в танковую дивизию. Ее командиром на этот период стал [группенфюрер СС, генерал-лейтенант войск СС Георг] Кепплер. Сначала дивизию перевели в учебный лагерь Фаллингс-боштель, а затем — до конца года — в Южную Францию, южнее Гаронны.

Пример для многих!

Бои «самостоятельного» 4-го полка СС

«Мертвая голова»

Конец 1941 — начало 1942 года

Этот моторизованный полк был после боев в составе 2-й бригады СС под Ленинградом в середине декабря 1941 года переброшен в Краков, чтобы после переформирования войти в состав дивизии «Рейх». Но все сложилось иначе! Наступление танковой армии Гудериана на Москву восточнее Оки провалилось, а Гудериан, попытавшийся получить разрешение на отход из тактических соображений, был снят с должности. На юге русские прорвали фронт, на севере позиции 4-й армии также были прорваны. Нужно было выстраивать промежуточную линию фронта. Для этого с 18 по 30 декабря полк под командованием Шульцта был переброшен воздушным путем вперед. 120 «юсов» перебросили по очереди около 3000 солдат с легким вооружением в 30-градусные морозы в Калугу, Малоярославец и Юхнов. Тяжелые орудия и машины были переправлены маршброском.

На первых двух аэродромах уже находились русские. Некоторым частям удалось спастись. Прямо с колес была предпринята атака. Оба батальона прикрывали движение

4-й армии и в тяжелых боях с большими потерями смогли прорваться через Медынь обратно в Юхнов.

2-й батальон Харцера после высадки в Юхнове был включен в состав 16-й танковой дивизии вермахта и, после того как его техника была установлена на полозья, был направлен на юго-восток. Батальон взял Зубово — на расстоянии примерно 20 километров, организовал с помощью подручных средств сопротивление и держал эту далеко уходящую в глубь территории дугу до 20 января. На севере постепенно формировалась слабая линия фронта.

На юге, однако, еще не произошло затягивания фронта, потому что русские продвинулись здесь дальше, чем на севере. Позицию было невозможно удержать; согласно приказу ее оставили, и полк был собран под Юхновым.

Параллельно с атакой крупных сил противника из района Ржева русские попытались взять нас в «клещи» в районе между шоссе Москва — Рославль и Москва — Вязьма. Здесь назревала действительная угроза! Полк был с небольшими подкреплениями переброшен на север для наступления от Средней Угры, притока Оки, до железной дороги Калуга — Вязьма. 19 января он вышел из Федотовки без танковой и артиллерийской поддержки — нередкая судьба частей, предоставленных самим себе, не находящихся постоянно в подчинении одного и того же крупного соединения. Было захвачено несколько местечек, потом совместно с войсками парашютистов освобождена дорога на Юхнов, перекрытая русскими.

Начиная с 30 января сильные атаки противника следовали непрерывно. На поле боя появились первые Т-34; наши противотанковые пушки были бессильны против них, их просто давили. 3-й батальон оставил местечко Колодозы. Количество потерь резко возросло. Лишь некоторые легкие полевые гаубицы были в состоянии уничтожать русские танки. Гроза танков работала! Новые атаки и прорыв вражеских танков вынудили оставить Колодкино. Наконец, нам придали танковую роту. В ходе ночной контратаки 2-й батальон снова захватил местечко. Их глазам предстала ужасная картина. Все пленные и раненые были убиты русскими. Вечером 8 февраля полк был сменен частями пехотной дивизии и переброшен дальше на север, чтобы прикрывать дорогу Юхнов — Вязьма. Тогда в полку было

еще 700 человек. Главная линия обороны, намеченная командованием, была отвоевана и затем оборонялась. В марте последовал приказ об отступлении. В полку оставалось только 180 человек. Он был отозван и поступил для переформирования в распоряжение дивизии «Рейх».

Полк сражался великолепно. Благодаря целенаправленному и продуманному руководству его командиров, он мог нивелировать недостатки отдельных операций, проводимых им в составе чужих подразделений или на тех участках фронта, где пытались удержаться уже остатки частей. В качестве признания полк получил почетное название «Лангемарк».

Оберфюрер СС Вальтер Харцер

* * *

Данное описание боев полка — типичный пример того, как, говоря солдатским языком, губили самостоятельные части! Боевой состав сократился в течение четверти года с 3000 до 180. Но действия командования были не их прихотью, а жесткой необходимостью. Такая же участь ожидала в будущем все боевые группы, включенные в чужеродные им части. С другой стороны, это описание боев показывает несерьезность послевоенных высказываний представителей армии о войсках СС.

Между тем кавалерийская бригада СС в районе Дебичи и Кильце была в сентябре 1942 года развернута в кавалерийскую дивизию СС, командиром которой стал [бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Вильгельм] Биттрих. В середине сентября ее перебросили под Смоленск, чтобы отсюда начать наступление в северном направлении на Велиж. После оборонительных боев до середины октября севернее дороги Велиж — Невель в особо тяжелых условиях лесной и болотистой местности дивизия временно оказалась в резерве 9-й армии у Баргурино. Затем до конца года она использовалась для обороны в районе Белого. Здесь тоже разгорелись жестокие бои. Это было связано с советским наступлением в про-

межутке между группами армий «Центр» и «Север» — через Торопец в тыл и во фланг 9-й армии.

Наступление группы армий «Север» было нацелено на район между верхним течением Волги, Валдайской областью и Ленинградом. Ее войска своим сильным правым флангом должны были сбросить находящиеся там, предположительно слабые, части противника в Балтийское море. В составе ударной группировки находились 3-я дивизия СС «Мертвая голова» и 4-я полицейская дивизия СС.

Дивизия СС «Мертвая голова» была в июне 1941 года сосредоточена под Мариенбургом и 21 июня выступила из Инстербурга на Каунас в составе 4-й танковой группы. Она приняла участие в боях между Неманом и Двиной, 6 июля дивизия прорвала «линию Сталина», линию на старой границе Российской империи. Затем дивизия повернула в северном направлении на Опочку и, не прекращая боев, продвинулась юго-западнее озера Ильмень до района восточнее Порхова. Дивизия сражалась севернее реки Шелонь, впадающей в озеро Ильмень, затем в составе LVI танкового корпуса продвинулась через Сольцы на север. В этот момент она была снята с фронта, поскольку советское наступление на Ловати поставило войска группы армий в тяжелую ситуацию. «Мертвая голова» снова переправилась через Шелонь на юг, чтобы подготовиться к прорыву на участке у Полисти. Это привело к сражению на Ловати и Поле, а затем и к наступлению через Демянск к северу до Лушно. Сильнейшие контратаки противники с юго-востока и северо-востока привели к оборонительному сражению, которое продолжалось до 7 января 1942 года в Валдайских горах у Осташкова и севернее Старой Руссы, и, как следствие, — к обороне Демянского котла до 30 июня 1942 года, в котором мужественно держались два корпуса (сравни бои за Ржев).

Тогда — на озере Ильмень

*Глотая пыль в жару и зной, Зимой
в снегу, в объятиях льда Лежали
мы в дали лесной У Ильмень-озера
тогда...*

*Как страшно с русскими сражались,
Не позабудешь никогда, Нам нелегко
победы дались У Ильмень-озера
тогда...*

*Не за огромный бились город,
Что мог бы грезиться всегда,
Все было просто и сурово У
Ильмень-озера тогда...*

*И было много в землю павших,
Бездушный снег занес кресты,
Но в памяти остался нашей
Тот бой у Ильменской воды.*

Гейнц Бете

Эти сражения стали одной из самых славных страниц в истории дивизии СС «Мертвая голова». Под личным руководством Эйке находились не только эсэсовцы (среди них — и малочисленный, но храбрый Добровольческий корпус «Денмарк», командир которого [Кристиан] фон Шальбург погиб в бою), но и ряд армейских подразделений, включая и тыловые службы, которых великомерно поддерживала артиллерия дивизии. Эти сражения крепко сплотили дивизию для будущих боев.

Добровольческий корпус «Денмарк»

После того как мы несколько дней пролежали на своих позициях, которые постоянно подвергались жестоким атакам, наш командир попросил у штаба дивизии приказ пойти в контратаку, не дожидаясь, пока нас разнесут в клочья. Разрешение было получено, и началась атака с ограниченными целями, которая стала для молодого Добровольческого корпуса судьбоносной. Вместе со многими храбрыми датскими офицерами, унтер-офицерами и солдатами в этой операции пал и командир иштурмбаннфюрер СС фон Шальбург — борец за великую европейскую идею. Но, несмотря на эти тяжёлые потери, Добровольческий корпус не сдался и добился своей атакой того, что на некоторое время на линии фронта воцарилось спокойствие. Затем последовали

новые задания, они исполнялись, несмотря на то что это стоило большой крови. В этих боях погиб, среди других, и наш следующий командир.

После этой операции численность корпуса сильно сократилась, но боевой дух не был сломен. С гордостью все принимали приказ командира корпуса:

***Штаб II армейского корпуса командный
пункт, 1 августа 1942 года***

С 8 мая 1942 года легион «Денмарк» принял участие в боях за крепость Демянск. Оставаясь верными присяге и памяти своего первого командира, павшего смертью героя иттурмбаннфюрера СС фон Шальбурга, вы, офицеры, унтер-офицеры и солдаты легиона, постоянно показывали все новые примеры величайшей храбрости и бесстрашия, а также доказывали свою образцовую твердость и выносливость.

Товарищи из вермахта и войск СС гордятся тем, что могут сражаться с вами плечом к плечу, связанные крепкими узами братства по оружию. Я выражаю вам благодарность за вашу верность и храбрость.

*Командир корпуса Граф Брокдорф,
генерал пехоты*

* * *

После разрыва кольца блокады части дивизии СС оставались здесь еще до осени 1942 года, в то время как в Зеннелагере в июле 1942 года началось переформирование дивизии «Мертвая голова» в танковую. Затем все части дивизии вновь соединились во Франции под Ангулемом, где они оставались до 1943 года, когда их вновь перебросили на Восточный фронт.

Полицейская дивизия, все еще имевшая на вооружении в основном гужевой транспорт, в конце июля последовала за дивизией СС «Мертвая голова» из Эйдкау по маршруту Каунас — Даугавпилс — Опочка — Псков — Луга, куда прибыла 25 августа. Здесь находилась линия обороны Ленинграда, которая была укреплена всеми возможными средствами. Атаки 10—24 августа привели к тяжелым потерям. Позиция была взята лишь после того, как ее удалось окружить с двух сторон. В этих боях погиб

командир дивизии [группенфюрер СС, генерал-лейтенант полиции Курт] Мюльферштедт и его сменил [группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС] Вальтер Крюгер.

Затем дивизия приняла участие в позиционных боях под Ленинградом, она воевала на южном участке фронта в районе Слуцк — Пушкин. Наступление на Волхов, проведенное в феврале — марте 1942 года, должно было закрыть брешь между 18-й и 16-й армиями, образовавшуюся после глубокого прорыва советской армии под командованием [генерал-лейтенант Андрея] Власова. После уничтожения советских войск дивизия с июля по май 1943 года вела бои южнее Шлиссельбурга, после того как советские войска в январе 1942 года вновь захватили эту позицию. С осени до конца 1942 года на разных участках Ленинградского фронта и на Волхове также использовалась 2-я бригада СС. Здесь же проявили себя в совместных боях голландцы, фламандцы, норвежцы и латвийцы.

***Из речи Адольфа Гитлера в Рейхстаге 26
апреля 1942 года***

Говоря о пехоте, я хочу в первый раз особенно отметить постоянно неизменное и образцовое мужество и стойкость моих храбрых дивизий СС и подразделений полиции. Я с самого начала считал их прекрасными войсками, дисциплинированными, преданными и храбрыми в бою, такими же, какими они показали себя и в мирное время.

* * *

Тем временем были сформированы новые соединения войск СС:

7-я [добровольческая] горнострелковая дивизия СС «Принц Евгений», командир — [группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС Артур] Флепс, Каринтия, 1941 год;

8-я кавалерийская дивизия СС «Флориан Гейер», командир — [бригадефюрер СС, генерал-майор войск СС Вильгельм] Биттрих, Дебица, 1942 год;

штаб Танкового корпуса СС, командир — [обергруппен-фюрер СС и генерал войск СС Пауль] Хауссер, Берген, 1942 год.

Уже упомянутые выше полки соединений СС «Мертвая голова» были в основном набраны в 1940 году из солдат старших возрастов. Первоначально их предполагалось использовать в качестве полицейских частей в случае, если рейхсфюреру СС потребуется поддерживать порядок на оккупированных территориях. Однако все сложилось иначе. Эту задачу приняли на себя имперские комиссары и наместники, и таким образом эти полки освободились для выполнения других задач. Отдельные их части приняли участие в боевых действиях в составе различных дивизий СС, а потом были объединены в две бригады СС. Об их участии в боях практически нет точных сведений.

4-й полк: лето 1940 года — охрана голландского побережья, впоследствии вошел в состав 2-й бригады СС. Участие в боях 1941 — 1942 годов в составе групп армий «Север» и «Центр» — воздушная транспортировка — позднее полк СС «Лангемарк» в составе дивизии «Рейх».

5-й полк: формирование в Померании и Восточной Пруссии, в 1941 году расформирован; остатки присоединены ко 2-й бригаде СС.

6-й и 7-й полки: стали ядром горнострелковой дивизии СС «Норд», действовавшей в Финляндии.

8-й и 10-й полки: вначале — в генерал-губернаторстве, затем в составе 1-й бригады СС.

9-й полк: задействован в охране побережья у Киркенеса (Норвегия) и Полярного побережья; с 1941 года — в Финляндии. 1942 год: участие в боях на Волховском фронте при прорыве войск [генерал-лейтенанта Андрея] Власова в составе 18-й и 16-й армий группы армий «Север», а также в составе Полицейской дивизии СС. После переформирования в Зеннелагере в начале 1943 года в качестве полка СС «Туле» вошел в состав дивизии СС «Мертвая голова».

11-й полк: летом 1940 года вошел в состав дивизии «Рейх».

12—16-й полки: сформированы в 1939—1940 годах, вскоре расформированы.

1-я [мотопехотная] бригада СС: 8-й и 10-й пехотные полки СС «Мертвая голова», командиры — [бригадефюрер СС Рихард] Херрман, [бригадефюрер СС Вильгельм] Хартенштейн¹. Формирование проходило в лагере в Дебице. Позднее развернута в 18-ю [добровольческую моторизованную] дивизию СС «Хорст Вессель». Участие в боях: на южном и центральном участках Восточного фронта — Никополь, Брянск, Орел.

2-я [мотопехотная] бригада СС: сначала 4-й и 5-й пехотные полки СС «Мертвая голова», позднее легионы «Фландрия», «Голландия», «Норвегия» и латышские батальоны. Переформирование в 1943 году, частично присоединена к III танковому корпусу СС, частично — к 19-й латышской [добровольческой] дивизии СС. Командиры — [бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Карл Фишер] фон Тройенфельд, [бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Готфрид] Клингеман, [оберфюрер СС Генрих] Шульдт. Участие в боях: северный участок Восточного фронта — у Вырицы, под Ленинградом, на Волхове и у Острова.

Войска СС на Крайнем Севере

В этой главе речь пойдет о военных действиях в Финляндии. В марте 1940 года в Померании была сформирована моторизованная бригада СС из 6-го и 7-го полков соединений СС «Мертвая голова» с артиллерийскими и саперными подразделениями. Она была переброшена в Норвегию, где приняла на себя охрану побережья в районе Ставангер — Осло, а в апреле 1941 года на железнодорожном и морском транспорте (что сопровождалось некоторыми потерями) была перевезена в район Киркенеса на самом севере Норвегии. Здесь до лета 1940 года находился 9-й полк соединений СС «Мертвая голова».

Накануне начала войны с СССР бригада была переброшена по северо-финской полярной дороге на юг до

¹ Приведенный Хауссером список командиров фрагментарен. Полный список см. в соответствующей главе 1-й части настоящего издания. — *Прим. науч. ред.*

Рованиями, а затем повернула в восточном направлении. После переформирования в боевую группу СС «Норд» она вошла в состав XXXVI горнострелкового корпуса. Обучение личного состава при этом еще не было завершено. Планировалось использовать боевую группу в операции по захвату Мурманской железной дороги, канала имени Сталина и Мурманского порта, что должно было существенно сократить линию фронта.

1 июля боевая группа должна была атаковать Салла, но атака не заладилась с самого начала. Она была спланирована как неожиданная, без предварительной разведки, но натолкнулась на сильный огонь мощных советских укреплений. Жаркая погода высушила лес, начались пожары. Из-за дыма ничего не было видно. Местный прорыв невозможно было использовать, потери были бы существенными, поэтому наступление было остановлено и, после перегруппировки, повторено уже двумя флангами. Салла пала лишь 8 июля после тяжелых боев.

Противник оставил свои позиции, оборудованные не для военных целей, и отошел на следующий участок обороны по реке Кайрала. После короткого позиционного боя боевая группа СС в середине месяца была перебросена на юг, в район озер, юго-западнее бухты Кандалакша на Белом море, и вошла в состав финской группы «J». Некоторые подразделения смогли присоединиться к группе значительно позже. Противник удерживал участок канала между Топозером и Пяо-озером. Густой лес препятствовал воздушной разведке, непосредственно рядом с каналом лес был вырублен. Сам канал был глубоким и имел примерно 70 метров в ширину. Короткий день на Крайнем Севере затруднял действия разведгрупп. Русские и здесь занимали позиции в невоенных бункерах.

1 августа началось наступление. Эсэсовцы форсировали канал, ворвались на вражескую позицию и развили прорыв. Успех был полным. Через несколько дней снова началось наступление на Кистинки — конечную станцию ветки, отходящей в Лоухи от Мурманской железной дороги. И здесь боевая группа СС действовала успешно, но, несмотря на продолжавшиеся неделю упорные бои в лесу, Лоухи взять не удалось.

В конце октября к группе присоединился 9-й пехотный полк СС «Мертвая голова», и было начато новое наступление. Прорывы привели к окружению советской группировки и успехам местного значения. Русские, осознав угрозу Мурманской железной дороге, подтянули дополнительные силы, и немецкие войска завязли в позиционных боях. При этом здесь не существовало сплошной линии фронта, было три отдельных участка: справа — у Лоухи, в центре — у Кандалакши и слева — у Полярного побережья. Между ними зияли бреши, которые нужно было контролировать. С переходом к позиционным боям задача немецких войск изменилась. Теперь требовалось прикрывать левый фланг финской армии, выдерживать напор советских войск, пытавшихся прорваться к Ботническому заливу, защищать Северную Финляндию и препятствовать прорыву русских на север Норвегии к Атлантике. Это было связано и с защитой района добычи никеля, важного для немецкой военной промышленности, и железнодорожных путей сообщения.

Война на Севере имела свой ярко выраженный особый характер, связанный в первую очередь с природными условиями. Территория здесь была в большинстве своем покрыта густым лесом, частично с болотами и маленькими озерками, пересеченная узкими полосками возвышенностей. Оборудование позиций было очень трудной задачей. Зимой, когда столбик термометра опускался до —50 градусов по Цельсию, военные действия останавливались. Лыжные части использовались командованием для разведки и в качестве штурмовых групп. Длинный период сумерек требовал от боевого охранения особых усилий.

Военный опыт показал, что война на Крайнем Севере была войной особой, требующей специальной подготовки руководства, соответствующего снаряжения, обмундирования, обучения, акклиматизации, питания, размещения, связи, резервов. Условия Полярного круга с полярной ночью, длящейся почти 20 часов зимой, и с почти 23-часовым полярным днем летом, особенности ландшафта и климата требовали особого подхода к командованию войсками. На Крайнем Севере арктическая зона,

тундра, далее к югу — густые леса. Летом и зимой болота и озера играют тактически противоположные роли.

Магнитные и полярные воздействия климата могут существенно ухудшать работу средств связи. Вследствие этого связистам требуется специальная подготовка. Поскольку часто на компас надеяться нельзя, войска должны уметь ориентироваться по звездам, хотя в условиях леса, туманов, пурги и это тоже часто становится невозможным. Отсутствие на большинстве участков населенных пунктов и неразвитая дорожная сеть увеличивают стратегическое значение немногих путей сообщения, таких как железные дороги, каналы или шоссе, особенно соединяющихся с незамерзающим портом.

Важной является мобильность войск, особенно «зимняя мобильность», поскольку, как правило, в году здесь лишь четыре бесснежных месяца. Обязательными становятся использование соответствующих условиям средств передвижения, обучение ходьбе на лыжах, лыжному бегу на длинные дистанции, использование животных (и добыча необходимого корма для этих животных), как можно более легкие каяки, смотря по обстоятельствам — собачьи упряжки, а южнее — сани и тягловые животные. Для доставления снабжения часто требуется постройка бревенчатых дорог; при этом следует использовать озера и каналы. Необходимо строить узкие дороги местного значения.

Важнейшее значение приобретает здесь приспособление автомобильного транспорта к очень низким температурам: средства защиты от мороза, использование эффективных снегоочистителей для расчистки дорог; моторные сани, в том числе и для разведки. Использование танков возможно только на соответствующем ландшафте и при широких гусеницах. Лесная зона ограничивает эту возможность летом более, чем зимой.

Прежде всего, войска должны быть теоретически и практически подготовлены к боям в таких условиях. Особенно следует принять во внимание опасность обморожения! Хорошо зарекомендовали себя как средство маскировки и защиты от обморожения маски; лучший вариант — это полное покрытие для головы из белого шерстяного

материала, спереди выполненное в виде маски, сверху — шапка, потом — капюшон маскировочного плаща.

В качестве обмундирования для подразделений, использующих транспорт, хорошо зарекомендовали себя меховой комбинезон и высокие, подшитые кожей валенки с кожаными же калошами, которые спасают от замерзания при неожиданной оттепели и последующем морозе. Для штурмовых групп зимние комбинезоны являются более практичными, нежели маскировочные плащи. Слишком толстая одежда затрудняет движение, а несколько тонких слоев одежды согревают больше и не препятствуют движениям.

Переформирование боевой группы СС в горнострелковую дивизию СС «Норд» готовилось в Германии путем формирования новых соединений и завершилось летом 1942 года. Боевые части были поставлены на лыжи. Для моторизованных подразделений и частей снабжения оборудовали военную базу в Оулу на берегу Ботнического залива. Дивизия теперь находилась в составе XVIII горнострелкового корпуса [генерала горнострелковых войск Франца Бёме]. Попытки противника в марте 1942 года оттеснить левый фланг не увенчались успехом. Но новое наступление на флангах немецких войск в апреле привело к прорыву советских войск в наш тыл. Эти бои стали началом большого советского наступления по фронту и на флангах, пришедшегося на начало мая. Все атаки были успешно отбиты, а 19-му горноегерскому полку СС удалось уничтожить крупные вражеские силы. Потом снова наступил период затишья. Позиционная война была прервана советским наступлением в апреле 1943 года. Но и оно оказалось тщетным.

Между тем справа от дивизии теперь вместо финских соединений размещалась 7-я горнострелковая дивизия. В начале 1944 года положение осложнилось, дело дошло до ожесточенных ближних боев. Поступили подкрепления — состоящий из норвежских добровольцев батальон СС «Норге», однако при этом участок, за который отвечала дивизия, был увеличен на северо-западе за счет переброски в другой район 7-й горнострелковой дивизии. Многие указывало на то, что русские готовят новое наступление. Кроме того, сильно изменилась и политиче-

ская ситуация; нужно было принимать во внимание возможный выход Финляндии из войны. В этом случае немецким войскам предстояло отойти из Лапландии в Норвегию.

В начале сентября, после выхода Финляндии из войны, командование армии «Лапландия»¹ отдало приказ об отходе. Дивизия СС «Норд» должна была удерживать пролив севернее Топозера до тех пор, пока все немецкие войска не будут переправлены на его другой берег. За ними, после тяжелых боев, последовала воздушным транспортом и дивизия. Одни части дивизии должны были прикрывать военную базу в Оулу, другие были переброшены в Киркенес, где к этому времени высадились русские. Несколько раз немецкие части были атакованы финскими войсками. Несмотря на это, в начале ноября дивизия добралась до Северной Норвегии и затем, к концу декабря, после 2000-километрового марш-броска в удовлетворительном состоянии достигла района Осло. Отсюда она была переправлена в Аархус (Дания). Следующие бои с ее участием с января 1945 года в составе 1-й армии на участке Бич будут описаны позже.

Командирами дивизии были: [бригадфюрер СС и генерал-майор войск СС Карл Мария] Демельхубер, [группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС Маттиас] Клейнхейстеркамп, [группенфюрер СС, генерал-лейтенант войск СС Лотар] Дебес, [группенфюрер СС, генерал-лейтенант войск СС и полиции Карл] Бреннер.

¹ Армия «Лапландия» была сформирована 14 января 1942 года в Финляндии, но уже 22 июня того же года переименована в 20-ю горную армию и носила это название в описываемый Хауссером период — *Прим науч ред*

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В 1943 ГОДУ

Этот год прошел в свете выдвинутого союзниками 23 января в Касабланке требования «безоговорочной капитуляции» и под знаком Сталинграда. В непосредственной связи с последним находилось участие в боях первого Танкового корпуса СС, позже получившего номер II (командир — генерал [войск СС Пауль] Хауссер, начальник штаба — [Вернер] Остендорф), танковых дивизий «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», «Рейх» и «Мертвая голова» в районе Харькова.

В середине 1942 года в Бергене был сформирован корпусной штаб, позже передислоцированный во Францию, которому было поручено руководство обучением авиаполевых и танковых дивизий. Он считался штабом «главнокомандующего резервами на Западе» и подчинялся 7-й армии генерал-полковника [Фридриха] Долльмана.

Генеральной репетицией для корпуса было вызванное политическими причинами занятие французского военного порта Тулон, где дислоцировались главные силы французского флота. Эта операция была осуществлена 7-й танковой дивизией, частями 10-й дивизии — обе дивизии вермахта — и разведывательным подразделением дивизии СС «Рейх». Все предприятие потребовало лишь пару выстрелов и стоило небольших потерь и при этом привело к затоплению значительной части французского ВМФ. Лишь несколькими подводным, в том числе и торпедным, лодкам удалось уйти. Последующие действия корпуса проходили уже на Восточном фронте. Здесь линия фронта в середине 1942 года проходила примерно следующим образом: Северный Кавказ — Сталинград — Дон (до Воронежа) — Орел — Ржев — выступ внутрь до

Холма — выгнутая дуга восточнее Демянска — озеро Ильмень — Волхов — Ленинград.

Командир корпуса и начальник штаба прибыли в середине января из Ставки Верховного главнокомандующего в Восточной Пруссии сначала в штаб группы армий «Юг» (главнокомандующий — [генерал-фельдмаршал Эрих фон] Манштейн), а затем в штаб группы армий [«Б» генерал-фельдмаршала барона Максимилиана фон] Вейхса в районе Харькова. Дивизии через некоторое время были переброшены сюда из Франции.

Полученные на пути к месту назначения новости о положении в Сталинграде были удручающими. О них рассказывали в большинстве случаев пилоты транспортной авиации. Положение было безнадежным не только для 6-й армии, но крайне опасным и для всей группы армий.

Последовавшие за этим бои Танкового корпуса СС — первого соединения такого уровня в рядах войск СС — и его успехи требуют подробного описания. Приводимые здесь сведения основаны не только на моих личных впечатлениях, но и на официальных документах Генерального штаба.

В ноябре 1942 года в излучине Дона началось самое мощное с начала войны наступление Красной Армии. Характерным для него было использование огромных ресурсов — человеческих, материальных, особенно это касается танков и артиллерии. Русские многому научились в плане ведения боевых действий. Оперативные цели, поставленные командованием перед наступающими войсками, могли сыграть решающую роль для исхода всей войны.

Отдельные составляющие этой операции можно четко выделить:

а) прорыв северо-западнее и южнее Сталинграда; разгром двух румынских армий; окружение 6-й армии в Сталинграде;

б) наступление в западном направлении на позиции двух групп армий, находившихся юго-западнее и северо-западнее Сталинграда, а именно:

— наступление Южного фронта по обеим сторонам Дона на Ростов и южный район Донца, тем самым отсечение немецкой группировки на Северном Кавказе;

— наступление Юго-Восточного фронта через Дон в район севернее Донца. Таким образом создавалась угроза с тыла и фланга находившимся здесь итальянской и венгерской армиям. Эти войска могли оказать лишь слабое сопротивление;

в) в развитие операции — наступление северной группы Воронежского фронта. Следствием этого должно было стать уничтожение двух немецких корпусов под Воронежем и захват этих позиций; прорыв на Курск;

г) наступление Брянского фронта на Орел.

Цель и силы советского зимнего наступления были очевидны. От Сталинграда до Орла эта операция продвигалась в соответствии с общим планом. Ожидаемые успехи — по крайней мере, что касается 8-й итальянской и 2-й венгерской армий — последовали автоматически. Между Славянском — немного восточнее слияния Донца и Оскола — и в районе севернее Курска немецкий фронт был разорван на протяжении более 500 километров. Через этот разрыв две советские армии двинулись на запад. Их следующей целью был Днепр, в районе Днепропетровска.

После потери пяти немецких и союзных армий Красная Армия получила огромное численное превосходство. Эта масса просто должна была победить! Однако советское командование не смогло определить кульминацию своего наступления. Превосходство немецкого командования и войск снова привело, несмотря на абсолютное превосходство противника в живой силе и технике, к повороту событий в нашу пользу.

В конце января 1943 года советские войска достигли следующей линии: Донец у Ворошиловграда — Старобельск — Валуйки — Верхний Оскол — и двинулись на запад, развивая наступление. Из наших подразделений под Сватово, восточнее Оскола, находилась 320-я пехотная дивизия. В Купянске, на Осколе, собралась сильно разбитая 298-я пехотная дивизия. Западнее Валук находились в качестве прикрытия части дивизии «Великая Германия». Севернее корпус [генерал-лейтенанта Ганса] Крамера собрал остатки немецких и венгерских частей. На участке между ними зияли большие разрывы. Командовал этими частями немецкий генерал при командова-

нии 8-й итальянской армии¹, подчинявшийся штабу группы армий «Б» [генерал-фельдмаршала барона Максимилиана фон] Вейхса.

Подвиги мертвых живут вечно...

С самого начала Восточной кампании он оказался со своей самоходкой один против восемнадцати советских танков. После того как он уничтожил шесть из них, другие обратились в бегство...

Весной 1943 года он впервые стоял в башне «Тигра». В первый день летнего сражения под Белгородом он уничтожил восемь вражеских танков и семь зенитных установок, через пять дней в списке его заслуг были: тридцать Т-34, двадцать восемь противотанковых орудий и две батареи советской артиллерии, из них только за один день на Киевском шоссе — тринадцать Т-34 и семь тяжелых противотанковых орудий. 6 декабря под его огнем пала батарея тяжелых зенитных орудий. И при этом он снова смог уничтожить три советских танка. Три его «Тигра», которые он вел 9 января против вражеской танковой позиции, вдруг оказались напротив двадцати вражеских танков. Он взял шесть из машин противника на себя. Через два дня его список насчитывал уже 66 уничтоженных танков. Всего в России он уничтожил 117...

Как странно: я отчетливо вижу его перед собой, Михаэля Виттмана, помню часы, которые мы провели вместе, знаю, как все это происходило, и каким он был.

Во время длинного железнодорожного переезда с Восточного фронта в Италию он однажды целый вечер рассказывал о своих необычайных приключениях во время сражения за Мариуполь. В памяти — лишь очертания полного события Мариуполя. Я помню только, что он вел самоходку, что там же был «Панцер-Мейер», что он попал в бой с намного превосходящими его силами врага и что это, должно быть, были ужасные часы, когда весь мир был перевернут с ног на голову.

Я ничего уже не помню из времен Французской кампа-

¹ Имеется в виду генерал пехоты Курт фон Типпельскирх.
Прим. науч. ред.

нии, хотя мы часто говорили об этом. Однажды в архиве я нашел его фотографию того времени: он, унтершарфюрер, стоит среди своих товарищей, большинство из которых уже погибли.

Может, это и к лучшему, что те события уже не так четко стоят у нас перед глазами. Тогда мы поневоле думаем о том, что особенного было в этом человеке, которого так сильно выделила из толпы война. Михаэль долгое время в качестве молодого унтерштурмфюрера руководил ротой «Тигров». Он очень серьезно относился к этой своей задаче. Целыми вечерами сидел над картами, прислушивался к каждому слову, совету своих опытных товарищей. Когда он потом забирался в свой «Тигр» и вел его во главе роты на врага, он наполнялся уверенностью, которая так обманчива, потому что производит впечатление полной непринужденности. Когда я сидел в его танке, у меня было чувство, что он вообще не может ошибиться, что он не может попасть в ловушку. Но на самом деле это был результат огромного опыта и кропотливой работы, это был результат его жизни, которая вся была посвящена войне, в которой не было выходных. Часто он и по ночам маневрировал на своем «Тигре» между мастерскими, будто выходил на прогулку.

Во время войны много было написано во славу упорства. Мы все обладали им, особенно тогда, когда долгие годы войны научили нас перед тяжелыми боями полностью отключать чувства и беспокойство и приучили к состоянию «ожидания», в котором можно находиться почти без нервного напряжения. С ним все было совсем наоборот. Его касалось все, и должно было все касаться. Он хотел до самого последнего момента все видеть, все слышать, обо всем знать. Это беспрестанное напряжение не тяготило его, как, возможно, других, а давало ему чувство ясности. Это постоянное продумывание своей задачи обостряло его чувства. Он верно ощущал все, что происходило вокруг него во время боя, его зрение и слух были безупречно острыми. Это может показаться простой и само собой разумеющейся мыслью, но мы все знаем, сколько сотен раз жизнь наша зависела от безошибочной реакции наших органов.

У него было, можно сказать, «сердце воина», которое каждый раз глубоко и серьезно, словно в молитве, готовилось к бою. Он часто сталкивался со смертью, и каждый

раз он смотрел на нее все с тем же тихим, улыбающимся спокойствием. Вспомним же об этом, хотя война «уже давно» закончена. Вспомним и о том, что было еще одной характерной чертой этого рыцарски благородного воина: никогда я не слышал от него легкомысленных слов о женщинах.

Вот каким был один из его последних подвигов: где-то на севере Нормандии он стоял со своим «Тигром» под хорошим прикрытием, в лесу, и должен был атаковать и уничтожить врага, если тот появится. Он находился вдалеке от других боевых машин своей роты, у дороги. Он не думал, что придется вступить в бой. Вдруг кто-то из его экипажа крикнул ему взволнованно: «Оберштурмфюрер, вражеские танки!»

Он взглянул на дорогу и увидел там примерно в 150-метровом отдалении идущие танки, один за другим, целый английский полк, сопровождаемый батальоном бронетранспортеров. На секунду, возможно, замерло у него сердце: должен ли он был осмелиться и двинуться против более чем шестидесяти машин и батальона пехоты? Позднее он сказал, что это решение было для него самым тяжелым в его жизни. Он отбросил прочь все сомнения, выступил со своим «Тигром» из укрытия и сразу открыл огонь по вражеской колонне, справа — два, слева — один. Достигнув улицы, он вступил во вражескую колонну. В ожесточенной решимости сражаться до последнего и уничтожить как можно больше противников — при этом практически уверенный в собственной гибели, прокладывал он себе путь в потоке английских танков.

Англичане были в полном замешательстве. Посреди них оказался вдруг один из наводивших ужас немецких «Тигров», который мощными ударами разрывал на клочки, сжигал, взрывал «Шерманы» и «Черчилли». Пехота разбежалась в стороны, ища укрытия, пулеметные очереди выкашивали ее рядами, а чудовище все новым огнем и новыми взрывами прокладывало себе путь. Было взорвано пятнадцать английских танков, на шести других Михаэль сэкономил снаряды, поскольку их экипажи выскочили в панике и сами подожгли собственные танки.

Таким образом, атака целого английского полка была разбита меньше чем за 30 минут, а сопровождающая артиллерия обращена в бегство. Когда он со своим «Тигром» ворвался в населенный пункт, чтобы отправить в ад и ос-

шальные танки, в его танк попал снаряд и оторвал гусеницу. Вместе со своим экипажем он покинул машину, они взяли с собой столько оружия, сколько смогли унести, проложили себе путь огнем и бегом добрались до ближайшей позиции немцев.

Число уничтоженных им танков после этого увеличилось до 138...

(Материал рот пропаганды СС)

* * *

Были ли напрасными его подвиги, прожил ли Михаэль Виттман, ставший впоследствии гауптштурмфюрером СС и кавалером Рыцарского креста с дубовыми листьями и мечами, свою жизнь, в конце концов, зря?

Мужество и героизм не бывают бессмысленными, а храбрость — это семя, которое взойдет тысячами ростков, когда наступит для этого время. Принесение жизни и смерти в жертву обществу всегда имеет смысл само по себе — и только из храбрых противников могут получиться настоящие друзья.

Харьковское сражение

Штаб Танкового корпуса СС, главные силы дивизии СС «Рейх» (командиры [группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС Георг] Кепплер, позже — [бригадефюрер СС, генерал-майор войск СС Герберт] Фаль) и сильные части «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер» (командир [обергруппенфюрер СС и генерал войск СС] Зепп Дитрих) прибыли под Харьков. Часть «Лейбштандарта» была задействована для обороны Донца на плацдарме по обе стороны Чугуева.

Выполнение планов Верховного командования сухопутных войск об использовании Танкового корпуса СС на Восточном фронте для концентрированного контрудара ускорилося из-за стремительного наступления Красной Армии. Нужно было предотвратить прорыв в наш тыл. Харьков, являвшийся важным транспортным, экономическим и политическим центром, терять было нельзя. Части дивизии СС «Рейх» были направлены для при-

крытия на Валуйки, поскольку находящиеся там войска «Великой Германии» были нужны на северном фланге сводного корпуса [генерал-лейтенанта Ганса] Крамера.

1 февраля генерал [горнострелковых войск Губерт] Ланц был поставлен во главе только что созданной одноименной армейской группы. Одновременно русские, после отхода и введения в бой у Валуек 3-й танковой армии, продолжили наступление на широком участке фронта. При этом 320-й и 298-й пехотным дивизиям были отрезаны пути к отступлению. Они были вынуждены проби- вать себе путь по непроходимым тропам в кровопролит- ных боях и с большими потерями. Дивизия СС «Рейх» сначала удерживала район у Ольховатки (западнее Валу- ек). Она должна была задержать противника восточнее Донца, чтобы потом вместе с «Лейбштандартом СС Адольф Гитлер» начать контрнаступление в юго-восточном на- правлении. Однако этого не произошло. Дивизия СС «Рейх», окруженная с двух сторон, со сменяющимися друг друга оборонительными боями и контратаками, была вынуждена отступить на запад. 5 февраля 2-й танковый полк СС этой дивизии выступил для своей первой танко- вой атаки. Ему удалось в условиях сильно пересеченной местности и снега уничтожить группу противника, кото- рая вклинилась между позициями дивизии и разведыва- тельным батальоном. Этот временный успех, однако, не мог надолго задержать советское наступление.

Юго-восточнее, перед «Лейбштандартом СС Адольф Гитлер», русские отбросили боевые форпосты с восточ- ного берега Донца и уже подошли вплотную к переднему краю обороны. Начались тяжелые оборонительные бои, особенно за ключевую позицию у Печенегов. Несмотря на нехватку сил с нашей стороны — на дивизию прихо- дился участок обороны в 90 километров, — русским уда- лись лишь местные прорывы. Они понесли большие по- тери.

8 февраля на обоих флангах ситуация обострилась — они были окружены превосходящими силами противни- ка. На южном фланге враг продвинулся до Змиева. Между основной группировкой и медленно отступавшей 320-й пе- хотной дивизией зияла брешь в 40 километров. Здесь соз- далась угроза глубокого прорыва в тыл южного фланга

корпуса на Мерефу. Туда была направлена небольшая боевая группа прикрытия, чтобы закрыть стратегически важное шоссе на Харьков.

При этом северный фланг тоже находился под угрозой. Там, северо-восточнее Белгорода, сражался слабый корпус [генерал-лейтенанта Ганса] Крамера, который уже был окружен. Советские войска начали операцию по охвату Харькова. Можно ли было остановить его имеющимися силами? Очевидно, что неизбежно пришлось бы рано или поздно оставить город или оказаться в окружении. Одновременно советское командование готовило удар на северном фланге в районе Донецкого бассейна. Кроме наступления по линии Белгород — Харьков, противник, как можно было понять, готовился отрезать все еще удерживающие фронт немецкие войска в Донецком бассейне между Азовским морем и Славянском и уничтожить их. Этот смертельный удар должен был быть направлен на Днепропетровск и Запорожье. Пять танковых и три стрелковых корпуса были приведены в боевую готовность севернее Славянска. 1-я советская гвардейская армия хлынула на юго-запад, в район, освободившийся после сдачи Изюма, не встречая сопротивления. Севернее к ней присоединилась 6-я гвардейская армия.

Если бы этот план удался, то группа армий «Юг» оказалась бы отрезанной от своих тылов и основной группировки немецких войск на Востоке, Днепр лишился бы прикрытия, путь в Западную Украину был бы свободен и, тем самым, Восточная кампания оказалась бы проигранной. Положение было очень серьезным.

9 февраля условий для контрнаступления восточнее Донца уже не было. По срочному приказу находившаяся за Донцом дивизия СС «Рейх» была отозвана. Дивизия отошла под сильным снегопадом, по с трудом расчищаемой дороге и в постоянных боях с противником, уже подходившим с флангов и тыла. Донец приказано было удерживать. Однако и эта позиция с самого начала оказалась под сильной угрозой с флангов. Нужно было предусмотреть дальнейший отход. Противник продвинулся вперед по всему фронту, выйдя к Донцу на всем его протяжении. Советские войска большими силами наносили главный

удар южнее позиций «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер» — в образовавшуюся на этом участке брешь.

Было необходимо принять принципиальное решение: либо немедленно начать атаку против сил, обходивших город с юга, и при этом оставить Харьков, либо подпустить войска близко к городу, чтобы потом вести круговую оборону — это означало бы полное окружение.

Сначала, благодаря отходу с Донца на линию Константиновка — Рогань — Русские Тишки, высвободившиеся силы обеих дивизий, которые предполагалось использовать для проведения атаки на юго-восточном направлении, были собраны у Мерефы. Снова была предпринята попытка прорыва правым флангом и тем самым предотвращения окружения Харькова. Глубокий снег задержал развертывание сил, неизбежное смешение подразделений дивизий усложнило приведение войск в боевую готовность. Но 11 февраля в 8.30 утра три ударные группы двинулись с Мерефского плацдарма в южном направлении. «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» возглавил атакующую группировку, состоявшую из соединений обеих дивизий, в то время как находившиеся в обороне войска на восточном и северо-восточном от Харькова фронтах были подчинены штабу дивизии СС «Рейх».

Атака началась неожиданно и успешно. Немецкие войска (группа Мейера) достигла района Алексеевка — Берека. VI советский гвардейский кавалерийский корпус был полностью рассеян. На внешнем южном фланге у Краснограда прикрытие обеспечивал [5-й моторизованный] полк «Туле» дивизии СС «Мертвая голова», который был переброшен сюда как передовая часть дивизии, несколько задержавшейся в пути.

Восточнее Харькова остались только две усиленные полковые группы. 11 февраля начались массированные атаки русских крупными танковыми силами. Некоторые населенные пункты и части территории были временно потеряны. Слабыми силами резерва вражеские прорывы были устранены, и противнику был нанесен большой ущерб. Советское командование постоянно вводило в бой все новые силы. Особенно отличились [штурмбаннфюрер СС Кристиан] Тихсен и [гауптштурмфюрер СС, командир 3-го батальона 4-го моторизованного полка

СС «Фюрер» Винцент] Кайзер. Последний резерв, 2-й танковый разведывательный батальон СС, был перебросен левее, на соседний участок, когда там прорвался противник. Таким образом, слабый фронт восточнее города оказался лишенным какого-либо серьезного резерва. Но солдаты стояли насмерть. На севере советская армия, после взятия Белгорода, прорвалась далеко северо-западнее Харькова. К городу подтягивались все новые и новые части. Дивизию «Великая Германия», отходившую с боями из района Белгорода, пришлось использовать для обороны северо-западного сектора города. Это сорвало план штаба армейской группы «Ланц», намеревавшейся именно этой дивизией заменить дивизию СС «Рейх», которая нужна была для атаки на южном направлении.

320-я пехотная дивизия с 1500 ранеными отошла с боями к Змиеву. Все санитарное подразделение корпуса, транспорт, а также службы питания (учитывая, что солдаты сильно изголодались) были приведены в готовность. Благодаря прорыву вооруженного бронетранспортерами батальона «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер» 12 февраля удалось соединиться с дивизией и дать ей возможность соединиться с главными силами.

13 февраля генерал [горнострелковых войск Губерт] Ланц объявил о приказе фюрера во что бы то ни стало удержать Харьков. Необходимо было еще сильнее сократить фронт, высвободив все возможные резервы. Вечером штаб корпуса указал на то, что и новую линию обороны можно будет удержать лишь до 14 февраля, поскольку город уже был окружен. В войска поступил приказ провести разведку для подготовки дальнейшего отхода. Было приказано взорвать все склады, а также сооружения, имевшие стратегическое значение.

14 февраля противнику удалось прорвать в нескольких местах наш слабый, состоящий из опорных пунктов, фронт. Нужно было опасаться прорыва к тракторному заводу. На северо-западе противник тоже обнаружил бреши в линии обороны дивизии «Великая Германия». Таким образом, сильные части корпуса [генерал-лейтенанта Эрхарда] Рауса — преемника Крамера — уже были отрезаны от линий сообщения. Важная для снабжения дорога Харьков — Полтава была в руках противника.

Поскольку новое предложение штаба Танкового кор-

пуга СС сдать Харьков было отклонено со ссылкой на приказ фюрера от 13 февраля, командир корпуса [Хауссер] решил самовольно дать приказ об отводе войск, чтобы избежать боев в окружении и освободить войска для последующего контрудара. Однако поступивший в 17.50 новый приказ фюрера удерживать Харьков вынудил отложить это решение. Вечером советские войска ворвались в юго-восточные пригороды Харькова. Брошенный в контратаку 3-й батальон (на бронетранспортерах) «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер» в ночном бою сдержал продвижение противника, но не смог очистить захваченный район города. В Харькове начались выступления вооруженного гражданского населения. В этом положении штаб армейской группы «Ланц» приказал остановить наступление ударной группы, выделить резервы для обороны города и послать группу, поддержанную танками, в Валки — юго-западнее Харькова, чтобы освободить пути снабжения. Этот приказ был невыполним. Вечером командир Танкового корпуса СС снова доложил обстановку, пытаясь добиться решения о сдаче Харькова.

В ночь на 15 февраля противник еще глубже вклинился в наши позиции в северо-западной и юго-восточной частях города. Танковому батальону дивизии СС «Рейх» удалось ответным ударом временно остановить продвижение противника на северо-западе. Вновь со стороны штаба корпуса последовало предупреждение о серьезности положения. До полудня 15 февраля никакого решения принято не было.

В этот последний момент, в 12.50, командир корпуса [Хауссер] отдал приказ дивизии СС «Рейх» оставить занимаемые позиции и с боями двигаться к Уде. При поддержке танков удалось в последний момент провести войска по Харькову и вывести их из города. В 13 часов об этом решении был проинформирован штаб армейской группы «Ланц» и сообщено корпусу Рауса. На это в 16.30 вышел новый приказ штаба армейской группы «Ланц», предписывавший продолжать оборону города во что бы то ни стало. Приказ пришел слишком поздно. Но при этом все еще возможным было выстроить укороченную линию обороны, для которой бы хватило имеющихся сил. 16 февраля передовые части дивизии СС «Рейх» нанесли удар по городу.

Ключевое значение этого решения было не только в предотвращении окружения корпуса, но и в освобождении его для продолжения наступления на юг и соединения с группой армий «Дон» (командующий генерал-фельдмаршал [Эрих] фон Манштейн), которой была подчинена армейская группа «Ланц» после отвода с фронта штаба группы армий «Б». Поскольку здесь, на северной оконечности Донецкого бассейна, положение развивалось следующим образом: советские войска массивными танковыми силами генерала Попова у Славянска обошли с фланга группу армий «Дон». Попов стремительно двигался через Павлоград к берегам Днепра. Его разведка уже достигла Днепропетровска и Запорожья. Здесь почти не было наших боевых частей. Собранная из отпусников и остатков разбитых частей группа [генерал-лейтенанта Герхарда] Штейнбауера смогла занять район западнее Новомосковска (до района севернее Днепропетровска). 15-я пехотная дивизия была переброшена в Днепропетровск и обеспечивала прикрытие города с востока.

Южная группировка 6-й советской армии, значительные силы которой стояли перед фронтом «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер», начала окружение Танкового корпуса СС с юга и уже пересекла передовыми колоннами нескольких дивизий шоссе Новомосковск — Красноград. Обстановка требовала принятия незамедлительных мер по спасению группы армий «Дон».

После оставления Харькова обе дивизии СС снова были приведены в боевую готовность. Дивизия СС «Рейх» сосредоточилась у Краснограда. 19 февраля она выступила для нанесения решающего удара в южном направлении. Наступление поддерживали локальными атаками южного фланга напавшего с востока противника части «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер» из района северовосточнее Краснограда. «Лейбштандарт» после постепенного отвода своего левого фланга закрепился на новой линии обороны рядом с корпусом Рауса. Войска смогли облегченно вздохнуть. Наконец-то дни отступления были позади и пришел час ответной атаки. Серьезность положения и решающее значение предстоящей битвы были ясны каждому солдату.

Атака началась с рассветом. Дивизия СС из своих исходных районов наступала тремя группами. Первой зада-

чей был разгром ударной группировки противника, готовившейся к наступлению восточнее Краснограда. Это был жестокий бой; сначала атака развивалась с трудом. Следующее препятствие — приток Орель на юге — был преодолен ближе к вечеру. Атака была продолжена ночью под личным руководством [командира моторизованного полка СС «Дойчланд» штандартенфюрера СС Гейнца] Хармеля, и в тяжелом ночном сражении против полностью обескураженного врага столь важный плацдарм был захвачен. Радиограмма фюрера лишь подчеркнула важность этого момента. Но натиск войск и без этого уже невозможно было остановить. Острие танкового клина двигалось в ночи на юг. Удар за ударом наносился по флангам двигавшихся на запад вражеских колонн. Одна группа преследования сменялась другой до тех пор, пока 20 февраля в 14 часов передовые части СС не достигли Новомосковска и не соединились с группой [генерал-лейтенанта] Штейнбауера. Ударные отряды были подержаны бомбардировщиками люфтваффе.

Первая цель была достигнута. Следующие за ударными отрядами основные силы дивизии нанесли еще один удар по противнику и окончательно привели его в смятение. Действовали без остановки, фактор неожиданности должен был быть использован полностью. Советские соединения, оказавшиеся теперь западнее линии нашего наступления, потекли обратно. Однако далее на юге крупные силы, находившиеся перед Новомосковском, проследовали на запад. Следующей целью атаки стал Павлоград и район восточнее от него, поскольку оттуда крупная советская группировка наступала в южном направлении на излучину Днепра. Угроза еще не была устранена.

21 февраля, после того как ночью был оборудован плацдарм, атака была продолжена в восточном направлении, и около полудня наши войска подошли к Павлограду. [3-й моторизованный] полк СС «Дойчланд» был двинут юго-западнее города против сильного противника, которого он уничтожил в ходе трехдневного сражения. Была установлена связь с 15-й пехотной дивизией. В тот же день руководство войсками на фронте южнее Самары было передано штабу 4-й танковой армии генерал-полковника Германа Гота. Гот, между тем, уже подтянул до-

полнительные силы с юго-востока. 22 февраля был установлен контакт с XLVIII танковым корпусом [генерала танковых войск Отто] фон Кнобельсдорфа.

Хотя ударом дивизии СС «Рейх» из Краснограда в южном направлении и удалось разбить передовую группировку двигавшегося на запад «клина», крупные силы противника все еще находились восточнее линии недавней атаки. Для уничтожения этой группировки и установления сообщения между «Лейбштандартом СС Адольф Гитлер» и армейской группой «Кемпф» (так стала называться бывшая армейская группа «Ланц») северо-восточнее Краснограда срочно были необходимы, дополнительные силы. Для этого Танковому корпусу СС была подчинена наконец прибывшая на фронт дивизия СС «Мертвая голова» [обергруппенфюрера СС и генерала войск СС Теодора] Эйке, которая была высажена у Полтавы и сконцентрировалась в районе Перещепино.

22 февраля дивизия выступила для атаки в юго-восточном направлении между Самарой и Орлом и уничтожила упорно оборонявшегося там врага. Дивизия СС «Рейх» была между тем развернута на север и, наступая из Павлограда, преодолела при массовой поддержке бомбардировщиков переправу через Самару и взяла Вебки. Здесь 24 февраля соединились передовые отряды обеих дивизий. Севернее левофланговая колонна дивизии СС «Мертвая голова» захватила Орелку и тем самым прикрыла открытый северный фланг. Это продвижение левого фланга особенно положительно повлияло на продолжение наступления.

Разгром передовых частей наступающих войск противника не смог предотвратить продолжения его атак. Главные силы 1-й советской гвардейской армии только еще разворачивались. Подтянутые дополнительные части развернули против «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер». Части советской танковой группы Попова были уже отсечены соседней армией, однако пять вражеских танковых корпусов двигались навстречу армии Гота в юго-западном направлении.

20 февраля наступило потепление, дороги освободились от снежного покрова, повысив мобильность моторизованных подразделений. Первый день наступления

всей армии в северном направлении привел к мощному прорыву и выходу атакующих частей на возвышенность у Лозовой. Атакующие дивизии прорывались ударными клиньями с сильным фланговым прикрытием по обходным дорогам. Движение вражеских сил все еще было направлено на юго-запад, но наступление явно выдыхалось. После полудня ударная группа дивизии СС «Рейх» прорвалась на южную окраину Лозовой, правая колонна—в Вессели.

Западнее наступала дивизия СС «Мертвая голова», в составе которой действовал усиленный танковый полк. Другие части двинулись в восточном и северо-восточном направлениях. При этом левый фланг все еще был под сильной угрозой находящихся здесь советских войск. После радиоразведки советское командование отдало приказ к отступлению, сосредоточивая войска в районе Лозовой, куда они пробивались маленькими, подкрепленными танками группами. Другие вражеские части в течение следующих дней отступили из района южнее Павлограда на север. Одно из этих соединений атаковало 28 февраля штаб корпуса в Юрьевке, другое — штаб 15-й пехотной дивизии в Орелке. Удар был сильным, и нужно было принимать ответные меры. Между передовыми отрядами дивизии СС «Мертвая голова» также еще находились крупные силы противника. Особенно сильная оборонительная позиция была создана противником, стоящим перед фронтом армии, в районе Лозовой.

Задачей Танкового корпуса СС было, во-первых, разгромить этот опорный пункт противника и, во-вторых, устранить угрозу с тыла и фланга дивизии СС «Мертвая голова». Первая задача была поставлена 26 февраля перед дивизией СС «Рейх», вторая — перед дивизией СС «Мертвая голова» и 15-й пехотной дивизией. Последние две дивизии вступили в бой уже 25 февраля. Их сосед справа, XLVIII танковый корпус, должен был стремительным наступлением на север перерезать стратегически важную дорогу на Изюм, чтобы предотвратить подход новых советских частей. Однако силы противника у Лозовой были уже настолько велики, что потребовалось использование всей дивизии СС «Рейх». Лишь 27 февраля фронт был прорван и корпус достиг примерно района

шоссе Лозовая — Орелка. Организованное 28 февраля преследование позволило частям корпуса прорваться далеко на север. Первая задача была выполнена, ударная группа Попова разбита.

В эти дни дивизию СС «Мертвая голова» постигла тяжелая утрата. Самолет ее командира [Теодора] Эйке «Фицелер-Шторьх»¹, на котором тот совершал разведывательный полет, был сбит, и Эйке погиб². Он был душой дивизии!

Между тем «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» выполнил свою задачу по проведению наступательной операции. Его части постоянными атаками на различных участках фронта нанесли врагу тяжелые потери и, таким образом, остановили вражеское продвижение на Полтаву.

Начиная с 28 февраля перед правым флангом дивизии была отмечена перегруппировка сил врага. Противник отозвал из района юго-западнее Харькова два танковых корпуса и три стрелковые дивизии 3-й советской танковой армии, чтобы бросить их против Танкового корпуса СС. Началась новая фаза нашего наступления. Направление удара было повернуто на северо-запад. Цель атаки — высоты у Берека и Ефремовки, район, хорошо знакомый нам по февральским боям.

Армия стремилась достичь своим правым флангом Донца, в то время как корпус СС должен был восстановить сообщение с правым флангом армейской группы «Кемпф» («Лейбштандарт СС Адольф Гитлер»). Наступ-

¹ Легкий одномоторный разведывательный самолет Fieseler Fi. 156 Storch. — *Прим. науч. ред.*

² Эйке вылетел из штаба, чтобы установить связь с оторвавшимся 3-м танковым полком СС. Его «Шторьх» оказался над деревней Артельное, где располагались хорошо замаскированные позиции советских войск. «Шторьх» летел низко, что делало его доступным для огня нестрельного оружия. Советские солдаты открыли по командирскому самолету огонь из винтовок и пулеметов. «Шторьх» загорелся и упал на землю: Эйке и пилот «Шторьха» мгновенно погибли. Но в начале шестого утра штурмовая группа гауптштурмфюрера СС Лино Мазари оттеснила советские войска, взяла Артельное и вынесла с поля боя обгоревшие останки своего командира. 1 марта 1943 года тело Эйке было погребено на кладбище города Орелки. Позже прах командира «Мертвой головы» был перенесен на Хегевальдское кладбище в Житомире. — *Прим. науч. ред.*

ление было продолжено 1 и 2 марта. В результате этих боев стало ясно, что только что подтянутые советские войска были введены прямо в брешь между наступающим Танковым корпусом СС и линией обороны «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер». На них был направлен удар правого фланга дивизии СС «Мертвая голова». Противник попытался с помощью сильных ударов в юго-восточном и северо-восточном направлении избежать окружения. Тщетно! В трехдневных кровопролитных боях у Ефремовки эти войска были уничтожены дивизией СС «Мертвая голова» при поддержке частей «Рейха» и «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер». Успешно действовали поддерживающие атаку дивизий эскадрильи штурмовиков. Некоторые сумевшие вырваться из котла советские части в течение нескольких дней вновь угрожали нашим войскам с тыла. Они были уничтожены. Командир XV советского гвардейского танкового корпуса был найден мертвым недалеко от командного пункта Танкового корпуса СС. 4 марта было налажено сообщение между нашими частями. 5 марта дивизия СС «Мертвая голова» завершила уничтожение окруженных вражеских частей и закончила тем самым самую успешную свою операцию. Противник понес большие потери в живой силе и технике. Район в кольце окружения был переполнен неимоверным количеством брошенного оружия и техники.

Линейка

Среди многих командиров в истории нашего разведывательного батальона был один, который считал себя величайшим тактиком. Что хорошо в аудитории, то подойдет и для боя, наверное, полагал он, — и строго по военному уставу задавал вопросы, которые делали честь его прилежному обучению в юнкерском училище: «Я хочу знать...» И тогда начиналось! Мой Бог, чего он только не хотел знать — и при этом дыра, которую должен был разведать бедный роттенфюрер, была ровнейшим засыпанным снегом полем, на котором враг заметил бы любую мышь. Но, очевидно, в уставе ничего об этом сказано не было. Сколько человек — где тяжелые орудия — какие тяжелые орудия — где запасная позиция — когда смена караула, какая смена... и пес его

знает что еще. И пока он, энергично выдвинув нижнюю челюсть, бросал отважные взгляды на местность, роттенфюрер, у которого за спиной уже было больше дозоров, чем шефу доводилось видеть вооруженных иванов, упорно копался в своих карманах. «О гром небесный, что Вы там ищите постоянно в своих карманах, когда я с Вами разговариваю...» — заорал на него шеф. «Ах, штурмбаннфюрер, — отвечал невозмутимо роттенфюрер, — я ищу свою линейку, чтобы сразу уж и рост у них измерить...»

После этого сражения были поставлены новые задачи. Дивизия «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» снова была подчинена штабу Танкового корпуса СС и уже 5 марта стояла в боевой готовности рядом с дивизией СС «Рейх». В этот же день к корпусу смогла присоединиться и дивизия СС «Мертвая голова».

Состояние дорог вновь ухудшилось. Снег был здесь еще глубокий, и это затрудняло передвижение. Куда должно было быть направлено следующее наступление? Повторение Харькова или уничтожение вражеских сил, находившихся перед армейской группой «Кемпф»? Решение еще не было принято. Сначала нужно было достичь района Мехи. 6 марта наступление было продолжено, справа — «Рейх», слева — «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», дивизия СС «Мертвая голова» — за левым флангом. «Рейх» в тяжелых боях местного значения выбил противника из населенных пунктов южнее этого участка, «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» прорвал вражескую линию обороны и соорудил первое предмостное укрепление у Бридока. В ночь на 7 марта этого участка достигла и дивизия СС «Рейх». Находившиеся справа войска продвигались с большим трудом по пересеченной местности. Потеплело. За время ночных морозов земля уже не промерзала. Дороги были то занесены снегом, то утопали в грязи. Люди и техника находились на пределе возможностей.

У русских появилось слабое место. Сражение между Донцом и Днепром стоило им больших потерь. Они бросили на подмогу новые войска, которых, однако, оказа-

лось недостаточно. Решения о дальнейшем направлении атаки еще не было принято. Со взятием 7 марта Валок направление главного удара сместилось на западный фланг. Большие силы врага несколько дней удерживал XLVIII танковый корпус у Тарановки. Взять Мерефу не удалось. 8 марта «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» продвинулся из Валкиса через железнодорожный узел севернее от него, его передовые отряды достигли западной окраины Харькова.

Разведывательные отряды развернувшейся слева дивизии СС «Мертвая голова» достигли Ольшан. Продвижение «Рейха» было задержано из-за условий местности и сильной угрозы флангам с востока. 9 марта был достигнут участок Уды и взяты Ольшаны. Находившиеся слева войска армейской группы «Кемпф» тоже продвигались вперед. Следующей целью мог быть только Харьков. В Танковом корпусе СС решили начать атаку 10 марта. Город должен был быть атакован одновременно с севера и северо-востока частями «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер», с запада — «Рейхом», каждая атака — по трем направлениям. Дивизия СС «Мертвая голова» получила задание прикрывать армейскую группу «Кемпф» на северо-западном и северном направлениях от находившегося там врага, а также от только что подтянутых новых советских войск.

10 марта, продолжая наступление, «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» и дивизия СС «Мертвая голова» обошли Харьков с севера и отрезали город. «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» и «Рейх» создали себе хороший плацдарм для прорыва в город, однако, вследствие усилившегося сопротивления на окраине города, смогли выступить только после сосредоточения всех своих сил. Атака была отложена до 11 марта.

Вечером 10 марта Танковый корпус СС был готов к штурму: «Рейх» — на западной окраине города, группа прикрытия с фронтом, направленным на юго-восток, против врага, находившегося перед соседними войсками справа, «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», разделенный на три ударные группы, — на северной окраине города. «Мертвая голова» обеспечивала прикрытие на северо-западе от Дергачей до Ольшан. В третий раз за эту войну началось сражение за Харьков. Противнику уда-

лось организовать оборону города подручными средствами. Баррикады блокировали входы в город и были разбросаны по всему городу. Участки реки также представляли собой сильные оборонительные позиции.

11 марта «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» неожиданно ворвался в город. В жестоких уличных боях он прорвался до Красной площади и занял ее. Улицы, ведущие на северо-восток, находились в досягаемости наших тяжелых орудий.

В ночь на 12 марта «Рейх» преодолел противотанковую позицию на западе и тем самым открыл путь в город. Дивизия достигла главного вокзала. Противник проводил отвлекающие атаки с северо-востока против дивизии СС «Мертвая голова», фронт которой растянулся до реки.

Между тем сильные части противника упорно удерживали позиции напротив частей [XLVIII] танкового корпуса [генерала танковых войск Отто фон] Кнобельсдорфа южнее и юго-восточнее Харькова, невзирая на угрозу окружения его Танковым корпусом СС. Появилась возможность ударом через Рогань заключить его в кольцо и уничтожить. Но это было возможно лишь при открытии сквозной дороги через Харьков. Приказ армии немедленно вывести части «Рейха» из уличных боев и вывести на севере вокруг Харькова означал сильную поддержку. Поэтому части «Мертвой головы» были использованы для наступления на Чугуев, чтобы здесь перекрыть главную дорогу на юго-восток, в то время как штаб корпуса настаивал на том, чтобы сначала взять под контроль сквозную дорогу через город. После того как вечером 12 марта было налажено сообщение между «Лейбштандартом СС Адольф Гитлер» и «Рейхом», боевая группа [штандартенфюрера СС Гейнца] Хармеля¹ была направлена марш-броском на Рогань, чтобы здесь перерезать пути сообщения в этом районе.

После отвода этих частей «Рейха» тяжесть боев в городе легла на «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». Дивизия вырывала у врага улицу за улицей, до тех пор пока 14 марта в 18 часов не поступило сообщение, что и юж-

¹ Основу группы составлял моторизованный полк СС «Дойчланд». — *Прим. науч. ред.*

ная часть Харькова захвачена. Территория фабрики, находившаяся к востоку, также была очищена.

Между тем дороги, за исключением мощеных, были уже практически непроходимы. Части дивизии СС «Мертвая голова» и боевой группы Хармеля 14 марта стояли без горючего, потому что колонны снабжения застряли в пути. Они вынуждены были дожидаться снабжения по воздуху и с трудом смогли достичь своевременно поставленных целей.

Утром 15 марта боевая группа «Хармель» пробилась до железной дороги южнее Рогани, дивизия СС «Мертвая голова» после успешных танковых боев достигла перехода у Чугуева и перекрыла его. В течение следующих дней заградительную линию пришлось защищать от мощных попыток прорыва и от атак с востока. Основные силы окруженного противника, прежде всего всю его технику, удалось уничтожить или захватить.

Таким образом, было завершено решающее контрнаступление, лучше сказать, «наступление из отступления», против большого зимнего наступления русских, налажено сообщение между частями группы армий «Юг», а также осуществлено соединение с войсками, действовавшими севернее. Значительное число советских соединений было уничтожено, другие понесли тяжелые потери. Это была последняя победа вермахта на Восточном фронте! В следующие дни в ходе преследования противника, отходившего на восток и на север, был установлен контроль над берегом Донца, а 18 марта после короткого боя — как завершение успешной операции Танкового корпуса СС — взят Белгород. Там был налажен контакт с наступавшей с запада дивизией «Великая Германия», которая в последние дни в жестоком танковом сражении уничтожила огромное количество живой силы и техники противника.

Общие потери корпуса во время 3-го Харьковского сражения составили 365 офицеров, 11 154 унтер-офицера и солдат.

Атака без приказа

Мы лежим, выполняя задачу прикрытия, на хорошо укрепленных позициях. Пока об атаке и не думаем. Последние недели были и так достаточно тяжелыми.

Враг стоит в каких-то 1200 метрах от нас в деревне, напротив которой в качестве боевого форпоста выставлена группа с двумя пулеметами.

Воруж при свете дня там, в деревне, что-то начинает шевелиться: оттуда вылезают коричневые фигуры, волна за волной... Целый батальон... нет — больше. Открываем огонь из тяжелых орудий, но противник, кажется, даже не замечает его. Его волны становятся все гуще, гуще и шире. Но тут за секунду картина меняется: неистовым стаккато¹ открывают огонь оба пулемета боевого форпоста! Группенфюрер там, впереди, знает свое дело — подпустить врага и сначала заставить его полностью развернуться. Его окопы находятся на замечательной позиции, до последнего момента он оставался со своими солдатами в прикрытии — и теперь длинными очередями он уже почти захватывает фланг противника. Русские неистово набрасываются на маленькую группу.

Целый батальон лежит в окопах и наблюдает неравный бой. Сотни биноклей направлены на товарищей... Как долго сумеют они продержаться ?

И тут падает первый стрелок... Затаив дыхание, наблюдаем мы смену стрелков. Наконец, в том окопе снова вспыхивает бой. Но вокруг воздух становится желтым и серым от огненных столбов. Все возможное оружие русские направили против маленькой группы. Все клокочет и ревет, гудит и грохочет. Сколько еще, спрашиваем мы себя. Напряжение становится невыносимым... У одного рука хватается за ложе винтовки, у другого нетерпеливо дергает пулеметную ленту.

Осталось еще только несколько минут, и с теми несколькими солдатами там будет покончено...

Оба пулемета все еще стучат, но и враг все сильнее надвигается на нас. Русские вот-вот доберутся до фланга группы... И мы должны смотреть на это? Даже если атака на нашем участке провалится, неужели можно просто так дать пристрелить наших товарищей, которые там так отважно сражаются за нас ?

Сегодня никто не помнит, как это получилось. Приказа

¹ Стаккато — способ извлечения звука путем отрывистого, короткого удара по клавишам. — Прим. науч. ред.

не было — одним махом весь батальон выскочил из укрытия, примкнув штыки, и помчался через поле, наперегонки со смертью. Мы стреляли с бедра, бросали далеко вперед ручные гранаты и стреляли, стреляли... Во главе нашей 11-й роты, без каски — оберштурмфюрер Кумпф¹ Его светлые волосы сверкали на солнце, так что мы могли различить его издали. У 10-й — штабсшарфюрер, и что за старшина! Он бежал с автоматом и, стреляя на бегу, был впереди всех.

Из тысячи глоток раздавалось над полем: «Ура! Ура!» А враг? Враг не выдержал и минуты нашей атаки. Он бросил оружие и бежал, бежал — обратно в деревню, через деревню и дальше. В наши руки попала гора боеприпасов — пять грузовиков, заполненных гранатометами, пулеметами и винтовками...

Мы же сражались за большее: за наших товарищей...

(Материал рот пропаганды СС)

Генерал-фельдмаршал [Эрих] фон Манштейн в январе 1951 года опубликовал короткое описание зимнего похода 1942/43 года в «Европейских письмах» барона фон Штауффенберга. Эти заметки были написаны из высоких побуждений. Описание хода боев 4-й танковой армии, в которую входил Танковый корпус СС, начиная с боев у Павлограда, очень похоже на то, что приведено в этой книге. В заключение генерал-фельдмаршал пишет: «Бои закончились 1 марта тем, что 6-я русская армия, группа Попова и 1-я гвардейская армия были полностью разгромлены. Трофеи в этом сражении составили 615 танков, 400 орудий, 600 противотанковых орудий.

В последующей битве за Харьков 14 марта снова были разбиты несколько вражеских танковых корпусов, один кавалерийский корпус, большое количество стрелковых

¹ Этот отрывок помещен Хауссером рядом с рассказом о Харьковском сражении, однако он относится не к 1943-му, а к лету 1941 года. Оберштурмфюрер СС Карл Йохен Кумпф (родился 15 января 1917 года) действительно командовал 11-й ротой полка СС «Дойчланд». Он погиб в бою 14 августа 1941 года. — *Прим. науч. ред.*

дивизий. Попытка русских, начатая прорывом по обе стороны Сталинграда 20 ноября 1942 года и продолженная разгромом сначала итальянской армии в декабре, а потом венгерской в январе, целью которой было окружение всего южного фланга немецкой армии у Азовского моря, провалилась».

Высказывания [генерала пехоты Курта] фон Типпельскирха в его «Истории Второй мировой войны» (раздел VII, 2), а также другие публикации о Харьковском сражении 1943 года вызывают необходимость сделать следующее пояснение. Типпельскирх ограничивается только описанием действий армий, корпуса он упоминает лишь в виде исключения. Танковый корпус СС, сыгравший в битве решающую роль, стоил бы подробного упоминания. Адольф Гитлер, который 17 февраля находился в штаб-квартире Манштейна, очевидно, представлял себе, что главные силы Танкового корпуса СС и корпуса Рауса (прежде — Крамера) должны были бы допустить свое окружение в Харькове, после того как фронтальная оборона уже была невозможна. Таким образом, оказались бы связанными большие силы Красной Армии. Деблокирование Харькова тогда должно было бы повлиять на наступление с юга. Подобные стратегические мысли Гитлера почти никогда не приводили ни к чему хорошему, по крайней мере в Сталинграде. Самовольное оставление Харькова, обусловленное чувством ответственности, вопреки повторяющимся приказам Адольфа Гитлера, нельзя называть «паническим бегством», хотя у Адольфа Гитлера и были все основания, чтобы не заострять внимания общественности на непослушании Танкового корпуса СС.

Какими силами тогда Манштейн смог бы вести свое наступление между Доном и Днепром? 4-я танковая армия [генерал-полковника Германа] Гота тогда состояла бы в основном из XLVIII танкового корпуса. У нее за плечами было тяжелое отступление после отвлекающего удара на Сталинград. Кроме нее, в распоряжении Манштейна находились — насколько я могу судить — свежая 15-я пехотная дивизия и, в лучшем случае, части 1-й танковой армии (дивизия СС «Викинг»). Главные силы 1-й танковой армии были брошены на Миус, куда вскоре должен был быть отведен и «Викинг».

Таким образом, существенным было то, что вновь сформированный из испытанных дивизий Танковый корпус СС оказался свободен для того, чтобы наступлением от Краснограда на юг совместно с «Рейхом» и «Мертвой головой» пробивать путь к танковой армии Гота, в то время как «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» удерживал линию обороны на правом фланге армейской группы «Кемпф» (прежде — «Ланц»). Эти бои были не из легких! Только после них Манштейн получил плацдарм для осуществления своего масштабного плана. Во время проведения этой операции корпус СС, причем в одиночку, снова взял Харьков.

Поводом для данного пояснения послужило умалчивание, безусловно неумышленное, действий Танкового корпуса СС в большинстве недавно вышедших работ.

Бои на Курской дуге

После завершения боев возник план наступления с юга, из района Белгорода и западнее его (группа армий «Юг») и с севера, из района Орла (группа армий «Центр»), чтобы отрезать и уничтожить находившиеся в сильно изогнутой на запад дуге советские войска. Операция получила кодовое название «Цитадель». Исполнение этого плана несколько раз откладывалось, чтобы обеспечить снабжение танковых дивизий новыми тяжелыми танками — «Пантерами». Между тем русские укрепили две сильные позиции западнее Донца противотанковыми рвами, противотанковыми позициями и вкопанными в землю танками. В практических и теоретических учениях войска обучались бою против хорошо укрепленных позиций врага, а также взаимодействию с люфтваффе.

Наступление началось 5 июля. В боевую готовность были приведены: справа — армейская группа «Кемпф» на Донце (до Белгорода включительно), ей предписывалось наступать через Донец с основным ударом слева. Севернее развернулась 4-я танковая армия [генерал-полковника Германа] Гота, справа от которой находился Танковый корпус СС, слева — XLVIII танковый корпус [генерала танковых войск Отто] фон Кнобельсдорфа и пехотная дивизия. Задача: прорыв через мощные враже-

ские позиции с обеих сторон реки Ворскла и захват возвышенности у Прохоровки на железной дороге, что позволило бы задействовать все танковые силы в районе между рек. Местность, по которой проходило наступление, была разделена на участки из-за множества непроходимых балок.

Корпус был подкреплён тяжелой артиллерией и минометной бригадой вермахта. Для единообразной огневой подготовки и обеспечения осколочно-фугасными снарядами и дымовой завесой в составе корпуса было сформировано временное артиллерийское командование. Руководство им было поручено штабу командующего артиллерией армии.

Проведение прорыва обеих позиций прошло точно по плану. Неожиданности начались лишь позже. Дивизии были брошены в бой в следующем порядке: «Мертвая голова», «Рейх», «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». Основной удар сначала находился на внутренних флангах дивизий слева. После прорыва русские начали сильные контрудары по правому открытому флангу на железной дороге («Рейх»). Дивизия «Мертвая голова» после выполнения первой задачи была отведена и переброшена на левый фланг.

С самого начала было известно о наличии у советского командования сильного оперативного резерва в районе Воронежа. Часть этих войск была введена в бой. Корпус СС в ночь на 11 июля был приведен в боевую готовность для общего наступления на эти войска, в то время как дивизия «Мертвая голова» должна была захватить переправы через Псел и обеспечивать нам прикрытие. По этим исходным позициям 11 июля 3-я советская танковая армия нанесла контрудар. В этот и последующие дни западнее Прохоровки развернулось танковое сражение невиданного ранее масштаба. Прорыв противник осуществить не смог, множество его танков было уничтожено. Однако положение стало критическим, поскольку армейская группа «Кемпф» вынуждена была свои основные силы перебросить с левого фланга на правый, так что рядом с Танковым корпусом СС образовалась большая брешь.

Успехи [9-й] армии [генерал-полковника Вальтера]

Моделя, наступавшего на Орловском направлении, были значительно скромнее; советское наступление на Орел поставило под большой вопрос задачу достижения Курска. Кроме того, казалось, обострилось положение на Миусском фронте. Поэтому Верховное командование приказало остановить наступление и перебросило корпус СС на Миус. Таким образом, оперативные цели не были достигнуты, но, по крайней мере, были связаны оперативные резервы противника. Были ли тем самым сорваны его планы — вопрос спорный, так же как и то, стоило ли задействовать и истощать наши резервы для этого наступления.

Дивизии были отведены и одна за другой марш-броском отправлены в [6-ю] армию [генерала пехоты Адольфа] Холлидта. При этом «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» был отозван с Восточного фронта и отправлен в Северную Италию.

Штаб корпуса с дивизиями СС «Рейх», «Мертвая голова» и 3-й танковой дивизией вермахта после тяжелейших боев на крайне неудобной местности у Константина, продолжавшихся до 3 августа, ликвидировали большой вражеский плацдарм на Миусе. Затем штаб корпуса был переброшен в Северную Италию, в то время как обе дивизии в связи со сложившейся тяжелой ситуацией задержались на Восточном фронте. Время единого руководства войсками СС при посредстве собственного корпусного штаба снова закончилось. Корпус, начиная со входивших в него войск и заканчивая командованием, полностью оправдал возложенные на него надежды.

Тем временем в Италии Муссолини был отстранен от власти и арестован. 3 сентября войска союзников высадились в Италии, чьи вооруженные силы 8 сентября капитулировали¹. Штаб II [танкового] корпуса СС (входившего в группу армий [«Б» генерал-фельдмаршала Эрвина] Роммеля) руководил разоружением итальянской армии в

¹ Это не совсем так. 3 сентября 1943 года в Кассибле (Сицилия) генерал Каstellано подписал условия капитуляции. 8 сентября Италия официально вышла из войны. 9 сентября правительство Пьетро Бадольо вместе с королем Италии покинуло Рим и бежало в Пескару, откуда на корвете «Байонетта» переправилось в Бриндизи. 13 октября Италия объявила войну Германии. — *Прим. науч. ред.*

Северной Италии, а также «зачисткой» восточных районов, которую осуществляли «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» и дивизии вермахта в течении периода до конца 1943 года.

В районе Харькова фронт пришел в движение. Натиск советских войск, которые после Сталинграда были переброшены на этот участок фронта, нарастал. Все началось контрударом севернее Белгорода и переросло в широко-масштабное наступление на участке группы армий «Юг». Сильный удар привел к глубокому проникновению противника в направлении Харькова и Полтавы. Прорыв удалось ликвидировать. 20 августа в Харькове в четвертый раз поменялась власть. Новое наступление началось 24 августа из района на Таганрог — Ворошиловград. Прорыв заставил 8 сентября отодвинуть немецкий фронт на линию Мариуполь — район западнее Сталино — район западнее Славянска и вслед за тем сдать позиции на Донце. В конце сентября русские стояли перед линией Мелитополь — Запорожье и на Днепре, вплоть до устья Припяти. К концу ноября и эти позиции у реки были потеряны. Осталось лишь по одному плацдарму у Херсона и Никополя. Между тем враг уже прорвался через Киев на Житомир.

Предпринятый в декабре под Бердичевым недостаточными силами немецкий контрудар застопорился. Не удалось отбить Киев и позиции на реке. Новая атака русских отбросила наши войска до Винницы. К сожалению, за этот период нет подробных данных о том, в какие объединения входили отдельные части СС. Поэтому придется довольствоваться обзорным описанием. Это особенно печально потому, что именно бои во время отступления и затяжное сопротивление ставят перед войсками особые задачи, и действия командования и заслуги войск при этом были бы достойны упоминания. Небольшое представление о том, как проходило отступление, дает Эрих Керн в «Великом опьянении». Основная нагрузка этих боев пала на дивизии СС «Рейх», «Мертвая голова» и «Викинг». Участвовали в них также и кавалерийская дивизия СС и, с конца года, снова «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер».

«Викинг» до конца июля держал оборону на Среднем

Донце. «Мертвая голова» вскоре была отозвана с Миусского фронта, «Рейх» последовал за ней несколько позже. Затем, до середины сентября, они сражались в районе западнее Харькова (Лебедин — Ахтырка — Валки) в составе 8-й армии против основных сил противника до тех пор, пока они не были вынуждены отступить в южном направлении через Полтаву к Днепру (район Кременчуга). Здесь сразу же начались новые оборонительные бои. На участке «Мертвой головы» они продолжались до начала октября, в то время как «Рейх» был брошен против вражеского передового укрепления на западном берегу Днепра южнее Киева.

Дальнейшее развитие событий еще больше отдалило дивизии друг от друга: «Мертвая голова» была перебросена к югу от Днепра в район на Ингулеце севернее Кривого Рога (в состав 1-й танковой армии), «Викинг» после боев восточнее Киева — на Днепр у Черкасс (8-я армия), «Рейх» — западнее Киева, в район Бердичев — Коростень, по обеим сторонам Житомира. Здесь угроза была особенно велика. Туда в конце года был перебросен из Италии и «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». Эти войска принимали участие в контрнаступлении 4-й танковой армии от Бердичева, которое восстановило положение на фронте.

На центральном участке в июне была оставлена линия Вязьма — Ржев, и до конца года фронт переместился западнее, на линию Бобруйск — Витебск. Из войск СС здесь сражались 8-я кавалерийская дивизия СС и 1-я бригада СС. Из первой в начале января 1943 года была выделена боевая группа под командованием [оберштурмбаннфюрера СС Августа] Цеендера, которая вела бои южнее Орла в составе [XLVII танкового] корпуса [генерала танковых войск Иоахима] Лемельзена. Остальная часть дивизии стояла в районе Карачева и в боях участия не принимала.

В апреле и мае дивизия была обновлена северо-западнее Бобруйска. До конца июля она участвовала в боях в районе Речица — Мозырь между Днепром и Припятью, где прорвались русские и, кроме того, неоднократно приходилось бороться с партизанами. В августе дивизия была перебросена в распоряжение группы армий «Юг», где она участвовала в оборонительных боях и отступле-

нии до Днепра и далее до Кировограда, а затем в общем отступлении немецких войск. По завершении этих боев в декабре она была направлена для переформирования в Эссек (Хорватия).

На севере Полицейская дивизия СС все еще участвовала в блокаде Ленинграда, западнее Волхова, у Колпино, в конце — у Ораниенбаума. В январе 18-я армия, после того как потеряла Шлиссельбург, была вынуждена снять на юго-восточном фронте блокаду Ленинграда. Не хватило сил, чтобы ликвидировать советский плацдарм у Ораниенбаума. Между двумя участками вторжения на Волхове и восточнее Любани необходимо было удерживать опорные позиции, что стоило большого напряжения сил. После событий на других фронтах группа армий [«Север»] была значительно ослаблена. В качестве подкрепления на этот участок фронта были переброшены полицейские части под командованием [обергруппенфюрера СС и] генерала полиции [Фридриха] Еккельна. В декабре сюда прибыл штаб III танкового корпуса СС.

В 1943 году в составе войск СС были сформированы:

— I танковый корпус СС [обергруппенфюрера СС и генерала войск СС] Зеппа Дитриха; летом — в Берлине и Брюсселе, позднее — Меране, Тироле;

— штаб III (германского) танкового корпуса СС [обергруппенфюрера СС и генерала войск СС Феликса] Штейнера, Северная Бавария. С конца 1943 года — бои в Хорватии;

— штаб V [добровольческого] горнострелкового корпуса СС [обергруппенфюрера СС и генерала войск СС Артура] Флепса, Банат. Участвовал в боях в Югославии;

— штаб VI армейского корпуса [обергруппенфюрера СС, генерала войск СС и полиции Карла фон] Пфедфер-Вильденбруха; участвовал в боях на севере России;

— бывший Танковый корпус СС [обергруппенфюрера СС и генерала войск СС Пауля] Хауссера получил номер II;

— 9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен» [группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС Вильгельма] Биттриха, Франция;

— 10-я танковая дивизия СС «Фрундсберг» [бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС Лотара] Дебеса,

позднее — [группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС Карла Фишера] фон Тройенфельда, Франция;

— 11-я [моторизованная] дивизия СС «Нордланд» [группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС Фридриха] фон Шольца [Эдлера фон Раранче], Графенвер; в ее состав вошел Добровольческий корпус «Денмарк»;

— 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» [бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС Фрица де] Витта, Бельгия;

— 16-я моторизованная дивизия СС «Рейхсфюрер СС» [группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС Макса] Симона, Лайбах, позднее — Венгрия и Верхняя Италия;

— моторизованная бригада СС «Нидерланд» [оберфюрера СС Юргена] Вагнера, Графенвер.

Негерманские соединения:

— 13-я горнострелковая дивизия [войск СС] «Ханджар» (мусульмане) [бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС Карла Густава] Зауберцвейга¹, Франция, позднее — Балканы;

— 14-я гренадерская дивизия [войск СС] (галицийская) [бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС Фрица] Фрейтага, Дебица;

— 15-я гренадерская дивизия [войск СС] (латышская) [оберфюрера СС Николауса] Хейльмана², Латвия.

Балканы.

1942 год - конец 1944 года

У Балкан — ярко выраженное собственное лицо, и местное население живет там по своим законам. Смесь балканских народов из словенцев, хорватов, сербов, болгар

¹ На самом деле первым командиром дивизии СС «Ханджар» был штандартенфюрер резерва СС Герберт фон Обвурцер, а Зауберцвейг сменил его только в августе 1943 года. — *Прим. науч. ред.*

² Хейльман возглавил дивизию только в феврале 1944 года. До него этот пост занимали бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Петер Хансен и группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС граф Карл фон Пюклер-Бургхаус. Подробнее см. информацию, помещенную в 1-й части данного издания. — *Прим. науч. ред.*

и македонцев обнаруживает то европейские, то азиатские черты.

Историческое развитие этого региона, турецкое владычество и борьба против него навсегда поселили ненависть между балканскими народами, закрепив возникшие противоречия в различии их вероисповеданий. Югославии, созданной после Первой мировой войны, не удалось погасить конфликт между сербами и хорватами. Политический кризис привел к государственному перевороту 1941 года, весенней кампании вермахта и созданию разделенной на немецкую и итальянскую зоны влияния самостоятельной Хорватии под руководством Анте Павелича.

Немецкое политическое влияние опиралось на плохих советчиков, а итальянское руководствовалось «сасго egoismo»¹. Последствиями всего того, что пришлось расхлебывать солдатам, стало массовое партизанское движение. Порой партизанские отряды враждовали между собой. Здесь действовали следующие вооруженные отряды: усташи — хорваты-националисты, четники — сербы-националисты под руководством [Драги] Михайловича, сербы-коммунисты под руководством [Иосипа] Броз Тито. Их поддерживали западные союзники и даже — тайно — итальянцы.

До 1942 года наиболее сильным было влияние четников. Лишь позже, благодаря помощи союзников, особенно после капитуляции Италии летом 1943 года, победил Тито, который стал получать от союзников большое количество оружия и боеприпасов. Его банды выросли в сильную регулярную армию, основные силы которой находились в Западной Боснии. После выхода из войны Болгарии и Румынии Тито перебросил свои отряды в Сербию восточнее Дрины для взаимодействия с русскими, в то время как Михайлович остался в Боснии. Сербы и хорваты были хорошими солдатами (последние достойно показали себя во время Первой мировой войны, когда они сражались в рядах австро-венгерской армии).

Непосредственно после Балканской кампании 1941 года немецкие войска были переброшены на Восточный

¹«Святой эгоизм» (итал.). — Прим. науч. ред.

фронт против СССР. На Балканах остались лишь слабые оккупационные части. Однако нестабильное положение заставляло постоянно усиливать их. Но, несмотря на это, они все равно оставались в меньшинстве. Помощь итальянцев была очень сомнительной.

7-я горнострелковая дивизия СС «Принц Евгений» была сформирована в 1942 году в сербском Банате. Формированием руководил [группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС Артур] Флепс, заслуженный офицер бывшей императорской и королевской армии¹, который после окончания Первой мировой войны как уроженец Трансильвании поступил на службу в румынскую армию. В 1941 году он вступил в войска СС. Флепс погиб в 1944 году, будучи командиром корпуса СС.

В состав дивизии было рекрутировано около 1500 фольксдойче. Офицеры и унтер-офицеры были в основном бывшими военнослужащими императорской и королевской армии, а также выходцами из других дивизий СС. Отсутствие единообразия в подготовке привело при формировании дивизии к очень большим трудностям. На вооружение поступило трофейное оружие, опять-таки очень разного происхождения. Командирами дивизии также были [бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Карл Риттер] фон Оберкамп, [бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Отто] Кумм и [бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Август] Шмидтхубер.

Штаб V горнострелкового корпуса СС (вместе с частями корпусного подчинения) был сформирован летом 1943 года в Берлине и Праге под командованием Флепса; начальником штаба корпуса был назначен [Отто] Кумм. Свое боевое крещение части корпуса получили в октябре 1943 года у Мостара.

Одновременно была сформирована и первая мусульманская дивизия СС. Ее солдаты носили фески и даже во время боевых операций соблюдали правила своей религии. Первая боевая операция, в которой они приняли участие, — бои в январе 1944 года у Туцлара.

¹К.у.К. — Kaiser- und Königen — «императорский и королевский», т.е. армии Австро-Венгрии, по титулу монарха — император Австрии и апостольский король Венгрии. — *Прим. науч. ред.*

Наши мухос

13-я горнострелковая дивизия СС «Ханджар» была сформирована группенфюрером СС Зауберцвейгом в 1943 году на основе традиций боснийских полков императорской и королевской армии. В нее добровольно записалось около 20 000 мусульман из Боснии и Герцеговины, а также несколько сотен албанцев, которые хотели бороться на своей родине с большевизмом. В каждом батальоне был свой имам, который опекал солдат в духе мусульманской религии. Здесь следует выразить благодарность нашим товарищам из Сербии и Хорватии, которые до самого горького конца боролись вместе с нами, хотя их родина уже давно была запружена партизанами.

В марте 1944 года завершившая формирование дивизия вошла в состав V горнострелкового корпуса СС и развернулась в районе Винковиц. Приход хорошо вооруженных мухос (так мы называли наших солдат) на свою родину вызвал новую волну добровольцев, так что стало возможным формирование еще одной мусульманской дивизии — «Камы». Дальнейшие планы по формированию новых войск были нарушены крахом Румынии.

Наряду с тяжелым испытанием на Дунае севернее Эсsegа дивизии предстояли другие тяжелые бои, особенно в Венгрии.

В Нагятада наши передовые части стояли в 8—10 метрах напротив позиций болгарских войск. Каждую ночь происходили вылазки. На участке 1-й роты, в «рукопашной прихожей», каждую ночь завязывались бои за отдельные дома. Каждый хотел улучшить свои позиции, чтобы обезопаситься от неожиданных налетов. В одно воскресное утро в 8 часов наш участок внезапно покрылся облаком чада и пыли от сильного артиллерийского и гранатометного огня. Было ли это обычным утренним благословением? Постепенно артиллерийский огонь пробрался от окраины селенья в сам городок. 17,2-сантиметровые гранаты врзались в дома. Все горело. Весь в поту и грязи, ворвался командир эшелона связи: «Иваны захватили рукопашную прихожую!» Выступив со своего плацдарма, болгары напали слева от улицы на 1-ю роту, в то время как атака справа от улицы захлебнулась недалеко от первых домов в нашем гранато-

метном и пулеметном огне. Они с трудом пробивались дальше в город.

Мухос отчаянно оборонялись. Правая линия домов осталась в наших руках. Из всех подвальных щелей, окон, с крыши на проходивший совсем близко фланг нападающих обрушился огонь. Тяжелые орудия создавали заградительный огонь, направленный на вражескую переправу через Ринью. Мощь неожиданной атаки разбилась из-за сильных потерь. Враг был остановлен в путанице домов, развалин и окопов благодаря ответному удару командира 1-й роты с поспешно собранными пятнадцатью мухос. Теперь нельзя было терять ни минуты. Если бы противник удержался здесь, то, получив подкрепление, он мог бы разнести всю нашу позицию. Но у нас на подходе был уже резервный эшелон венгерских членов «Стрелы и креста», которые вместе с нами хотели защищать свою родину. После быстрого приведения в боевую готовность венгры обрушились на врага сокрушительными снарядами, фаустпатронами, ручными гранатами и оглушительным ревом. Враг оставил все свое вооружение и отступил на старые позиции.

Боснийцы, до этого задействованные лишь в партизанской борьбе, должны были привыкнуть к большим сражениям с использованием всех тяжелых орудий, танков и штурмовой авиации. Напряженное развитие событий способствовало этому. Вскоре дивизия вместе с 71-й пехотной дивизией, с «Хох-унд Дойчмейстерами» и венгерскими отрядами стояла на линии фронта южнее озера Балатон. На протяжении зимы 1944/45 года наши мухос мужественно удерживали свои позиции. Локальные вторжения устранялись ответными ударами. Усердная деятельность разведывательных и ударных групп принесла хорошие результаты. Отдельные отряды время от времени сражались в составе других соединений и в большинстве случаев заслуживали похвалу, отпускали их с неохотой. Когда весной 1945 года русским удалось прорыв на Вену, дивизии медленно, в боях, отступили назад, на позиции обороны рейха. Таким образом, большая часть немецких войск, находившихся в районе от Балкан до Греции, смогла соединиться и тем самым многим нашим товарищам удалось избежать русского плена. Достаточное основание, чтобы не забывать наших смелых мусульман! Наша дивизия понесла в этих боях тяжелые по-

тври, поскольку каждую позицию нужно было держать до последнего. После капитуляции остатки войск попали в британский военный плен. В лагере мухос отделили от их немецких командиров, при этом многим расставаться было тяжело. Часть наших мухос была выдана Тито по его требованию, как и тридцать восемь немецких фюреров и унтер-офицеров, которые были доставлены в Белград уже в сентябре 1947 года.

Х.Ш., 13-я горнострелковая дивизия СС «Ханджар»

В январе 1944 года из албанских добровольцев была сформирована 21-я горнострелковая дивизия [войск] СС «Скандерберг» под командованием [бригадфюрера СС и генерал-майора войск СС Августа] Шмидтхубера, однако впоследствии в боевых операциях были задействованы лишь отдельные ее части.

Участие в боевых операциях

Следует иметь в виду, что недостаток специальных карт не позволяет подробно описать бои. Далее нужно сказать, что бои на Балканах имели совершенно особый характер. Это была беспощадная война! Такое положение было следствием военных столкновений Средневековья, которые, как и в наши дни, непременно сопровождались резней, истреблением целых поселений, убийством женщин и детей, сжиганием деревень, нападениями из-за угла, набегами и т.д. Немецкие войска были обречены вести войну такими же методами. Тот, кто попадал в руки врага, не имел ни одного шанса на спасение. Приходилось защищаться.

В октябре 1942 года «Принц Евгений» был переброшен на сербо-черногорскую границу. Небольшой бой с партизанами в горной местности восточнее реки Ибар — правого притока Дрины — успеха не принес. Затем дивизия была переброшена в район Аграм — Карловац.

Первая половина 1943 года была заполнена двумя большими операциями против сильных партизанских отрядов. Первая проводилась с января по середину марта

концентрированно с юго-востока, от Мостара — 6-й итальянской армией (генерала [Марио] Роатты), с севера — двумя немецкими дивизиями, с северо-запада — «Принцем Евгением» в район восточнее Бихача, в тяжелых условиях и при сильных морозах. Успеха не последовало, поскольку Тито со своими партизанами смог отойти на юго-восток через Наренку. Вторая операция была проведена сразу вслед за первой — до конца мая — в Западной Черногории. Две дивизии вермахта были развернуты у Фочи и Сараево, две болгарских — у Преполья, итальянцы — у Цетине, дивизия СС «Принц Евгений» — у Мостара. После того как последняя пробилась через область, контролируемую итальянцами, она продвинулась на восток до района у Никшича. Партизаны понесли большие потери. Однако силами примерно в 3000 человек Тито удалось прорваться у Фочи. Вскоре он сформировал новые отряды севернее Сараево. Таким образом, и эта операция не увенчалась решающим успехом.

Политическая ситуация ухудшалась. Ежедневно можно было ожидать измены итальянцев, которые в конце концов капитулировали в сентябре 1943 года. Положение стало критическим, поскольку к партизанам перешли итальянские позиции и оружие. Дивизия СС «Принц Евгений» получила приказ захватить район Сплит (Спалато) — Меткович — Дубровник (Рагуза) на далматском побережье и разоружить итальянские войска.

В сентябре завязались тяжелые бои в предместьях Сплита за старую турецкую крепость Клис и за Меткович. Взятие Сплита стало возможным лишь после поступления подкрепления. Было захвачено 18 000 итальянцев и множество военной техники. Остальные войска были вывезены под прикрытием английских военных судов по Адриатике. К ноябрю были захвачены острова Брач, Хвар и Корчула. Штаб V горнострелкового корпуса СС в октябре принял на себя командование дивизиями СС «Принц Евгений» и «Ханджар», а также тремя дивизиями вермахта.

Использование корпуса в декабре 1943 года против отрядов Тито в районе северо-восточнее Сараево с севера и юга не принесло никаких результатов. Тито прорвался

на запад, преследование «Принцем Евгением» через Травник было за пределами сил дивизии.

До конца февраля 1944 года дивизия отдыхала, получая подкрепления и проводя постоянные тренировки, стараясь приспособиться к новому руководству. Она стояла в резерва в районе Сплит — Рагуза. После переброски в Центральную Боснию у Травника обучение было продолжено до конца апреля уже в условиях реального боя. В начале мая была сделана попытка захватить главный штаб Тито в районе Дрвара. В то время как «Принц Евгений», подкрепленный небольшими частями вермахта, с востока прорывался через горный лесистый массив Увала, парашютисты 501-го батальона СС высадились в Дрваре. Тито с остатками 1-й и 6-й дивизий [НОАЮ] удалось бежать, сначала на юг, затем на восток. Преследование «Принцем Евгением» закончилось в начале июня на Дрине у Фочи практически полным разгромом 1-й дивизии [НОАЮ]. Этот успех показал, что боевая готовность «Принца Евгения» снова находится на прежнем уровне.

Да, Францель

Высоко в горах Черногории разведывательные части горнострелковой дивизии СС «Принц Евгений» наткнулись на несколько полуразвалившихся хижин, перед которыми три-четыре тощие козы с трудом выискивали редкие стельки, которые каким-то чудом умудрились вырастить здесь, в этой дыре. Кроме древней старушки, здесь не было ни души. Как только старая поняла, что ее козам ничто не угрожает, она разговорилась. «Гм, да, война идет, да, — просто-нала она. — А Франц Йозеф еще жив?» — «Франц Йозеф — какой еще Франц Йозеф...» Солдаты пожали плечами. Она, что это, кайзера Франца Иосифа имеет в виду? «Да, его». — «Нет, он же уже давно помер...» — «Как помер? А война все идет. Сколько же она уже длится...» Она зажимает пальцы, начинает считать, на одной руке, на второй, но пальцев не хватает. «Принцы» озадаченно смотрят друг на друга. «О какой войне она вообще говорит?» — спрашивает, наконец, один из них. Тогда женщина изумленно поднимает на них глаза: «Ну, та, которая началась, когда они убили эрцгерцога Франца Фердинанда...»

Развитие событий на Восточном фронте, разгром группы армий «Центр» в ходе летнего наступления Красной Армии повлияли, начиная с осени, и на развитие событий на Балканах, в Венгрии и Румынии. Тито перебросил свои основные силы в Сербию.

Три партизанских корпуса были собраны у Валево для удара по Белграду. Дивизия СС «Принц Евгений» в августе была переброшена для наступления в Чачак. Операция, однако, была остановлена, дивизия отозвана и переброшена в Лесковац, южнее Ниша, для смены 1-й горнострелковой дивизии. Здесь она должна была охранять дорогу Скопье — Ниш — Белград, обеспечивая движение отступавших из Греции войск группы армий [«Е» генерал-полковника Александра] Лёра. Оборонительные бои против нескольких болгарских и советских дивизий были полностью успешными. Однако севернее большие силы русских продвигались через Алекшинац на Крушевац. Одна группа дивизии смогла отразить сильнейшую угрозу, хотя при этом она была практически уничтожена. Части дивизии у Ниша были отрезаны с севера, обойдены с юга, с тыла им угрожали партизаны, связь с XXXIV корпусом была утеряна. 10 октября дивизия выдвинулась на запад. С фланга ее атаковали болгары, что привело к большим потерям. Были потеряны практически весь штаб дивизии, артиллерия, почти вся техника и более 1000 солдат. Остатки (около 4000 человек) были собраны и без боеприпасов и продовольствия отведены — под сильным давлением русских на севере и болгар на юге — через Копавниковские горы к Ибару.

Здесь остаткам дивизии удалось соединиться с основной немецкой группировкой. Эсэсовцев, хотя они и были полностью измотаны и почти без оружия, тут же использовали для удержания плацдарма у Ибара восточнее Кральево, до тех пор пока группа армий Лёра не переправилась из долины Ибара на запад. Марш-бросок, рассчитанный на десять дней, затянулся почти на шесть недель — до конца ноября. Все это время нужно было держаться. Этот подвиг вошел в историю дивизии как особенная славная страница.

Далее дивизия, действуя в арьергарде немецких войск,

отошла к Чачаку. В то время как части группы армий Лёра отступали к Сараево, «Принц Евгений» продвигался через Любовию на Дрине к Брко на Саве. Из-за наводнения был уничтожен мост через Дрину. Саперному батальону за 18 часов удалось навести канатный мост длиной более чем в 150 метров. Несколькими контрударами окруженные части вермахта были деблокированы. В состав этой группировки войск теперь также вошли части дивизии СС «Скандерберг». После этого до конца года дивизия находилась в обороне.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В 1944 ГОДУ

До данного момента силы обеих сторон на Восточном фронте были примерно равными. Затяжные оборонительные бои сменялись наступательными операциями. В начале года линия фронта проходила примерно по линии: Крым — южнее Днепра через Припятские болота, через Оршу — Витебск — озеро Ильмень — Ленинград. Положение в тылу армии теперь находилось под постоянной угрозой со стороны партизанских отрядов. Но и общая ситуация для Германии ухудшилась: «ось» развалилась, под угрозой оказалась Румыния. Сталин все настойчивее требовал открытия «второго фронта» на Западе. Советские солдаты за годы войны значительно повысили свое умение в обращении с артиллерией и танками, да и материальная поддержка союзников, несомненно, сильно помогала СССР.

Этот год показал, что требования рейхсфюрера СС сформировывать новые соединения войск СС не могли уже быть успешно выполнены. Три с половиной дивизии, имевшиеся в распоряжении в 1940 году, теперь, после всех потерь, не могли покрыть потребность в опытных офицерских и унтер-офицерских кадрах.

От Крыма до Припяти

На этом участке фронта весы склонялись не в нашу пользу! Тон задавал противник. Его силы казались безграничными. Хотя наши дивизии были измотаны, Верховное командование все еще придерживалось старой тактики держать даже неудобные для нас линии обороны и не сдавать столь неудобные выступы. Участок фронта с

«балконом» у Никополя, потом примерно на том же уровне до Днепра должен был привлекать противника. Здесь он мог ударить своим мощным северным флангом по позициям групп армий «А» и «Юг» в сторону Черного моря и Карпат. Так и произошло.

1 января 1944 года русские стояли у Житомира. Их дальнейшее наступление отбросило к концу января слабую 4-ю танковую армию до верхнего течения Буга к Виннице и до Случи. Контрудар принес временное облегчение. Передовые части северного фланга Красной Армии в начале февраля продвинулись до Луцка. Затем последовали атаки центральной группировки против 8-й полевой и 1-й танковой армий. Наиболее упорные бои развернулись у Кривого Рога и Кировограда, а также в районе западнее Канева (на Днестре). В январе части 8-й армии оказались в котле у Корсуни (западнее Черкасс). Попытки вырваться оказались безуспешными. Лишь в ночь с 16 на 17 февраля удалось прорвать окружение. Никопольский плацдарм был потерян. Прорыв противника у Кривого Рога ставил под угрозу всю 6-ю армию.

В начале марта, сразу вслед за этими предварительными боями, началось решающее наступление РККА на севере из района Шепетовки в южном направлении, на верхнем течении Прута, против немецких позиций на Буге и Днестре. Наступление достигло Проскурова (на Буге) и Тернополя. Контрудар восточнее Проскурова остановил противника. Тут же последовало наступление центральных армий фронта на Средний Буг. Контрудар от Гайсина на Умань отбросил войска противника назад. Несмотря на это, к середине марта русские достигли Буга и Днестра, на севере — линии Броды — Дубно — Ковель.

Сформированная новая боевая группа под командованием отозванного для этого штаба 1-й танковой армии должна была остановить противника. Но она была, как и Тернополь, окружена противником, и русские достигли Карпат. В это время после прорыва у Кривого Рога в районе восточного фланга 6-й армии завязались тяжелые бои между Ингульцом и Ингулом. Лишь 20 марта советские войска форсировали Буг, а затем, отклонившись от основной линии до Балты, также Днестр и Прут. Верховное командование сухопутных войск приказало теперь

удерживать низовье Днестра и линию Кишинев — Яссы — Карпаты — Тернополь — Броды — Ковель. Генерал-фельдмаршал [Эрих] фон Манштейн в апреле¹ был заменен на посту главнокомандующего группой армий [«Юг»] генерал-фельдмаршалом [Вальтером] Моделем.

В этих боях приняли участие дивизии СС «Мертвая голова», «Викинг», «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», «Рейх» и позднее — штаб II [танкового] корпуса СС с [танковыми] дивизиями СС «Гогенштауфен» и «Фрундсберг». Некоторые детали их участия не известны.

Дивизия СС «Мертвая голова» сражалась на Ингульце севернее Кривого Рога, примерно на стыке 6-й полевой и 1-й танковой армий, потом, до середины марта, западнее, между Ингульцом и параллельной ему рекой Ингул. Потом наступление противника через Средний Буг заставило отступить на запад к 8-й армии и привело к оборонительным боям в районе Балты за этой рекой, к переправе в начале апреля через Днестр у Дубоссаров и, наконец, до конца июня, к формированию новой линии фронта у Кишинева.

После дальнейшего отступления за Прут последовали оборонительные бои в Восточной Румынии за Яссы — Роман в предгорьях Карпат. Отсюда до 13 июля войска были транспортированы по железной дороге на север в район Белосток — Гродно.

Черкассы

Севернее дивизии СС «Мертвая голова» с ноября 1943 года, южнее Днепра, в районе Черкасс в составе 8-й армии сражался «Викинг». Этот выступ в конце января был атакован, после прорыва на юге и западе отрезан от основных сил группы армий и 28 января окружен. В этом котле сражались части примерно восьми дивизий вермахта, «Викинг» и легион «Валлония» под командованием [гауптштурмфюрера СС Леона] Дегреля. Последний летом 1943 года был передан из состава вермахта в войска СС.

¹ Это произошло в Ставке Гитлера в Растенбурге 30 марта 1944 года. — *Прим. науч. ред.*

Ультиматум, предлагавший немецким войскам капитулировать, 8 февраля был отклонен. Советское командование решило нанести решающий удар из района Шпо-лы (на юге) и из района Белой Церкви (на западе).

Однако 16 февраля в 23 часа немецкие войска прорвались из района Корсунь-Шевченковского, дивизия «Викинг» — у Шендеровки и установили связь с наступающими с внешней стороны котла частями вермахта и войск СС. Плохая погода помогла прорыву, который был завершен 18 февраля. Войска понесли большие потери в живой силе и технике.

Московская радиостанция, 20 февраля 1944 года

Группа немецких солдат и офицеров дивизии СС «Викинг», которая была взята в плен в Корсунь-Шевченковском котле, засвидетельствовала, что котел был действительно ликвидирован армией Конева. Согласно приказу Гитлера, на помощь к осажденным войскам должны были спешить девять танковых дивизий.

В радиোগрамме командира одной из танковых армий, генерал-лейтенанта Хубе, заверялось: «Я пробьюсь к вам».

Однако ничего такого не последовало. За две недели дивизия, состоящая из 7000 человек, потеряла 4000. В ночь на 17 февраля всем была выдана большая порция водки и разрешено съесть весь запас продовольствия. Затем началась последняя отчаянная попытка прорыва, которая была принята дивизией СС «Викинг», моторизованной бригадой СС «Валлония» и остатками 72-й и 112-й пехотных дивизий под командованием дивизионного командира СС Гилле. Через 300 метров советские танки, а за ними казаки ворвались в плотные ряды немцев, и началась битва, доселе еще нигде и никогда не виданная в этой войне. Таким образом, вся немецкая колонна была уничтожена...

20 февраля 1944 года, Стокгольм

Стокгольмская пресса в своих пятничных и воскресных номерах на первых полосах подчеркивает, что она больше верит советскому описанию событий в так называемом Каневском котле, нежели немецким сообщениям о прорыве.

«Свенска Моргенблат» напечатала короткий комментарий, в котором полностью отражен советский взгляд на развитие событий. То же самое сделала и социал-демократическая газета «Моргонтидинген» в субботу под заголовком «Канев — второй Сталинград»...

Выход из Черкасского котла

Теснясь на небольшом участке, мы ждем приказа к прорыву из Черкасского котла.

16 февраля 1944 года

Везде лежит снег, как бесконечный грязный саван... Около полудня мы узнаем, что все начнется в 23 часа сегодня ночью.

Настроение у нас подавленное. Каждый занят собственными мыслями. В соседнем помещении граммофон бесконечно тянет какой-то унылый русский мотив — для некоторых он станет последней музыкой... Эта почти жалостливая мелодия может свести с ума. Наконец кто-то вскакивает и выключает эту волюнку. Иголлка, скрипя, соскальзывает с сыгранной пластинки.

Все разговоры крутятся вокруг прорыва. Сможем ли? Паули, наш остряк, выдает натянутую шутку: «Давайте напишем завещание...»

Вечером вдруг слышится шум самолетов — но они не похожи на обычные «кофемолки» или «швейные машинки». Тут кто-то огорошивает: «Это же немецкие самолеты! Они сбрасывают нам снаряжение!» И мы сразу чувствуем себя не такими брошенными и теперь знаем, что нас еще не полностью списали. Снаружи шумят низко летящие над нами машины, отбрасывая в ночи призрачный свет на покрытое снегом местечко. Постепенно возвращается тишина, и потом раздается долгожданный приказ: «По машинам!»

Ненадолго еще останавливаемся у огневой позиции 7-й батареи. Ночь зверски холодная. Час от часу мороз все сильнее. Мои кожаные горные сапоги скрипят при каждом движении. Без обморожений точно не обойдется. Впереди, на мосту, прорвался танк, так что дорога оказалась загороженной. Марш-бросок приостанавливается. Мы забираем-

ся в одну большую конюшню и забиваемся в угол, чтобы поспать. Но и здесь настолько холодно, что никто не может заснуть. Снаружи то и дело грохочут выстрелы иванов.

17 февраля 1944 года

Около 2 часов снова раздается приказ «По машинам!»... Мы медленно тащимся в своих машинах по направлению к главной дороге. Здесь уже царит безумный хаос. Несмотря на категорический приказ брать только самую необходимую и вездеходную технику, здесь толпятся деревянные повозки, автобусы, легковые автомобили, тягачи. Мы вынуждены чуть ли не силой втискиваться в их ряды. Передвигаемся по метру с постоянными перерывами. Дорога запружена так, что пешком идти получается гораздо быстрее, чем ехать. Поэтому мы разведываем ситуацию впереди колонны. Положение безнадежное. Все орут друг на друга, но это, естественно, не помогает в продвижении. Я возвращаюсь к своей машине и с трудом забираюсь на сиденье, забаррикадированное коробками и ящиками. Усталый и изможденный, я проваливаюсь в полусон и начинаю клевать носом. Мне даже не мешает рокот «швейных машинок» над нами, до тех пор пока я вдруг не вскакиваю от двух ужасных взрывов. Грязь и камни градом осыпают кабину и врезаются в боковые дверцы. Почти сразу снова раздается взрыв. Я тут же пробуждаюсь и выскакиваю из машины. Нам безумно повезло: снаряды упали прямо перед нами и сзади нас, попав в деревянную повозку. Лошади, облитые кровью, катаются по земле. Еще попало в легковушку и тягач. Санитары уже перетаскивают раненых в дом, перевязывают их там и перекладывают потом на один грузовик, поскольку оставить их нельзя. Мороз час от часу становится все сильнее.

До рассвета мы едва преодолели километр. С первыми лучами солнца снова появляются два русских разведчика. Мы группой из нескольких человек пешком пробираемся мимо машин, до тех пор пока нашему взгляду не открывается полностью низина, через которую идет наша дорога. Перед нами лежит, по сути дела, сломанный мост, по которому одна за другой тащатся машины и повозки. Но переход всех затянется на слишком долгое время. За мостом, на полого поднимающемся склоне, две бесконечные колонны, сопровождаемые нескончаемым «Встали! Марш! Марш!», под силь-

ным вражеским артиллерийским огнем пытаются взять эту высоту. Если бы только пройти ее!

Чтобы избежать огня на мосту, мы сворачиваем с дороги налево и с трудом идем по глубокому снегу поперек, через поля, в сторону ручья, который до сих пор находится вне линии огня. Не успели мы на 200 метров отойти от ручья, линия огня доходит и до него. Бежим в гору, еще два километра. Я не знаю, сколько раз вжимались мы в снег, когда снова начиналась стрельба, — за нами по дороге вьется длинная колонна наших товарищей. Наконец, мы взбираемся на высоту и вздыхаем с облегчением.

Перед нами открывается вид на населенный пункт; судя по карте, это должны быть Шилки. Русское кольцо — шириной примерно в четыре километра, то есть сразу за Шилками мы должны встретиться с первыми немецкими отрядами... Подумать только!

Узкая тропинка уходит вправо в низину, в которой мы замечаем прочную дорогу. Следы ног показывают, что перед нами уже кто-то прошел. Чтобы избежать возможных нападений со стороны русских на главной дороге, мы сворачиваем направо. Но, не пройдя и 100 метров, мы начинаем волноваться: уж слишком спокойным и мирным кажется нам все вокруг. Становится как-то не по себе, и после короткой перебранки — некоторые хотят идти дальше по тропинке — мы по двое возвращаемся обратно на широкую дорогу. Оставшиеся пропали без вести, до сих пор их судьба неизвестна...

Наконец мы достигаем Шилок. Воздух здесь чертовски пахнет железом, причем совершенно непонятно, отчего. Раздается грохот то тут то там, но русских нигде не видно. Последние немецкие танки и машины, которые смогли прорваться сюда, стали уже металлоломом. Впереди, за небольшой высотой, движение снова останавливается. Мы немного собираемся с силами. Тут пулеметная очередь, попавшая в одну из лошадей, бросает нас на землю. Мы ползем в жалком укрытии, за небольшой возвышенностью, как можно быстрее вперед. Впереди что-то не то — все больше и больше солдат напирают сзади, но никто не осмеливается выползти за высоту. Всех наполняет ужасное беспокойство.

Мы осторожно подтягиваемся к вершине... а там! Два Т-34 стоят на дороге, загораживая нам путь — наш путь к свободе! Мы смотрим друг на друга, как громом пораженные.

Наконец раненый оберштурмфюрер из танкистов «Викинга», изрыгая проклятья, берет инициативу на себя. Все собираются вокруг него, и потом под его командованием мы перепрыгиваем через откос и все как один бежим с криками «Ура!» на штурм танков.

Отчаяние толкает нас вперед. Танковые пушки с неистовством обрушивают море огня на наши ряды. Но попасть в руки русских страшнее смерти...

Во время бега вперед и, время от времени, назад я вижу одного из двух командиров танков, стоящего в танковой башне и отдающего приказы. Однако никто из нас не решается стрелять в него, чтобы не привлекать к себе внимания. Возможно, никто не хочет терять на это времени — ведь каждый стремится дальше вперед, на свободу.

Теперь мы приблизились к танкам уже на расстоянии 100 метров, и все еще русские выпускают снаряд за снарядом в наши штурмовые колонны. Но тут мы не верим собственным глазам! Вдруг русский командир танка исчезает в своей башне, моторы взрывают, гремя, начинают вращаться гусеницы.

Танки смываются!

Раздаются крики «Ура!» — теперь уже ликующие, а не ожесточенные, как прежде, наш путь свободен! Очевидно, русские все-таки испугались нашей отчаянной атаки, хотя у нас не было никакого оружия, кроме пистолетов и карабинов.

Однако наша свобода продолжается недолго, снова загромыхал танковый мотор — третий Т-34, который до сих пор стоял справа, скрытый туманом, катит прямо на нас. Все спешат вперед, чтобы уйти с линии огня... В 200 метрах сзади меня снаряд попадает в колонну и сметает все, что оказывается на его пути.

Мы пробираемся по прямо-таки бездонным сугробам, несясь мимо брошенного русского самолета-разведчика, мимо старых позиций и бесчисленного количества убитых русских. Наша колонна теперь растягивается на сколько хватает взгляда — тонкая цепочка темных фигур без конца и края, посреди глухой ледяной снежной пустыни.

Появляются новые русские танки, теперь их уже шесть! Мы разбегаемся в стороны друг от друга, чтобы не стать для них привлекательной мишенью. В такой момент большие всего на свете каждый хочет провалиться под землю.

Длинными скачками мы пытаемся попасть под прикрытие холма, но прежде чем это удастся, нам еще много раз приходится кидаться в снег. Снаряд попадает в группу справа от нас. Мы еще замечаем, как солдаты бросились на землю, и вот снаряд уже там, прямо посреди них! Бедные парни... Но потом, к нашему удивлению, после того как дым рассеялся, они вскакивают и бегут дальше.

Мы продвигаемся вперед. Время от времени некоторые берут передышку и пытаются утолить жажду снегом. Следуя нашему главному правилу «подальше от основной толпы», мы снова устремляемся в сторону, в ущелье. Оно очень узкое, так что здесь мы практически можем избежать неожиданных ударов. Теперь изнеможение сказывается и на нас. У меня начинает сводить судорогой ноги, и это мешает идти. Один армейский ефрейтор встал рядом со мной, как будто так и надо. «Господин фельдфебель, может, дальше вместе пойдем?» — «Почему бы и нет». Мимо меня пробегают один за другим мои товарищи. «Эй, Ганс, не сиди!» — «Потом не догонишь!» — «Эй, это наши? Нужно его взять, а то он так здесь и останется!» — «Да нет, оставьте, — машу я всем, — мы сейчас пойдем, только немного передохнем».

И потом снова трогаюсь в путь. Небольшая передышка пошла нам на пользу. В ущелье колонна, обычно идущая широко, уплотняется. Странным образом в этом хаосе встречаешь знакомых из других воинских частей и земляков, которых до этого не видел годами. Короткие приветствия там и тут — и вот уже они снова теряются в этой толчее. Все подчинено неустойчивой спешке вперед. При каждом обстреле из неизвестной русской позиции наши ряды взрываются бурным «Ура!», тем самым мы словно хотим подбодрить себя. Но как раз это является в корне неверным, ведь таким образом мы точно показываем русским, где идем. Но как теперь отучить эту толпу кричать? Последствия не заставляют себя долго ждать. В просеке русские покрывают нас пулеметным и зенитным огнем так, что мы по нос оказываемся в снегу. И снова этот уже почти сумасшедший рев «Ура!».

С большим трудом удается мне вырваться из этого адского котла. Дальше — на гору, с горы, через поле, только на запад. Постепенно становится спокойнее, лишь время от времени трещат нам вслед пулеметные очереди. Вдруг далеко на горизонте появляются две темные фигуры... неуже-

ли это действительно немецкий форпост? Мы даже не смеем надеяться на это.

Мы неожиданно оказываемся перед ручьем, 6—8 метров в ширину. В пределах видимости — никакого моста. Множество воронок от гранат по обе стороны ручья, мертвые и раненые лошади, которых несет вода, обстрелянные повозки говорят о том, что каждую секунду воздух здесь снова может накалиться. Прыгнуть в воду и переплыть ручей? Но как мы потом высушим одежду, она же примерзнет к телу. Кто-то, не думая, прыгает в ручей. Номы бежим вдоль берега, ожидая все-таки найти переправу. И когда мы уже теряем надежду и хотим прыгнуть в воду, мы, наконец, натываемся на мостик! И здесь тоже: воронки, раненые лошади, обстрелянные повозки. Один за другим, балансируя, мы осторожно перебираемся на другой берег. Непосредственно у переправы одиноко стоит ковшик, приглашая выпить. Каждый бросается к нему, набирает воду из ручья, утоляет жажду и аккуратно ставит его на место для других товарищей. Я тоже пью из него; небольшая примесь крови в воде в этот момент меня не смущает. Только теперь не пасть духом! Ведь самое страшное для нас уже, очевидно, позади.

Обе темные фигурки на горизонте движутся взад-вперед. Это, должно быть, наши, потому что если бы это были русские, то их были бы сотни...

По дороге мой взгляд вдруг падает на раненого солдата, лежащего на обочине. «Давай, тебе нельзя здесь оставаться, ты должен идти с нами!» — говорю я. Его лицо залито кровью. Это роттенфюрер из танковых частей «Викинга». «Я просто хочу немного передохнуть», — стонет он. Я, не раненый, уже так вымотан и изможден, а он и подавно. «Передышка» для него может окончиться вечным покоем, его нужно взять с собой, иначе он пропадет. Я окликаю следующего за мной: «Давай, хватай, его нужно взять с собой!» Безмолвно он берет раненого с другой стороны. Мы передвигаемся, конечно, чрезвычайно медленно, но нашего раненого товарища нельзя бросить, чего бы нам это не стоило. Время от времени он стонет: «Оставьте же меня, я больше не могу». Он не хочет, чтобы мы из-за него попали в беду. Но после долгих уговоров он вновь берет себя в руки. «Если бы у меня была лошадь!» — стонет он. И, как по веле-

нию неба, перед нами вдруг оказывается кавалерист. Я кричу ему: «Эй, ты ранен?» Никакого ответа, парень вообще не реагирует на мой вопрос. Я снова яростно кричу ему: «Эй, подойди, ты ранен?» Теперь наездник прищипорил лошадь и подъехал к нам. Когда я спрашиваю его в третий раз, он смотрит на меня большими глазами: «Никс понимаю!» Ага, русский, пособник, который теперь тоже пытается спастись. Я даю ему понять, что он должен слезть с клячи, чтобы на нее смог сесть наш раненый товарищ. Дружелюбный Иван с готовностью слезает с лошади и дальше идет пешком. Мы усаживаем нашего роттенфюрера на лошадь и берем ее за уздечку. Счастливый и благодарный роттенфюрер крепко держится за гриву. Все вместе мы приближаемся к двум фигуркам на высоте.

После нескольких километров мы натываемся на группу солдат, которые стоят вокруг тяжело раненного в бедро фельдфебеля и не знают, каким образом везти его. Тут наш раненый, который сам еле держится в седле, говорит: «Пустите, я слезу, тогда мы сможем положить его на лошадь», — и уже с трудом соскальзывает из седла. Недалеко от высоты несколько солдат окликают нас: «Эй, Фриц, что это с тобой?» Это товарищи по роте нашего раненого. Один из них непонятно откуда достает полфляжки инапса и — о чудо! — для каждого еще по маленькому кусочку шоколада! Это небольшое подкрепление пошло на пользу. Все вместе мы пробираемся дальше.

И вот мы и в самом деле достигаем нашего фронта!

Наше предположение было верным, обе «фигурки на горизонте» оказались форпостом «Лейбштандарта», который шел нам на помощь, но застрял из-за слякоти и мороза. Правда, из четырех километров, которые нам якобы нужно было преодолеть, вышли все 25—30, но какая теперь разница. Мы вздыхаем с облегчением. Даже если это и не конец тягостям, мы ушли от русских.

Перед нами в снегу и солнце лежит Лысянка. Беспрерывно приземляются здесь санитарные самолеты и увозят раненых. Все кажется таким хорошо знакомым...

Мы идем вдоль берега реки к населенному пункту. Мы останавливаемся у источника недалеко от деревни на небольшой привал. Как вкусна эта чистая вода. Теперь роттенфюрер уговаривает нас, что он сможет пройти этот

последний участок сам, мы должны спокойно идти вперед, о нем как о раненом обязательно позаботятся.

Тогда мы направляемся через поле, а он подходит к одному из передовых перевязочных пунктов.

В Лысянке мы позволяем себе небольшой отдых. Когда мы входим в одну из убогих глиняных хижин, из нее как раз выходит группа людей. На столе валяется раскрошенный хлеб, на полу лужи воды. Чертовски холодно. Но какая, в конце концов, разница. Мы выискиваем крошки побольше, а я достаю из своей котомки банку рыбных консервов, которую мне прислала мать на Рождество и которую я вообще-то хотел отослать ей обратно, потому что она наверняка сэкономила ее, отказывая себе во всем. Но сейчас все-таки пришло время ее открыть. Рыба, хотя и заморожена, но кажется нам такой вкусной, как никогда до этого.

Мы находимся в пути уже восемь часов. Но все еще не достигли цели. Из котла вышли 70 000 человек, как им разместиться в этом маленьком местечке? Здесь есть место лишь для раненых. Так что мы снова встаем и идем к следующей деревне: семь километров! Уже почти темно, когда мы наконец добираемся до нее. Все возможные места ночевки забиты так, что и яблоку негде упасть. Что теперь? Идти дальше? Наконец, на самой окраине деревни, мы находим дырявый дощатый сарай; он тоже уже заполнен под завязку, внутри гуляет ветер, но все лучше, чем стоять на улице в снегу. Так что заходим!

Только сейчас мы замечаем, как мы измождены. Ноги отказываются идти. Мы просто падаем на месте и, не смотря на сопротивление других, все глубже втискиваемся в толпу.

Расслабившись, мои ноги начинают болеть, пока от бесилия я не проваливаюсь в полусон, из которого меня то и дело вырывает боль...

Х.Д.

Ковель

В середине февраля широкий клин советского наступления оттеснил 4-ю танковую армию южнее Припятских болот почти до Буга (приток Вислы), в то время как правый фланг группы армий «Юг» все еще удерживался

намного восточнее, в низовьях Днепра. Группа армий «Центр» тоже находилась примерно на уровне восточного края болотистого района.

Нужно было предотвратить дальнейший прорыв в сторону Люблина. Остатки «Викинга» после их прорыва из Черкасс должны были быть переформированы в районе восточнее Люблина — Красностова — Холма, солдат, особенно европейских добровольцев, нужно было отправить в отпуск. Для получения тяжелого вооружения, техники и пополнения требовалось время. В Германии готовились два подразделения для грядущего переформирования. Из оружия в общей сложности в распоряжении дивизии находилось только 400 карабинов и автоматов.

12 марта последовал приказ Верховного командования вермахта немедленно усилить боевой группой, численностью примерно в 4000 человек, войска, оборонявшиеся в Ковеле. На этих позициях тогда находились около 4000 человек (кавалерийский полк СС, ополченцы, полицейские формирования с небольшим количеством артиллерии и легких зениток). Командиром группы был [обергруппенфюрер СС и] генерал полиции [Эрих] фон дем Бах-Зелевски, командир «соединений СС по борьбе с бандформированиями». Однако он не соответствовал поставленной перед ним задаче и при этом объявил, что заболел.

Приказ о формировании боевой группы, учитывая состояние дивизии на тот момент, был абсолютно невыполним. Однако все возражения остались без внимания. 16 марта [командир дивизии СС «Викинг» группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС Отто Герберт] Гилле вылетел в котел и принял на себя командование Ковельской группировкой. Боевая группа командира 5-го артиллерийского полка Рихтера¹, составленная из солдат различных частей дивизии, должна была последовать за

¹ Штандартенфюрер СС Иохим Рихтер (28.7.1896 — 19.3.1970) в 1940 году служил в артиллерийском полку дивизии СС «Мертвая голова», а затем был переведен в «Викинг» командиром 5-го артиллерийского полка СС. В конце войны он командовал 32-й добровольческой гренадерской дивизией СС «30 января». — *Прим. науч. ред.*

ним из Холма по железной дороге. Однако прорваться ей не удалось.

Положение в полностью окруженном городе было критическим. Советские войска атаковали ежедневно. Наша оборона была слабой, солдаты — неопытными, без боеприпасов и противотанковых орудий. При этом особенно не хватало медикаментов и перевязочных материалов. Снабжение по воздуху стоило больших потерь. Поскольку Ковель находится на болотистой местности, там было крайне мало спасительных подвальных помещений.

Подкреплений не было. Час от часу положение ухудшалось. Лишь 30 марта группе из семи танков дивизии СС с 50 солдатами 131-й пехотной дивизии удалось прорваться с запада. Их радостно приветствовали — это было значительное подкрепление.

Между тем на внешнем радиусе котла Рихтер, после первой неудачной попытки, собрал остатки дивизии в Холме. Солдаты были вооружены кое-как, особенно не хватало тяжелого вооружения, средств связи, техники и полевых кухонь. Оставалось только переправить их по железной дороге. Несколько частей обеспечивали прикрытие железнодорожного моста через Буг восточнее Холма.

После того как прибыла 131-я пехотная дивизия, боевая группа Рихтера вошла в ее состав. Железная дорога, разрушенная во многих местах партизанами, была восстановлена. Исходным пунктом будущих атак был вокзал Масеева. Дорогу полностью развезло, кроме того, она была еще заминирована. Проехать по ней на автотранспорте было невозможно, застревали даже тягачи. Противник продвинулся дальше на запад, так что мы могли удерживать лишь проход от Буга на восток. Несмотря на постоянные неудачные атаки, противник день ото дня становился все сильнее. Прорыв все еще представлялся невозможным.

Наконец, ударная группировка была подкреплена 5-й, а позже — еще и 4-й танковыми дивизиями вермахта. Совместными усилиями 131-й пехотной, 4-й и 5-й танковых дивизий и группы Рихтера в конце концов удалось освободить дорогу на Ковель и на железнодорожном узле западнее Ковеля протянуть руку помощи отважным за-

щитникам. Сначала были вывезены все раненые — почти 2000 человек. [Командир XLVI танкового корпуса генерал пехоты Фридрих] Хоссбах принял на себя командование Ковельской группировкой. До конца месяца продолжались бои, имевшие целью увеличить узкий Ковельский коридор и наладить снабжение в полном объеме.

Гилле за мужество и успешную оборону Ковеля получил бриллианты к Рыцарскому кресту. Кроме него, в войсках СС эту высокую награду получил еще только Зепп Дитрих. Для «Викинга» Черкасы и Ковель стали великими страницами воинской славы. После них дивизия была отведена в Люблин, а позднее направлена в учебный лагерь Хейделлагер.

* * *

На северном фланге дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и «Рейх» сначала действовали в составе 4-й танковой армии в районе Житомира. Их поле боя до конца февраля находилось в районе советского прорыва по обеим сторонам Житомира, на левом фланге, между городом и Шепетовкой, потом — при дальнейшем наступлении в марте — у Проскурова и Винницы в верховьях Буга. Обе дивизии вошли в состав вновь сформированной 1-й танковой армии, которая позднее была окружена у Каменец-Подольского.

К сожалению, детальная информация об этих боях отсутствует. Части «Рейха», судя по всему, были еще раньше отозваны из района Шепетовки для переформирования перед вторжением на Западе. Однако основной состав этой дивизии и «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер» смог последовать через Бучач во Францию лишь после деблокирования котла.

В конце 1943 года штаб II танкового корпуса СС был переброшен из Северной Италии в Северную Францию (в Алансон). Ему были подчинены, хотя и не на постоянной основе, сформированные в январе 1943 года дивизии СС «Гогенштауфен» (командир [группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС Вильгельм] Биттрих) и «Фрундсберг» (командиры [бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Лотар] Дебес, [группенфюрер СС и генерал-лей-

тенант войск СС Карл Фишер] фон Тройенфельд, позднее — [бригадефюрер СС, генерал-майор войск СС Гейнц] Хармель). У всех была возможность ознакомиться с Атлантическим валом и подготовиться к отражению грядущей высадки противника. Детали этой операции будут описаны ниже.

В марте 1944 года корпус был на время отправлен в генерал-губернаторство, под Лемберг¹. Здесь обострилось положение группы армий [генерал-фельдмаршала Вальтера] Моделя². Русские уже вышли на юго-восточные границы генерал-губернаторства. Южнее, в Румынии, ситуация также была близкой к критической. Танковый корпус СС получил задание освободить [1-ю] танковую армию [генерала танковых войск Ганса Валентина] Хубе, окруженную в районе Каменец-Подольского, и заново организовать оборону с помощью подчиненных ему частей вермахта. Погода была неблагоприятной: слякоть ранней весны в непроходимой местности, с вскоре полностью раскисшими дорогами. Первая попытка совершить маневр через Галич на Днестре не удалась из-за того, что все мосты были разрушены. Поэтому было приказано продвинуться дальше на север, а именно: 100-я егерская дивизия — через Подгайцы на Бучач, а «Гогенштауфен», перешедший в подчинение [XLVIII] танкового корпуса [генерала танковых войск Германа] Балка, должен был деблокировать Тернополь. Последнее, к сожалению, не удалось, в то время как у Бучача, несмотря на всю сложность рельефа, удалось пробиться к танковой армии Хубе, так что Модель, Хубе и Хауссер в Бучаче смогли пожать друг другу руки. Видеть остатки армии, выходящие из окружения после боев во время русской зимы — крайне тяжелое зрелище для любого солдата. Чтобы обеспечить уход за ранеными и больными, от корпусных врача и интенданта потребовалась большая подготовительная работа.

В результате нескольких боев, в которых участвовали и остатки 16-й и 19-й армейских дивизий, вызволенные

¹ Немецкое название города Львов — *Прим. науч. ред.*

² Имеется в виду группа армий «Юг», которая с 5 апреля 1944 года именовалась группой армий «Северная Украина». — *Прим. науч. ред.*

из окружения, было остановлено дальнейшее продвижение Красной Армии, уничтожены ее части западнее Стрыпы и на этой реке организована новая линия обороны. После выполнения этого задания корпус вместе со своими обеими танковыми дивизиями и 8-й дивизией вермахта вошел в состав [4-й] танковой армии [генерал-полковника Эрхарда] Рауса (позднее — [генерал-полковника Йозефа] Гарпе). Корпус был назначен в резерв группы армий и размещен у Злоцлова, восточнее Лемберга. Была проведена предварительная подготовка к нанесению контрудара.

События на Западе помешали осуществлению планов командования: 6 июня началась высадка англо-американских войск на Западе. Корпус со своими двумя дивизиями СС начал перебрасываться во Францию лишь с 12 июня. Бои на Восточном фронте стали боевым крещением для этих двух дивизий, хорошей подготовкой для дальнейших операций.

С апреля по сентябрь 1944 года за Южным фронтом, в Венгрии, в качестве оккупационных войск находилась кавалерийская дивизия СС, а также — временно — 16-я [моторизованная] дивизия СС «Рейхсфюрер СС». Из венгерских немцев была сформирована 22-я [добровольческая] кавалерийская дивизия СС [«Мария Терезия». Центральный участок Восточного фронта, казалось, не находился в районе главного удара советских войск. Хотя здесь и возникало достаточное количество опасных ситуаций, особенно на уязвимых флангах у Ковеля и Невеля, все трудности были пока что преодолены. Бои за Ковель вела 2-я армия. Судя по всему, в группе армий [«Центр»] больше не были задействованы части войск СС. 1-я бригада СС была отведена с фронта на переформирование в 18-ю [добровольческую моторизованную] дивизию СС [«Хорст Вессель»].

Основные силы войск СС были сосредоточены на севере: штаб III танкового корпуса СС под командованием [обергруппенфюрера СС и генерала войск СС Феликса] Штейнера, VI корпус СС (обергруппенфюрера СС, генерала войск СС и полиции Карла фон Пфедфера-Вильденбруха), 4-я полицейская дивизия СС, «Нордланд», «Нидерланд», две латышские и эстонская дивизии СС.

В январе советские войска нанесли удар по позициям I группы армий «Север», осуществлявшей блокаду Ленинграда, из выступающего вперед участка фронта у Любани и с Ораниенбаумского плацдарма. Через пять дней кольцо блокады было прорвано. Немецкий фронт был отброшен назад. Второй удар был нанесен во фланг 18-й армии с Волховского плацдарма, севернее Новгорода. Весь фронт пришел в движение. [Генерал-фельдмаршал Вальтер] Модель заменил [генерал-фельдмаршала Георга] фон Кюхлера¹.

За Лугой сделали передышку. Следующий удар с Ораниенбаумского плацдарма достиг Ямбурга в низовьях Луги. В середине февраля армия оказалась под угрозой двустороннего окружения между Ильменем и Чудским озером. Необходимо было отступать дальше. В марте, после отражения удара восточнее озера Пейпус², удалось сформировать новую линию обороны — с севера на юг: Невель — Опочка — Великая — Чудское озеро — Нарва. Группе армий [«Север»] удалось избежать окружения, но Ленинград, после двухлетней блокады, был освобожден. Это неизбежно должно было сказаться на взаимоотношениях с Финляндией.

4-я полицейская дивизия СС с конца года воевала под Ленинградом в районе Ораниенбаума. В январе 1944 года ее, вместе с III танковым корпусом СС, отвели в район Луги, а затем в середине февраля перевели в Плескау³, а в марте перебросили в Грецию. III танковый корпус СС в декабре 1943 года был брошен в бой на Ораниенбаумском участке фронта. Численность корпуса достигала примерно 25 000 человек, из них 10 000 — фольксдойче и добровольцы из различных стран Европы. К корпусу были прикомандированы 12 000 военнослужащих люфтваффе и, позднее, 5000 морских пехотинцев. Все эти силы нужно было сначала «спаять» друг с другом. Позже они прекрасно показали себя в тяжелых боях 1944—1945 годов. Отступление и затяжные бои привели корпус в середине

¹ Замена главнокомандующего группой армий «Север» состоялась 9 января 1944 года. — *Прим. науч. ред.*

² Эстонское название Чудского озера. — *Прим. науч. ред.*

³ Немецкое название города Псков. — *Прим. науч. ред.*

января через плацдарм на Луге к Нарве. Здесь советские войска стали постоянно увеличивать интенсивность своих атак, которые вскоре переросли в крупномасштабную наступательную операцию.

15-я латышская дивизия войск СС еще до конца года использовалась на Волховском фронте, а позднее — в районе Луги и Плескау. С мая по июль она сражалась южнее, в районе Невеля — Опочки. 19-я латышская дивизия войск СС, сформированная на основе 2-й [добровольческой] бригады СС и находившаяся под командованием [оберфюрера СС Генриха] Шульдта, составляла теперь вместе с 15-й дивизией СС VI армейский корпус СС. Весной 1944 года 19-я дивизия СС в ходе кульминации сражения на Великой у Острова добилась решающего успеха в обороне. Командир дивизии Шульдт и первый латышский кавалер Рыцарского креста Вольдемар Вайсс погибли на передовой. После этого командование дивизии взял на себя [группенфюрер СС, генерал-лейтенант войск СС и полиции Бруно] Штреккенбах¹. После окончания боев корпус был задействован южнее, на более спокойном участке фронта у Опочки, для передышки.

Три дня из жизни батальона СС «Нарва»

Время пришло. Под покровом ночи наши эстонцы заняли свои позиции, последовали за другими частями дивизии, за теми, кто уже находится в бою. Теперь и они стали частью той живой цепи из человеческих тел, которую вот уже несколько дней атакуют советские войска. Это было то сражение, которого с волнением ждали молодые эстонские добровольцы и в котором батальон «Нарва» получил свое боевое крещение. Вокруг него полыхала битва, словно кипящее море огня.

Наступает ночь. Утром батальон моторизованной дивизии СС «Викинг» выступил для атаки и ударил по врагу.

¹ После гибели Шульдта (15 марта 1944 года) командование дивизией принял оберфюрер СС Фридрих Вильгельм Бок, а Штреккенбах был назначен командиром дивизии 13 апреля. — *Прим. науч. ред.*

В огне странного фейерверка битва продолжается до глубокой темноты.

Иван кружит, как огромная летучая мышь, над позициями, выеживая светящиеся бомбы на парашютах, словно огромные звезды в ночи, и сбрасывает свой бомбовый груз. Кажется, будто он лопатой скидывает их за борт — время от времени артиллерия заходится беспокоящим огнем, трещит пулемет. Эта ночь дышит напряженным ожиданием. На горизонте низко повисла желтая луна. Собирается гроза.

Постовой у командного пункта напевает маленькую эстонскую народную песню «Куи тоаксид са, куис мулле олед армес...» — «Знаешь ли ты, как сильно я тебя люблю?».

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

С первым робким проблеском света на востоке начинается дуэль батарей, клопочут гранатометы. Когда солнце встает со стороны Донца, на соседнем участке уже творится суицид ад.

Эстонцы ждут.

Около одиннадцати внезапно открывается артиллерийский огонь и в течение нескольких минут бьет по позициям батальона. Сквозь чад взрывов солдаты у противотанковой пушки и в пулеметных гнездах видят подкрадывающиеся танки — шесть, девять, десять...

Теперь главное — выдержать нервное напряжение и вспомнить все, чему учился.

Вот они подошли ближе. Тут и там один из танков останавливается и открывает огонь — и через несколько секунд он превращается в пылающую, разнесенную противотанковой пушкой развалину, раскаленный гроб своего экипажа. Вот уже четыре великана лежат перед проволочными заграждениями. Но шесть других прокатились по окопам гренадеров. Теперь должно стать ясным, что за дух живет в солдатах батальона, многие из которых сегодня впервые оказались под огнем. Устоит ли «Нарва»?

В окопах уже сидят наготове истребители танков. Словно охотники, подпускают они к себе хищника, впечатывают свои магнитные мины в уязвимые места. Острые языки пламени вздымаются к небу.

Один из танков прорвался дальше всех и уже грохочет

мимо командного пункта батальона. Командир сам подносит магнитный подрывной заряд, противотанковая пушка разделяется с чудовищем. Между тем советские батальоны несут большие потери у засеки от пулеметного огня.

«Нарва» стоит!

Бой прекращается на какой-то час — небольшой срок, чтобы спасти раненых и пополнить боеприпасы.

В 13.15 накатывает новая волна, с ней — снова восемь или десять Т-34. Двоих из них сразу сбивает противотанковая пушка, остальные прорываются. Вновь начинается охота на каждого, бой человека и танка. Молодые эстонцы больше не боятся этих гремящих стальных колоссов, прыгают под них, словно одержимые боем. Где еще один? Где что-то еще движется? Сюда подрывные заряды! За-ря-ды!

«Танковая атака продолжается, ситуация полностью под нашим контролем. Срочно нужны подрывные заряды», — сообщает «Нарва» в 14 часов в дивизию. Однако свежий советский ударный полк развернулся перед нашими позициями и прервал атаку.

«Нарва» стоит.

Тридцать минут спустя противник снова начинает наступать. Он бросает в бой двадцать танков и полк пехоты, огонь его многоствольных орудий превращается в целую бурю. В этот раз эстонцы должны быть раздавлены, опрокинуты, смяты. Вот уже несколько тяжелых противотанковых пушек вышли из строя, боеприпасы кончаются. Солдаты потеряли счет времени и живут лишь этой изнуряющей смертельной битвой, которая требует от них полной отдачи. Люди сражаются с машинами, фронт сотрясается. «Сильная танковая атака продолжается. Вышло из строя еще одно противотанковое орудие. Нехватка боеприпасов в 5 и 7,5 см, подвоз через Х невозможен из-за танкового обстрела. Уничтожено от десяти до четырнадцати танков», — сообщает «Нарва». Четырнадцать танков! Знаете ли вы, что это такое? Какое мужество, какая простая, чистая отвага скрывается за этими словами?

Т-34 снова прорываются до командного пункта батальона. Все приготовились к отражению атаки — командир, адъютант, врач. И вот уже на балках горят останки новых танков.

«Нарва» стоит.

Когда же кончится этот день?

Потом приходит ночь. Она приносит долгожданную прохладу, но не покой и не сон. Разведгруппы прощупывают врага, предотвращая внезапные удары. Теперь уже кажется, что молодой батальон всегда был частью дивизии.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Гневные радиogramмы подгоняют советские атакующие части, требуют успехов. «Мы хотим отрубить когти немецкой бестии, настал решающий час! Раздавите их гусеницами своих танков, впечатайте в землю, уничтожьте их!»

С этим наступлением на Южном фронте в Москве связывают большие надежды. В советском радиоэфире «Бетон» требует от «Чапки» методического артиллерийского огня по сосредоточению танковых и пехотных сил противника на другом берегу, ибо прорыв должен быть осуществлен любой ценой, так хочет великий Сталин.

От предмостного укрепления вырываются новые пехотные войска, подкрепленные танками, их разбивают. Основной удар атак сегодня приходится на левый фланг немецкой дуги. Батальон лишь время от времени подвергается артиллерийскому огню, пулеметные очереди заставляют солдат вжиматься в свои окопы.

Появляются разведывательные броневые автомобили, прощупывают фронт и уползают, как только в них начинают лететь противотанковые гранаты. Целый день над фронтом гудят штурмовики. Когда они показываются, уже никто не обращает на них особого внимания. Лишь когда сверху начинает сыпаться фосфор или слишком сильно надрываются бортовые пушки, зажмуриваешь глаза и коротко смотришь вверх. По чаще грохот битвы перекрывает шум самолетных моторов.

С наступлением ночи шум танковых моторов становится громче, и солдаты снова хватаются за свои гранаты. Но великаны разворачиваются. Целую ночь скользят светящиеся шары над берегами Дона у Изюма...

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Разведывательные группы зондируют нейтральную территорию и нащупывают врага. «Нарва» готова: они будут наступать завтра!

И они наступают. Словно железный град сыпется огонь реактивных установок на батальон днем третьего дня, усиленный огнем тяжелых батарей и ревом штурмовиков.

А вот и танки! Кто-то начинает их считать... 3—6—10—12 — им что, нет конца? Сколько еще появится? Господи — сколько можно?... 15—17—20 — и все больше и больше — 25—30—35 — и все еще не видно конца — без конца... 36-37-40...

Это целое наводнение, шторм, которые должны раздавить, смести, разорвать фронт, чтобы проложить путь пяти батальонам, готовым к атаке...

Советская сторона бросила на эту точку все свои силы, и командир «Нарвы» знает, что катастрофу может предотвратить лишь одно: сильный дух его солдат.

Начинают говорить броневой орудия, выбирая жертвы из накапывающейся массы. Танковое сражение бушует, словно природная стихия...

Когда солнце вошло в зенит, на высотах и балках лежат, догорая, двадцать четверок и десять Т-34. Но правый фланг разорван...

Пехота совершила прорыв и угрожает сильно потрепанному батальону с фланга. Две роты предпринимают контрудар.

Солдаты бросаются вперед, один за другим — они уже не похожи на людей из плоти и крови, на людей, которые боятся смерти.

И контрудар удастся — удастся после боя с пистолетами и ручными гранатами, после рукопашной.

Вот уже катят новые танки, расстреливают в упор пулеметные гнезда, подминают под себя окопы. Снова нужно ликвидировать прорыв линии фронта. Командир сам предпринимает контрудар, идет в атаку впереди своих солдат и в эту минуту исполнения высокого долга находит свою смерть...

От окопа к окопу, от группы к группе передается это известие: командир погиб. Одни говорят шепотом, другие

хрипло выкрикивают из пересохших глоток: «Командир погиб».

Чувство ли мести заставляет остатки рот подняться и пойти за адъютантом в решающую атаку? Не спрашивайте об этом! Солдаты посмотрели бы на вас непонимающе и ничего бы не ответили. Все, кажется, и так ясно.

Когда приходит ночь, прежняя позиция, несмотря на продолжающиеся сильные атаки, снова почти в их руках.

«Я могу лишь преклониться перед подвигами этих дней», — было написано в воззвании командующего армией, в котором говорится о боях недавно введенных в армию частей — среди них и «Нарвы».

P.S.

Сегодня кажется, что все это было бессмысленным — бессмысленным были и мужество, и презрение к смерти, и сама смерть, которая настигла многих на полях сражений. Но вера — это огонь, который не затушить никому, пока те, в ком он горит, сами не потеряют его, а свобода — это достояние, которое нужно защищать постоянно, как и тогда... Мы приветствуем вас, наши храбрые товарищи.

Западный фронт

Следующие события заставляют нас бросить взгляд на Запад.

Здесь Атлантический вал должен был предотвратить высадку противника. Он состоял из хорошо укрепленных бетонных сооружений, батарей, из опорных позиций и огневых точек и был гораздо лучше укреплен на самой линии Ла-Манша, нежели в районе западнее Орне. Здесь рассчитывали на естественные преграды крутых берегов. Там не было ни одного низкого места, кроме как у Шербура. Если бы с помощью флота и авиации были взяты передовые огневые точки, то высадившиеся войска уже ничто не смогло бы остановить.

Части СС не входили в состав гарнизона Атлантического вала. Сначала здесь в качестве резерва Верховного командования вермахта находились лишь штаб I танкового корпуса СС с дивизией «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» (в Бельгии), а в резерве группы армий «Б» — ди-

визия СС «Гитлерюгенд» (у Лизьё). По поводу применения оперативных резервов высказывались противоречивые точки зрения: главнокомандующий на Западе [генерал-фельдмаршал Герд фон] Рундштедт и командир танковой группы «Запад» [генерал танковых войск барон Лео] Гейр фон Швеппенбург хотели попридержать их, чтобы потом бросить в концентрированный удар туда, где это будет необходимо. Верховное же командование вермахта и генерал-фельдмаршал [Эрвин] Роммель считали, что переброска сил после вторжения при полном превосходстве в воздухе авиации противника будет невозможна. Поэтому резервы должны были находиться близко к передовой линии, чтобы их можно было использовать в любое время. Таким образом, они становились «тактическими». Эта последняя точка зрения в конце концов и победила. Описание самого вторжения выходит за рамки данного труда.

Наряду со штабом I танкового корпуса во Франции находились: вновь сформированная, недостаточно оснащенная, 17-я танковая дивизия СС «Гётц фон Берлихинген» — южнее Луары, и пополненная и перевооруженная 2-я танковая дивизия СС «Рейх» — в Южной Франции. В этот район 20 июня с Восточного фронта прибыл еще и II танковый корпус СС с танковыми дивизиями СС «Гогенштауфен» и «Фрундсберг». В боях во Франции решающую роль сыграли все эти дивизии СС: 1, 2, 9, 10, 12 и 17-я, которые подчинялись штабам I и II [танковых] корпусов СС. По количеству танковые дивизии СС превосходили танковые дивизии вермахта.

На берегу Ла-Манша справа располагалась 15-я армия [генерал-полковника Ганса] фон Зальмута — на позициях с глубоко эшелонированной обороной и с сильным резервом. Слева, в районе Кальвадоса, на полуострове Конантен и в Бретани дислоцировались части слабой 7-й армии [генерал-полковника Фридриха] Долльмана. За позициями 7-й армии — танковая группа «Запад» с пятью танковыми дивизиями. При этом на участке предполагаемой высадки находились лишь 21-я танковая дивизия вермахта и 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд».

Высадка союзников началась 6 июня в районе между Орном и полуостровом Конантен, а именно: на востоке

высаживалась 21-я британская группа армий [фельдмаршала Бернарда Лоу] Монтгомери (1-я канадская и 2-я британская армии), на западе — 12-я американская группа армий [генерала Омара] Брэдли (1-я и, позже, 3-я американские армии). Собранные союзниками десантные средства могли обеспечить высадку примерно 20 дивизий. Поддержку этой армаде оказывали 17 000 самолетов.

Бои проходили при полном материальном превосходстве Противника. Англо-американцы широко применяли дальнобойную морскую артиллерию (прежде всего — в районе Кана), авиацию, их танки и артиллерия превосходили немецкие. Вся эта мощь обрушилась на немецкую оборону, не имевшую ни поддержки с воздуха (к моменту высадки союзников во Франции было 90 истребителей и 70 бомбардировщиков), ни флота.

Господство союзников в воздухе заставило проводить все перемещения, особенно марш-броски моторизованных и танковых частей, в короткие ночные часы. Днем штурмовики охотились даже за отдельными автомобилями. Разведчики свободно зависали в воздухе над позициями нашей артиллерии. Все это привело к значительным потерям и многочасовым задержкам. Транспорт колонн снабжения застревал в дороге. Поезда могли следовать лишь ночью — днем их приходилось расформировывать и прятать в укрытия. Мосты постоянно разрушались. Между Парижем и Гавром любые перемещения стали невозможны. Последствием впервые примененных многочасовых «ковровых бомбардировок» была высадка союзников у Кана и их прорыв западнее Сен-Ло. При таких бомбардировках практически прекращались все военные действия. Горели танки и орудия, все сообщения были нарушены. И все же, несмотря на это, солдаты продолжали сражаться и удерживать врага. И он почувствовал обоюдоострое лезвие «коврового броска», который ударил и по его позициям. Защитники, уступающие в численности, могли лишь более-менее прикрыть фронт и отвести сильные тактические резервы.

Слабость фронта и недостаток оперативных резервов заставили бросить в бой и танковые дивизии. Постоянно предпринимались попытки отвести их и привести в боевую готовность. Это означало бы отступление и сокраще-

ние линии фронта. Но как раз это было неприемлемо для Верховного командования: «Никакой подвижной обороны!» Девиз «Удерживать позиции во что бы то ни стало!» был истиной в последней инстанции. Задача, трудно выполняемая для хотя и сильной, но ограниченной в боеприпасах и оснащенной трофейными орудиями артиллерии. Рассчитывали на подкрепление из Германии. Однако этому воспрепятствовали крупномасштабное наступление, начавшееся 20 июня 1944 года, и крах центрального участка Восточного фронта.

В начале апреля из Бельгии в район Дрё — Эврё из состава I танкового корпуса СС была переброшена 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд». Подготовку дивизии к боевым действиям мы здесь описывать не будем, а остановимся непосредственно на боевых операциях.

Войска союзников 6 июня захватили плацдарм примерно в 25 километров шириной и до 10 километров длиной. Перешедшая в контратаку 21-я танковая дивизия почти достигла побережья Ла-Манша, но затем была остановлена атакой парашютно-десантных войск союзников.

12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» под командованием [бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС Фрица де] Витта, которую Бейзил Лидделл-Гарт назвал «решающей составляющей», 6 июня в 4.30 утра была готова к броску. Согласно первому приказу штаба группы армий, она была включена в состав LXXXI корпуса [генерала танковых войск Адольфа Кунтцена] в Руане и отправлена в Лизьё. Некоторые ее части уже достигли этого района, когда дивизию передали в распоряжение LXXXIV [армейского] корпуса [генерала артиллерии Эриха] Маркса в Сен-Ло. Дивизии теперь предстояло принять участие в боях западнее Кана. Но туда она смогла прибыть лишь 7 июня.

Штаб I танкового корпуса СС был выделен для начала операции лишь 6 июня в 15 часов. 7 июня он принял на себя командование войсками, развернутыми в районе Кана. Продвижение дивизии «Гитлерюгенд» продолжалось согласно приказу; соседняя, правая, 21-я танковая дивизия осталась на занимаемых позициях. Удар противника по незащищенному правому флангу заставил «Гитлерюгенд» прервать движение по направлению к

побережью и отступить севернее Кана. Генерал [Дуайт] Эйзенхауэр, несмотря на это, оценил контратаки как успешные: «Они смогли прорваться почти до побережья, вбить клин между 3-й британской и 3-й канадской дивизиями и тем самым сначала предотвратить комбинированную атаку на Кан».

7 июня генерал Гейр [фон Швеппенбург] принял на себя командование I танковым корпусом СС. Однако 26 июня, когда наши войска собирались продолжить наступление, авиация союзников совершила налет на штаб и вывела его из строя. На самом деле, танковая группа Гейра должна была вместе с I и II [танковыми] корпусами СС и XLVII танковым корпусом нанести удар у Кана и выйти в глубокий тыл противника. Однако оказалось невозможным вывести предназначенные для этого части с линии фронта, и для проведения операции в распоряжении командования остался только II танковый корпус СС, которым командовал [группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС Вильгельм] Биттрих — после того как Хауссер был вынужден принять на себя командование 7-й армией, заменив скончавшегося генерал-полковника Долльмана¹.

Контрнаступление, запланированное штабом I танкового корпуса СС на 8 июня, для которого предполагалось выделить три дивизии, могло быть начато лишь силами двух дивизий. Сначала на левом фланге 12-й дивизии СС были достигнуты определенные успехи (Путо, Бреттвилль), остальным удалось удержать собственные позиции, на которые предпринял атаку противник. Обе стороны готовились к продолжению наступления. Вначале преимущество было у англичан и канадцев; с 12 по 14 июня XXX британский корпус наносил удар западнее Тилли в направлении Виллер-Бокажа, где разгорелись упорные бои. Прорвавшаяся 7-я британская танковая дивизия была отброшена ударом учебной танковой дивизии.

16 июня в бою пал замечательный командир 12-й [танковой] дивизии СС [«Гитлерюгенд» бригадфюрер СС и генерал-майор войск СС Фриц де] Витт, его преемником

¹ Фридрих Долльман скончался 28 или 29 июня 1944 года от инфаркта близ Ле-Манса в Нормандии. — *Прим. науч. ред.*

стал Курт Мейер (прозванный в войсках Панцер-Мейером¹). Оба внесли большой вклад в то, что дивизия «Гитлерюгенд» получила широкую известность!

До 18 июня наша линия фронта проходила примерно по линии Орне севернее Кана, потом заворачивалась назад через дорогу Кан — Байё, южнее Тилли, на Комон. Примерно 18 июня на Нормандский фронт прибыла дивизия СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер».

Следующей фазой стало начавшееся 25 июня наступление VIII британского корпуса западнее Кана через Одонбах на Эврё. Это привело к образованию к 28 июня клина с острием на высоте 112, южнее Одонбаха. Здесь и на флангах корпус был остановлен боевыми группами 21-й танковой дивизии, 12-й танковой дивизии СС, учебной танковой дивизии и частями, забранными у 2-й танковой дивизии СС «Рейх» (из 7-й армии). Положение было критическим. Это привело к ускоренной переброске 29 июня из Оная II танкового корпуса СС на западный фланг клина — по обе стороны большой дороги Виллерс—Бокаж. На правом фланге корпуса шла 10-я, на левом — 9-я танковые дивизии СС. Произошел встречный бой; передовые части смогли продвинуться до района Барон-на-Одонбахе — Шё. Самой крайней была линия высота 112 — Гаврус — район восточнее Отто. Атаки и контратаки продолжались до 1 июля, но они не привели к какому-либо решающему результату.

29 июня после обсуждения в Оберзальцберге ситуации на Западном фронте Рундштедт и Гейр лишились своих постов. Преемником первого стал генерал-фельдмаршал [Ганс Гюнтер] фон Клюге. 17 июля был тяжело ранен [главнокомандующий группой армий «Б» генерал-фельдмаршал Эрвин] Роммель. В связи с этим Клюге принял на себя командование и его группой армий.

¹ За приверженность к стремительным броскам Курт Мейер получил сначала прозвище «Schnelle Meyer» — «Стремительный Мейер», а несколько позже прижилось новое прозвище — «Panzermeier». В русском языке есть несколько вариантов перевода последнего прозвища: «Танковый Мейер», «Бронированный Мейер» или «Танк-Мейер» — и то и другое имеют право на существование. — *Прим. науч. ред.*

Описанные выше вражеские атаки имели целью, по словам Эйзенхауэра и Монтгомери, «связывание» немецких танковых частей в районе Кана, чтобы сделать возможным оперативный прорыв западнее этого района. Битва на Одоне помешала спланированному нами наступлению; она связала наши танковые дивизии; но и англичане не смогли прорваться. Линия фронта все еще проходила южнее Кана, и теперь нужно было атаковать фронтально. 4 июля, после перегруппировки, наступление продолжилось. Главный удар наносился против аэродрома Карпике, где насмерть стояла 12-я [танковая] дивизия СС. Поэтому командование союзников решило захватить Кан с помощью «ковровых бомбардировок». Вечером 7-го числа на наши позиции было сброшено 2560 тонн бомб. На следующее утро началось наступление трех дивизий I британского корпуса. Вечером, после тяжелейших боев, они достигли северной, абсолютно непроходимой окраины города. Часть города по ту сторону Орна осталась в руках немцев. Прорыв потерпел неудачу. Требовались дополнительные силы.

Прибыли подкрепления и на наш фронт: танковые дивизии были сменены на подошедшие пехотные и авиационные дивизии, 12-я танковая дивизия СС и «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» составили сильный второй эшелон. Слева, восточнее Орна, развернулась 9-я [танковая] дивизия СС [«Гогенштауфен»]. Прорыв союзников восточнее Орна мог сорвать с петель весь Нормандский фронт!

Атака началась 18 июля, ее главный удар приходился точно на район восточнее Орна. Снова битве предшествовали «ковровые бомбардировки». Но к 21 июля противник смог лишь создать плацдарм до линии Троарн — район западнее Вимона — южнее Буржебю — Мальто — Эврё; там он и остановился. Это сражение окончилось полным успехом немецкой обороны!

Параллельно с крупным наступлением американцев западнее Сен-Ло II канадский корпус 26 июля попытался атаковать район восточнее Орна, чтобы отвлечь стоявшие здесь танковые дивизии. Эти атаки провалились, а попытки противника связать немецкие силы — отчасти.

В связи с боями на этих участках фронта английские

источники (Вильмот «Сражение за Европу»¹) упоминают контратаки и жесткую оборону со стороны 12-й дивизии СС под командованием [Курта] Мейера с 9 по 11 августа на дороге Кан — Фалез при попытке прорыва II канадского корпуса, а также 15 августа севернее Фалеза. Эта неудача заставила врага перегруппироваться и переброшить основные силы на свой правый фланг у Комона.

Между тем с 25 по 27 июля американцам удалось продвинуться западнее Сен-Ло и прорваться к Авраншу. С 30 июля по 4 августа англичане атаковали левый фланг 5-й танковой армии восточнее Вира, то есть в стык 5-й и 7-й армий. В начале августа это наступление было задержано 21-й танковой дивизией, а также II корпусом СС с 9-й и 10-й дивизиями СС, которые были переброшены сюда из района восточнее Орна. Между Пенконом и Виром развернулись ожесточенные танковые бои. Контрудар из Мортена на Авранш будет описан ниже, когда речь пойдет о боях 7-й армии. Из состава 5-й танковой армии в нем принимали участие 1-я, а позже — также и 10-я дивизии СС.

Таким образом, из 5-й танковой армии здесь не были использованы лишь оба корпусных штаба, 9-я и 12-я дивизии СС, а также часть 1-й дивизии СС. 7 августа они остановили канадское наступление на Фалез на обоих берегах Орна: основная часть 12-й дивизии СС оборонялась в районе Тюри — Аркур. О подробностях боев в районе Фалез — Аржантан, о формировании танковой группы Эбербаха и отводе II танкового корпуса мы также расскажем в главе, посвященной описанию боев 7-й армии.

После сформирования танковой группы [генерала танковых войск Генриха] Эбербаха Зепп Дитрих принял на себя командование 5-й танковой армией, I [танковый] корпус СС до осени 1944 года находился под командованием [обергруппенфюрера СС и генерала войск СС Георга] Кепплера.

При прорыве из окружения 20 августа в бою были задействованы:

¹ Имеется в виду работа: *Wilmot Chester. The Struggle for Europe.* Collins Hardcover, 1952. — Прим. науч. ред.

— из состава 5-й танковой армии — 12-я [танковая] дивизия СС [«Гитлерюгенд»];

— из состава 7-й армии — 17-я [моторизованная] дивизия СС [«Гётц фон Берлихинген»];

— из состава танковой группы «Эбербах» — 1-я [танковая дивизия «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер»] и 10-я [танковая] дивизии СС [«Фрундсберг»];

— на внешнем радиусе для контрудара были сосредоточены — штаб II [танкового] корпуса СС, 2-я [танковая дивизия СС «Дас Рейх»] и 9-я [танковая] дивизия СС [«Гогенштауфен»].

15 июля Роммель доложил, что потери немецких войск в Нормандии, начиная с 6 июня, составили 97 000 человек, в том числе 28 генералов и 354 командиров отдельных частей, а также 225 танков.

Следует добавить, что Эйзенхауэр особенно отмечал высокую мораль личного состава дивизий СС; хотя это объяснялось и не, как он думает, «фанатизмом», а духом корпуса и верностью эсэсовцев долгу. В воспоминаниях Монтгомери также постоянно сквозит признание высоких заслуг частей СС. Он упоминает их чаще, чем других. В опубликованных на текущий момент немецких изданиях к ним присоединяется и доктор Шпейдель.

7-я армия состояла из западных частей, и первоначально в ее составе не было частей СС. Хотя на первом этапе направление главного удара союзников проходило восточнее, в районе Кана, постепенно оно переместилась на участок 7-й армии. В результате ей пришлось выдержать основной удар наступления 1-й и 3-й американских армий.

Первым соединением СС, прибывшим сюда, была сформированная в начале года 17-я моторизованная дивизия СС «Гётц фон Берлихинген». Ее оснащение (особенно техникой) было явно недостаточным. Душой дивизии был ее командир [группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС Вернер] Остендорф. В начале июня он был тяжело ранен, что очень ударило по дивизии. Его преемником стал [штандартенфюрер СС Отто] Баум. 6 июня последовал марш-бросок из района южнее Луары, первое приведение в боевую готовность — в районе Байё, для контратаки вражеского плацдарма глубиной

около 8 километров. Однако обстановка на полуострове Контантен заставила днем перебросить дивизию в Сен-Ло, при этом она понесла сильные потери из-за атак вражеской авиации. Теперь, с 13 по 16 июня, дивизия в составе II парашютного корпуса приняла участие в боях для отвоевания Карантана. Эта слишком поспешная, не поддержанная артиллерией атака потерпела неудачу. Однако дивизии удалось удержать свои позиции южнее Карантана.

2-я танковая дивизия СС «Рейх» под командованием [бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС Гейнца] Ламмердинга еще с Пасхи была сосредоточена в районе Бордо для пополнения и перевооружения. В качестве подкрепления она получила в основном жителей Эльзаса, то есть бывших граждан Франции, которые, однако, принадлежали к примерно двенадцати европейским национальностям. Прежде всего, дивизии не хватало техники. Дивизия была перебросена в район Тулузы — Монтобана, а после высадки союзников передислоцирована через Тюль и Лимож по территории Франции, насыщенной отрядами маки, на север.

Уже во время подготовки и обучения дивизии имели место случаи террористических актов и нападений на отдельных военнослужащих. Однако, благодаря мирному и корректному поведению большинства населения, сохранялся порядок и спокойствие. И лишь во время маршброска на север количество нападений увеличилось: обстрелы из засад, баррикады на улицах, блокирование движения поездов.

В остальном в Нормандии не было заметно деятельности маки. Нападения последовали лишь позже, в Бретани и при отступлении. Велся интенсивный шпионаж, наблюдение за штабами, следствием чего были диверсионные операции и точечные бомбардировки. Необходимо было принимать особые меры, чтобы скрыть от населения расположение штабов.

Начиная с 12 июня в Нормандию (в Вилльдье), к месту расположения армии, прибыли первые части дивизии. Остальные подтянулись значительно позже (вследствие нехватки транспорта). Критическая обстановка у Кана, на участке соседних частей справа, заставила штаб групп-

пы армий задействовать части дивизии на дороге Виллер — Кан у Нойера в составе I танкового корпуса СС. Эти части смогли снова войти в состав дивизии лишь спустя некоторое время.

На момент вступления Хауссера в должность командующего 7-й армией (29 июня 1944 года) границы зоны ответственности армии проходили рядом с зоной ответственности танковой группы «Запад» (позже 5-й танковой армии), западнее Комона. Передний край обороны проходил севернее Сен-Ло, на канале Вир, южнее Карантана, далее на полуострове Конантен, сильно выдаваясь южнее Сен-Совёра до канала. Шербур пал, тем самым высвободив значительную группировку союзников.

В этом районе 17-я [танковая] дивизия СС, подкрепленная отличным 6-м парашютным полком и полковой боевой группой из Бретани, объединенные под началом штаба LXXXIV корпуса [генерал-лейтенанта Дитриха] фон Хольтица, закрывала участок фронта в 37 километров западнее Вира на Вирском канале до района юго-западнее Карантана, где стояли американцы.

Атаки, замысленные, по большому счету, как отвлекающий маневр, начались в первых числах июля на северо-западном участке обороны корпуса. Вскоре, однако, они распространились и на участок фронта 17-й дивизии СС — до Вира. 7, 9, 11 и 13 июля здесь прошли ожесточенные бои, основные действия которых развернулись западнее Вира, в центре и у Карантана. Невозможным оказалось избежать глубоких прорывов, несмотря на то что в бой на правом фланге была брошена учебная танковая дивизия. Наша контратака здесь напоролась на сильные позиции врага.

Штаб корпуса не мог использовать 2-ю [танковую] дивизию СС как единое соединение. Ее боевые группы сначала сражались на северо-западном участке (Мобек, лес Мон-Кастр), потом вместе с учебной танковой дивизией, а основные силы — на шоссе Перьер — Карантан, на участке 17-й дивизии СС. Некоторые части дивизии все еще не прибыли с юга Франции.

В середине июля передний край обороны проходил севернее дороги Сен-Ло — Перье — Лессе. 18 июля на

правом фланге — на участке II парашютного корпуса — пал, наконец, Сен-Ло.

Последующие бои на фронте армии, особенно на участке 2-й и 17-й дивизий СС, привели к осознанию непосредственной близости мощного наступления с прорывом на юг. Этот решающий прорыв состоялся во время сражения западнее Вира с 25 по 27 июля. Взятие Авранша само по себе не было прорывом, этот успех был следствием боев с 25 по 27 июля. В этих боях были полностью задействованы 2-я и 17-я дивизия СС под командованием Баума. После того как американцы прорвались западнее Вира, уже 28 июля западная группировка 7-й армии была окружена. Выход из окружения состоялся 29-го за танковым клином 2-й и 17-й дивизий СС из района Кутанса по направлению к Перси, где было установлено сообщение с XLVII танковым корпусом [генерала танковых войск барона Ганса] фон Функа, переданным из 5-й танковой армии, после чего удалось удерживать этот участок. При выходе из окружения обе дивизии СС столкнулись с сильной группировкой противника. Для того чтобы закрыть территорию до побережья — примерно 20 километров, — оставшихся сил LXXXIV корпуса было недостаточно, поэтому 30 июля Авранш попал в руки американцев. Через эту брешь теперь 3-я американская армия генерала [Джорджа] Паттона смогла вклиниться со своими танками в Бретань и ударить в тыл 7-й армии в направлении Ле-Мана.

7-я армия с 8 запасными дивизиями и 4 полноценными (танковыми, моторизованными и парашютными), в том числе и со 2-й и 17-й дивизиями СС, 56 дней сражалась против всех американских сил, участвовавших в высадке (18 или 19 дивизий, из них 4 танковые), и это без поддержки со стороны люфтваффе. Особенно большие потери понесла при этом 17-я дивизия СС. Ее боеспособность резко понизилась.

Здесь не место рассуждать о том, не требовала ли оперативная обстановка дальнейшего отвода войск за Сену. До настоящего времени в боевых действиях были задействованы лишь 7-я полевая, 5-я танковая армии и внешний левый фланг 15-й армии. Основная часть последней,

самой сильной из них, до сих пор была не тронута. Только теперь ее части были переброшены к 7-й армии.

Фланг 7-й армии находился под сильной угрозой. Попытаться прикрыть его можно было лишь с помощью мобильных частей. Для этого танковые дивизии были выведены и сосредоточены на левом фланге. С учетом их использования был разработан план наступления на Авранш, целью которого был удар в тыл 3-й американской армии и перекрытие путей ее снабжения. Собственных сил для этого не хватало. В состав войск, которые предназначались командованием группы армий для проведения этой операции, были включены 1, 9, и 10-я танковые дивизии СС, но все они завязли в боях на участке 5-й танковой армии, так что в распоряжение 7-й армии прибыли лишь основные силы 1-й [танковой] дивизии СС [«Лейбштандарт СС Адольф Гитлер»].

Таким образом, в распоряжении командования находились четыре танковые дивизии, две армейские (2-я и 116-я) и две дивизии СС (1-я и 2-я), располагающие в общей сложности 120 танками. Исходной точкой был избран район восточнее Мортена. Это обусловило удерживанием 7-й армией как можно более западных позиций. Нельзя было терять времени, поскольку с каждым часом опасность для собственного фланга и тыла возрастала. Поэтому наступление началось в ночь на 7 августа. Вывод 1-й дивизии СС из боев на участке 5-й армии задерживался. Она прибыла с опозданием, так что в бой у Ювины ее бросили только днем. Еще одной причиной задержки прибытия дивизии было падение вражеского самолета на ее передовые танки во время движения по ущелью.

2-я дивизия СС должна была взять Мортен, и это ей удалось. Атака танковых дивизий в составе танкового корпуса фон Функа провалилась, несмотря на успехи местного значения (особенно на участке 2-й танковой дивизии вермахта), из-за массированных налетов штурмовой авиации союзников, использовавших в том числе и управляемые бомбы. Собственные истребители, на которые можно было рассчитывать, были уже перехвачены противником.

Штаб группы армий приказал продолжить наступление лишь после прибытия подкреплений, в связи с чем

дивизии перешли к обороне. Начались яростные контратаки противника. Положение на южном фланге, где стояла 2-я дивизия СС, было критическим. В качестве первого подкрепления 8 августа прибыла 10-я [танковая] дивизия СС из 5-й танковой армии. Она приняла на себя оборону левого фланга восточнее участка 2-й дивизии СС — обе находились под командованием штаба LVIII танкового корпуса [генерала танковых войск Вальтера] Крюгера. 10-я дивизия СС сразу же по прибытии была введена в бой.

Верховное командование, невзирая на то что фланг немецких войск был открытым, отдало приказ повторить атаку на Авранш после прибытия следующих подкреплений, сформировав группу под командованием генерала [танковых войск Генриха] Эбербаха. В это время в районе Ле-Мана уже появились танки Паттона. Становилось все яснее, что проведение второго наступления на Авранш невозможно. Вместо этого нужно было как можно скорее формировать с использованием войск Эбербаха новую линию обороны с танковыми дивизиями в районе севернее Алансона, бывшей базы снабжения армии. Сначала в район Карруж — Ренн были направлены две танковые дивизии. Лишь в этот день Верховное командование разрешило отменить наступление на Авранш, однако оно намеревалось позже вновь прибегнуть к нему.

2-я дивизия СС вскоре присоединилась к танковой группе «Эбербах». Только 10-я дивизия СС продолжала сражаться на левом фланге 7-й армии, которая, сдерживая противника, медленно отступала на восток. Предложение об отводе войск быстрыми марш-бросками было отклонено. Танковая группа Эбербаха также сражалась на южном направлении против превосходящего ее по численности противника. Снова потребовалось задействовать отведенную в сторону 10-ю дивизию СС, чтобы не потерять сообщения с Эбербахом до тех пор, пока между войсками не образовалась брешь.

Натиск на центральном участке стал слабее, но на флангах положение с каждым днем становилось все критичнее. На участке 5-й танковой армии произошел глубокий прорыв у Конда. Несмотря на это, там была выведена из боя 9-я дивизия СС. На участке группы Эбербаха натиск противника был особенно сильным у Аржантана

и западнее. Ход событий, приведший к образованию котла в районе Аржантан — Фалез, уже невозможно было изменить.

Армия отступила за Орн, 10-я дивизия СС была передана в состав группы Эбербаха. В эти дни генерал-фельдмаршал [Ганс Гюнтер] фон Клюге был заменен [генерал-фельдмаршалом Вальтером] Моделем. Восточнее Орна заканчивалась пересеченная, покрытая кустарником местность — бокаж. Ландшафт теперь был открытым, и сразу же ужасающе увеличились потери от вражеских бомбардировок.

Войска противника, наносившие удар в тыл 7-й армии, достигли на севере Трюна, на юге — Шамбуа. Вошедший в состав группы Эбербаха II танковый корпус СС со 2-й и 9-й дивизиями СС был командованием группы армий переброшен назад, в район Вимутье. Кольцо замкнулось. Внутри него оказались: части 5-й танковой армии (в том числе 12-я дивизия СС), 7-я армия и танковая группа Эбербаха. Все эти части находились в подчинении штаба 7-й армии.

Огонь вражеской артиллерии усиливался со всех сторон. Все передвижения были парализованы; множество техники, особенно радиостанций, вышло из строя, дороги заблокированы, автомобильный транспорт горел, боеприпасы взрывались. Приказы можно было передавать лишь устно. То, что штаб армии остался внутри котла, в конце концов себя оправдало. Штаб армии отдал приказ начать в ночь на 20 августа выход из окружения. Одновременно навстречу войскам, снаружи, должен был нанести удар II корпус СС. Направление удара: танковая группа Эбербаха с частями 1, 10, 12-й дивизий СС — через Шамбуа на Ле-Са.

Относительно большому количеству солдат удалось выйти из окружения, но войска понесли огромные потери в технике и вооружении. Командование 7-й армии не могло продолжать работу — командующий [Хауссер] и значительная часть сотрудников штаба были ранены. В этих условиях командование принял на себя генерал Эбербах.

Здесь нужно упомянуть, что 15 августа началась высадка войск союзников в Южной Франции.

Отступление к Западному валу

Столь необходимое решение об отводе войск на Сену так и не было принято. Теперь было уже слишком поздно. Чудом кажется то, что удалось преодолеть этот участок, совершенно лишенный мостов, под Руаном и у Эльбёфа, при полном превосходстве союзников в воздухе, в сложных климатических условиях (чередование приливов и отливов).

Следующие дни отступления были полны драматических событий. То и дело завязывались бои с целью отражения фланговых танковых ударов, переходившие в защиту населения, которое тоже участвовало в боях. Вот один пример. Штабные части одной дивизии под командованием 1-го офицера Генштаба были отрезаны от своих войск. Они шли три ночи, часто через расположение противника, кое-как замаскированные, пока, наконец, не присоединились к своим.

В конце августа противник стоял на Сене. Последовало дальнейшее отступление к Сомме, 15-я армия — севернее Амьена, 7-я армия — южнее. 5-я танковая армия прикрывала отход. В конце августа Верховное командование вермахта приказало отойти на линию Шельда — Антверпен — Хасселт — Маастрихт — западные предгорья Аргон. Два корпуса СС отошли за линию Сен-Кантен — Ла-Фер — Лаон, потом за Монс — Ирсон на Хасселт — Маастрихт. 25 августа был потерян Париж.

В начале сентября противник форсировал Сомму у Амьена. В то время как 3-я американская армия двигалась в направлении на Мец, 1-я армия и англичане перешли линию Седан — Дюнкерк в северо-восточном направлении. 4 сентября неожиданно был взят Антверпен, и 15-я армия оказалась отрезанной. Часть войск была переправлена на острова Валхерен и Беверланд, на которых в 1940 году сражалась 2-я дивизия СС. Части 5-й танковой и 7-й полевой армий 5 сентября достигли Мааса севернее Люттиха и западнее канала у Хасселта. Здесь снова начались оборонительные бои. В составе этих войск находилось еще около ста танков.

Снова нужно было удерживать Шельду и Западный вал. Наиболее боеспособные части II танкового корпуса

СС были сосредоточены в 10-й дивизии СС. Она заняла участок у Неймегена. 9-я дивизия СС была подведена сюда для пополнения, но некоторые части ее все еще были задействованы в боях.

В этих арьергардных боях участвовали отдельные танковые и моторизованные бригады СС (49-я и 51-я), сформированные из резервных соединений. Одна сражалась в составе 1-й армии, остальные были присоединены к дивизии СС «Гётц фон Берлихинген». По всей видимости, с конца 1944 года на Западном фронте был использован и штаб XII армейского корпуса СС, которым командовал [обергруппенфюрер СС и генерал войск СС Маттиас] Клейнхейстеркамп, а затем, временно, генерал [пехоты Гюнтер] Блюментрит. В «крепости Голландия» южнее Герцогенбуша упорно сражался полк «Ландшторм Нидерланд», из которого позже была сформирована одноименная 34-я [добровольческая гренадерская] дивизия СС.

На юге при отступлении 19-й армии из Южной Франции, у Бельфора, по всей видимости, была брошена в бой сформированная из белорусов 30-я [гренадерская] дивизия [войск СС]. Позднее она была использована для формирования 1-й дивизии [Русской освободительной] армии [генерал-лейтенанта Андрея] Власова.

Противник предпринял яростную попытку преодолеть заградительные линии на Маасе и Рейне, предприняв массированную воздушно-десантную операцию (почти 35 000 человек с 500 орудиями), и тем самым развернуть наступление на Западный вал с севера. 17 сентября их парашютисты и солдаты авиадесантных соединений высадились в районе Эйндховен — Неймеген и у Арнема.

Севернее этого района размещался штаб II корпуса СС с остатками 9-й и 10-й дивизий СС. В жесточайших боях этим частям II танкового корпуса СС при поддержке местных формирований, резерва группы армии и СС (объединенных под командованием [обергруппенфюрера СС и генерала войск СС Карла Марии] Демельхубера) удалось, выступив из Арнема, вырвать северный берег Рейна из рук противника и удержать Неймеген. Это был последний большой успех 1944 года!

Парашиюты над Арнемом

17 сентября 1944 года: солнечное воскресенье! Около 11.30 в районе Арнема началась высадка воздушного десанта. Около 12 часов по тревоге были подняты остатки дивизии «Гогенштауфен». Основной состав дивизии уже переправлен в рейх. В Голландии оставалось лишь 3500 человек. После полудня ударяет зенитная артиллерия, минув де-сантников, через мост Арнема до моста через Ваал у Неймегена и тем самым предотвращает соединение 82-й дивизии США с 1-й британской воздушно-десантной дивизией. Гарнизонные войска Арнема — примерно два пехотных батальона — продвигаются навстречу врагу, чтобы атаковать английские передовые части на северном въезде на мост и на западной окраине города.

В районе Остербеека до вечера высадилась одна бригада. У Арнемского моста силы противника составляют всего один — два батальона, хотя и лучших элитных войск. Штаб 9-й дивизии СС назначен руководить обороной. Для атаки на Остербеек задействованы все находящиеся в распоряжении части. К вечеру, продвигаясь на запад, они достигают линии по обе стороны вокзала Арнема. Мы успели вовремя взорвать железнодорожный мост через Нижний Рейн — южнее Остербеека. Автодорожный мост — восточнее — сохранился, но уже не в наших руках. Лишь зенитная артиллерия смогла около пяти часов вечера прорвать британскую оборону с помощью около пятидесяти бронетранспортеров. Обороной западнее Остербеека руководит командующий войсками Голландии. Там находятся гарнизонные войска из района Эде под командованием генерала фон Теттау.

18 сентября: Атакой с трех сторон продолжено давление на врага у моста. Здесь враг очень хорошо укрылся в домах и ведет упорную оборону. Сюда подтягиваются части 10-й дивизии СС, в то время как основной ее состав сражается южнее Нижнего Рейна, в самом Неймегене и севернее его. Сообщение с этими частями и их снабжение осуществляются лишь с помощью парома юго-восточнее Арнема. С северо-западной, в районе Остербеек-Вольфхеецельн, с трех сторон концентрически атакуется основная масса высадившихся сил противника: с запада — группой фон Теттау, с севера и востока — частями 9-й дивизии СС со сводными

частями других подразделений. Удастся заградить дорогу между автодорожным мостом и районом высадки противника в Остербееке. Погода не располагает к высадке десанта. Несмотря на это, около 18.00 грузовые планеры высаживают еще примерно полк с тяжелыми орудиями. Хотя уже установленная к этому времени зенитка значительно мешает высадке, войска с вооружением все-таки достигают своей цели.

Прибывает первое подкрепление из рейха: пехотный батальон, минометный дивизион, отделение СС и 171-й артиллерийский полк. Однако эти войска снаряжены лишь подсобными средствами, без тягловой силы, так что их приходится транспортировать на позиции по батареям с помощью грузовиков. Перед мостом тяжелая танковая артиллерия подходит на ближайшее расстояние к позициям врага и в упор обстреливает дома, где находится противник. Уличные бои тяжелы и приводят к сильным потерям для обеих сторон. Сообщение с группой фон Теттау очень слабое.

19 сентября: Из Рурского района прибывает зенитная бригада, пять зенитных отделений с орудиями всех калибров — от 2 см до 10,5 см, все моторизованы лишь подсобными средствами. Они занимают такие позиции, что могут при необходимости вступить и в наземный бой. Верховное командование вермахта освобождает для этого и 1-ю истребительную дивизию. Она располагает тремя эскадрами самых современных истребителей Me. 109 и Fw. 190— всего 300 истребителей. Ее средства связи позволяют радиосоединение со всеми находящимися в воздухе машинами. Из arsenалов рейха специальными самолетами были доставлены огнеметы для уличных боев.

В трофейных документах найдены толкования британских воздушных знаков. Они были использованы, благодаря чему было успешно провезено различное снаряжение. Была прервана поставка электричества и воды в городской район Остербеека.

Идет ожесточенная схватка за каждую пядь земли; но англичане упорно стоят на своих позициях, в которые уже вбито несколько наших передовых клиньев. Прежде чем смести врага с юга, нужно устранить предмостное укрепление. В сражении у моста обе стороны несут огромные потери. Приходится иттурмовать или взрывать каждый от-

дельный дом. На верхних этажах домов встроены размонтированные противотанковые орудия. Их трудно различить.

20 сентября: Из Германии прибывает 503-й тяжелый танковый батальон СС. Он был только что пополнен и состоит из 45 «Королевских тигров». В боях в городских условиях их можно применять лишь ограничено, однако они значительно разгружают пехоту. На автодорожном мосту ударные части поджигают все еще удерживаемые противником дома; несмотря на это, вражеское сопротивление продолжается, теперь уже в руинах. Подкрепление артиллерией или танками 10-й дивизии СС, сражающейся у Неймегена против 82-й дивизии США, все еще невозможно, поскольку недостаточно средств для переправы.

Подкрепления из Голландии, в большинстве своем авиационные части с недостаточным вооружением, с пожилым личным составом, без достаточной пехотной подготовки, не подходят для этого сражения. Основная тяжесть боев ложится на плечи находящихся в меньшинстве танковых войск и пехоты.

Вражеская авиация постоянно проводит атаки, потери есть и среди мирного населения. Поэтому, по приказу голландских властей, население эвакуируется из города в четвертый этап; остаются лишь полиция, пожарные части, подразделения противовоздушной обороны и санитарный персонал.

21 сентября: Бои, проходившие до этого, нужно оценивать как отдельные схватки боевых групп. Наконец, группа Теттау переходит под командование II танкового корпуса СС.

Монтгомери планировал, что его передовые танковые отряды наладят сообщение с 1-й британской воздушно-десантной дивизией в течение пяти дней.

Мы переходим в контратаку. Берем врага в «клещи» с трех сторон при сильной артиллерийской и танковой поддержке. На юге путь закрывает широкий Нижний Рейн. В кровопролитных лесных и уличных боях выбрасываем англичан с их позиций.

Около 16.30 вражеская авиация снова поддержала упорную оборону противника. К тому же сильные вражеские соединения подлетают к Арнему под прикрытием истреби-

телей. Но немецкая оборона готова к бою. Она препятствует этой новой поддержке врага. Огонь из 200 немецких зенитных и множества пехотных орудий еще в воздухе уничтожает высаживающихся парашютистов. Истребители и зенитки сбивают в районе Арнема 43 бомбардировщика противника. Практически все снабжение попадает в руки немцев. Без перерыва продолжаются атаки на вот уже пять дней сражающиеся парашютно-десантные войска. Каждый день к нам попадают их тяжелораненые. Наступает нехватка снабжения и боеприпасов. Ночью наша артиллерия непрерывно покрывает огнем врага, согнанного в район, размером примерно три на четыре километра. Сопротивление у моста слабеет.

22 сентября: Части дивизии «Фрундсберг», сражавшиеся на автодорожном мосту, освобождены для использования на участке у Неймегена. В Остербееке тремя ударными клиньями выступает дивизия «Гогенштауфен». Самая главная цель атаки — район посадки грузовых планеров, сотни которых приземлились у Вольфхеецельна. Все сильнее берем в тиски британцев. В общей сложности 1200 английских раненых находятся под немецким присмотром. Уже недолго осталось ждать момента, когда сопротивление, наконец, будет сломлено.

23 сентября: Генерал-фельдмаршал Модель планирует похожую операцию против предмостного укрепления Неймегена. Для этого из района Ахена подводятся 9-я и 116-я танковые дивизии для подкрепления «Фрундсберга». Левый фланг 15-й армии из района Хертогенбос тоже должен принять участие в операции. Монтгомери снова приказал приступить к продолжению боев: между 12 и 18 часами западнее Арнема и — особенно — южнее Нижнего Рейна у Дриля высаживается подкрепление. Десантирующиеся у Остербеека войска противника несут неслыханные потери благодаря замечательно налаженной противовоздушной обороне. Однако основная часть высаживается в трех — четырех километрах юго-западнее Арнема. Эти части должны наладить сообщение между находящимися у Неймегена перерывными танковыми отрядами и 1-й британской воздушно-десантной дивизией (польская парашютно-десантная бригада). Чтобы помешать этому, было продолжено на-

ступление севернее Рейна с направлением главного удара вдоль северного берега реки.

24 сентября: Монтгомери все еще не сдает свою элитную дивизию. Она зажата на очень маленьком участке. Ее снабжение прекращено. Наступает нехватка боеприпасов и воды.

У немцев произведена замена не очень боеспособных сводных подразделений на меньшие по численности части дивизии «Гогенштауфен».

25 сентября: Линия фронта остается практически прежней. Немецкая артиллерия может обстреливать лишь одно главное направление, чтобы не ставить под угрозу собственные войска. Огонь вражеской обороны открывается лишь время от времени. Западный и Восточный фронт немцев приблизились друг к другу на один километр.

26 сентября: В ночь с 25-го на 26-е приходит сообщение о шуме моторов на берегу Рейна. Причина его неясна: поступает ли к врагу подкрепление, снабжение или он отходит? Поэтому всю ночь ведем беспокоящий огонь по местам переправы. С рассветом на плоском берегу можно различить еще несколько сот англичан, которые не успели переправиться под покровом ночи. Отступление ночью прикрывалось несколькими контратаками противника, в большинстве своем — польскими парашютистами. Когда около 8 часов немецкие войска переходят в наступление, сопротивление быстро ослабевает. Вскоре остатки вражеских войск у Остербека сдаются. 4000 человек взято в плен, принято 2200 раненых. Что касается погибших, то противник называет цифру в 1800 человек. Все снаряжение и вооружение современной парашютно-десантной дивизии оказалось в руках немцев, в том числе более 1000 грузовых планеров и 150 джибов.

Остатки дивизии «Гогенштауфен» вскоре были направлены на пополнение в рейх. С немецкой стороны потери составили 1800 человек, в том числе 600 убитых.

По собственному опыту нужно добавить следующее: Высаженная у Арнема 1-я британская воздушно-десантная дивизия была элитным подразделением. Ее стойкость была выше всяких похвал, а в конце, особенно на автодорожном мосту, просто героической. Тем выше была цена немецкого успеха. Боевая группа, образовавшаяся лишь во время сражения, располагала немногим более 5000 опытных

солдат; остальные, примерно 8000 человек, входили в состав сводных частей из всех подразделений вермахта, с плохим вооружением, примитивной подготовкой, в основном пожилого возраста. Все выложились на сто процентов; решающую роль в сражении сыграли опытные воины дивизий «Гогенштауфен» и «Фрундсберг».

(По материалам оберфюрера СС Вальтера Харцера)

* * *

После битвы за Арнем и Неймеген и до ноября 1944 года дивизия «Фрундсберг» воевала в составе [1-й] парашютной армии [генерал-полковника Курта] Штудента. Затем, до 5 декабря, она использовалась в районе севернее Ахена у Гейленкирхена и на Руре, где приняла участие в отражении атак американских войск из района Ахена (начиная с 16 ноября). Затем находилась в Эйскирхене в составе резерва главнокомандующего на Западе, в это время она получила кое-какое пополнение и технику.

Южнее на Западном валу в районе Шнее — Эйфель до конца октября сражался I танковый корпус СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», в то время как дивизия «Гитлерюгенд» была отведена на пополнение и отдых.

Дивизия «Рейх» в арьергарде отступающих войск перешла границу рейха у Сен-Вита. Затем она вошла в состав I танкового корпуса СС и сражалась южнее Шнее — Эйфеля на Западном валу с присущей ей стойкостью. Примером героизма стала 10-я рота полка «Фюрер», которая дралась за каждый бункер до последнего солдата. Она была отмечена в приказе по вермахту.

Остатки дивизии «Гётц фон Берлихинген» были переброшены для переформирования в Мерциг (у Меца), а затем приняли участие в боях в Северных Вогезах в составе 1-й армии.

Все танковые дивизии СС на западе — кроме дивизии «Гётц фон Берлихинген» — были пополнены личным составом и техникой в ожидании новых боев. Позже они составили 6-ю танковую армию СС, командиром которой стал [оберстгруппенфюрер СС и генерал-полковник войск СС Зепп] Дитрих.

Однако пополнение было проведено кое-как, поскольку

ку уже невозможно было восполнить утраты опытных офицеров, унтер-офицеров и солдат. Материальная база также была недостаточной.

Наступление в Арденнах

То, что армии на Западе смогли вновь собраться с силами после поражения в Нормандии и отступления к Западному валу, было почти чудом. Обстановка, однако, продолжала обостряться: наступление союзников у Ахена достигло Рура. Теперь следовало ожидать его продолжения — каждый день могло начаться наступление в Сааре. Вместе с этим в декабре началось наступление на южном направлении на Хагенау — Вейсенбург, после того как пали Мец и Страсбург.

Ставка на оборону не решала исход схватки; лишь наступление могло повлиять на положительный поворот событий. Однако было еще не ясно, хватит ли на это материальных ресурсов.

Удар, спланированный, задуманный и осуществленный Верховным командованием вермахта (ОКВ), был направлен на слабый участок фронта, хотя и в неблагоприятных условиях местности.

Оперативной целью должны были быть Маас, Антверпен — то есть это был прорыв с далеко идущими намерениями. Главнокомандующий на Западе [генерал-фельдмаршал Герд фон Рундштедт] и командующий группой армий [«Б» генерал-фельдмаршал Вальтер] Модель предложили более ограниченную цель, однако их план был отклонен.

Главным условием плана ОКВ была полная неожиданность, то есть сверхсекретность операции и никакой подготовки войск. Это условие удалось выполнить. Важнейшие условия — достаточное количество топлива и поддержка с воздуха — были обещаны, но обещания эти не выполнены. Погодные условия располагали к наступлению.

Под командованием штаба группы армий «Б» — [генерал-фельдмаршал Вальтер] Модель — находились: справа — 6-я танковая армия СС (командующий — [оберст-группенфюрер СС и генерал-полковник войск СС] Зепп Дитрих, начальник штаба — [бригадефюрер СС и гене-

рал-майор войск СС Фриц] Крэмер) со штабами I и II [танковых] корпусов СС, 1, 2, 9, 12-й дивизиями СС, а также части 15-й армии; слева — 5-я танковая армия генерала [танковых войск барона Хассо] фон Мантейфеля и части 7-й армии.

Фланги атакующей группировки оказались под угрозой, особенно на севере, где были обнаружены сильные резервы врага в районе полигона Эльзенборн. Брешь для танкового удара должны были пробить пехотные дивизии после сильной артиллерийской подготовки. Это удалось осуществить лишь частично.

Танковые дивизии были подведены к месту сосредоточения лишь накануне ночью. Из 6-й танковой армии СС в операции в первую очередь был задействован I танковый корпус [группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС Германа] Присса с 1-й и 12-й танковыми дивизиями СС. II танковый корпус СС должен был следовать за ним во втором эшелоне.

Наступление началось 16 сентября.

Правое крыло — 12-я танковая дивизия СС [«Гитле-рюгенд»] — с открытым правым флангом и при сильном артиллерийском огне противника очень медленно в течение 8 дней продвигалась вперед по лесной местности из района Эльзенборна через Крикельт к Бютгенбаху.

У соседей слева, 1-й танковой дивизии СС [«Лейбштандарт СС Адольф Гитлер»], дела обстояли лучше. Здесь танковая группа Пейпера¹ взяла 17 декабря Бюл-

¹ Оберштурмбаннфюрер СС Иоахим Пейпер «Йохен» (30.1.1915 — 13.7.1976) в составе «Лейбштандарта» участвовал в Польской и Балканской кампаниях, а также в боях на советско-германском фронте. В сентябре 1942 года он командовал 3-м (бронированным) батальоном 2-го моторизованного полка СС. За отличия в 3-м Харьковском сражении он был награжден Рыцарским крестом (17.3.1943) и Золотым Германским крестом (6.5.1943). С 1 декабря 1943 года Пейпер командовал 1-м танковым полком «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» и 21 января 1944 года получил дубовые листья к Рыцарскому кресту. Наступление в Арденнах принесло ему Рыцарский крест с дубовыми листьями и мечами (28.12.1944). После войны штандартенфюрер СС Пейпер приговорен американским военным трибуналом к смертной казни, но затем приговор был отменен. В 1956 году освобожден. Погиб при загадочных обстоятельствах. — *Прим. науч. ред.*

линген, 18-го — Ставло, который потом удерживала, отражая сильные контратаки противника.

Следующий удар был направлен на Ла-Глейц и Стумон. Неудобные горные дороги, проходившие часто поперек направления движения, возможно, к тому же и недостаточная дисциплина марш-броска привели к тому, что дороги оказались забитыми. В связи с этим основная часть корпуса достигла Ставло лишь 19 декабря. Эта задержка позволила противнику принять контрмеры и провести сильные атаки с севера. Ставло был потерян, а Пейпер, таким образом, отрезан от остальных войск. Атаки союзников растянулись дальше в западном и южном направлениях. Тщетно пытались части «Лейбштандарта» освободить Пейпера ударами с юга. С каждым часом оборонительные бои окруженной группы усиливались. Лишенный топлива и боеприпасов, Пейпер решил в ночь на 24 декабря взорвать свои танки и вырваться пешим ходом. Это удалось сделать; он был встречен у Ванна.

Неудача на севере и сильное сопротивление противника заставили перенести направление главного удара на юг. Поэтому II танковый корпус СС был переброшен южнее через район Сен-Вит — Бовинья. С боями — справа 9-я дивизия СС, слева 2-я дивизия СС — он достиг Грандменила, севернее Ла-Роша, то есть довольно далеко на северо-запад от Бастони. Временно в состав корпуса входила и 12-я [танковая] дивизия СС.

Его южный сосед, 5-я танковая армия, тем временем в лучших дорожных условиях была переброшена дальше, окружила ожесточенно оборонявшуюся Бастонь. 19 декабря ее части достигли района Отонн — Ла-Рош, передовые части приближались к Маасу.

Между тем контрмеры Эйзенхауэра на южном направлении уже ощущались и здесь. Сильная группировка освободила мужественно сопротивлявшуюся Бастонь. Следующие атаки проведены на западном направлении.

Нанесение главного удара было тем временем передано 5-й танковой армии, I танковый корпус СС был полностью выведен с северного участка фронта и перешел в подчинении штаба 5-й танковой армии. Это привело к тяжелым боям, особенно восточнее Бастони. 6-я танковая армия СС вынуждена была удерживать северный участок фронта до самого Урта с помощью слабых народно-гре-

надерских дивизий. Облегчение принесла 1 января первая и последняя поддержка люфтваффе. За несколько дней до этого погода резко переменилась, и превосходство авиации союзников в воздухе стало ощутимым.

К Рождеству стало ясно, что наступление провалилось. Крупные силы союзников сдавливали фланги наступающих войск. 16 января их ударные клинья соединились у Уффализе. Немецкие войска вынуждены были начать отход. После некоторого колебания они отошли в северо-восточном направлении. Окружения удалось избежать.

Из-за подобного развития событий не была проведена запланированная операция частей специального назначения под командованием [оберштурмбаннфюрера СС Отто] Скорцени¹. Его передовые отряды, находившиеся далеко за линией вражеского фронта, однако, сообщали надежные сведения о передвижении частей противника и успешно провели диверсионные операции. Некоторые мосты через Маас были временно заняты ими. С 21 декабря боевая группа Скорцени действовала совместно с «Лейбштандартом СС Адольф Гитлер» на северном участке фронта в районе Мальмеди.

С оперативной точки зрения наступление не удалось. Однако оно привело к значительному замешательству противника: были проведены эвакуационные мероприятия и отданы приказы к организации обороны за Маасом. Планы наступления союзников были перечеркнуты и перенесены на недели вперед. Это ясно видно из отчетов Эйзенхауэра и Монтгомери. Последний оценил немецкую попытку как не безнадежную. Прорыв к Маасу был, по его словам, предотвращен в последний момент.

В заключение стоит, возможно, привести несколько замечаний по поводу критики действий 6-й танковой армии СС в литературе (конкретно в книге генерала Зиг-

¹ Отто Скорцени (12.6.1908 — 5.7.1975), которого называли «диверсантом № 1», прославился тем, что 13 сентября 1943 года во главе отряда парашютистов СС освободил арестованного Бенито Муссолини. Во время наступления в Арденнах он был назначен командиром диверсионных отрядов (около 2000 человек), которые должны были в форме американских войск совершать диверсии в тылу соединений противника — операция «Гриф» — *Прим. науч. ред.*

фрида Вестфала). Оперативные предпосылки нас здесь мало интересуют. Зепп Дитрих также высказывал большие сомнения по этому поводу.

То, что правый фланг армии продвигался вперед не так быстро, как планировалось, объяснялось, во-первых, неудачами атаковавших первыми передовых пехотных дивизий, сильными резервами противника на полигоне Эльзенборн и особенно неудобным ландшафтом. Поскольку сверхсекретность операции исключала любую подготовку войск, нельзя было избежать многочисленных трудностей и неожиданностей. Горные дороги, идущие в неудачных для марш-броска направлениях, затрудняли продвижение вперед. Возможно было одновременное движение одной колонны. Дело дошло до заторов. Были ли они следствием «снаряжения и численности дивизий СС, превышавших обычные дивизии в два раза»? Штаты всех танковых дивизий были одинаковыми. Планировавшееся доукомплектование дивизий также не было достигнуто (например, в 12-й дивизия СС в одном танковом соединении было лишь 30 солдат на 2,5-тонном грузовике). Крайне ограниченное число транспортных средств было обусловлено уже одной нехваткой топлива. Я не знаю, были ли эти ограничения осуществлены при подготовке с соответствующей строгостью — несмотря на часто встречающийся эгоизм воинских частей. На мастерстве командиров я не хочу останавливаться. Войска исполняли свой долг, хотя уровень всех подразделений к концу 1944 года уже значительно упал. Прискорбно, что данный критик, упоминая события в районе Мальмеди, не сумел сохранить необходимую объективность и сдержанность.

Лидделл-Гард в своей книге «The other side out the Hill» говорит о тех огромных трудностях, которые должны были встать на пути у войск при отсутствии подготовки вследствие секретности операции. Возможно, здесь уместно вспомнить ту тщательную подготовку перед тем, как танковые войска продвигались по той же самой труднопроходимой местности в 1940 году.

Развитие событий помешало запланированному участию одного из корпусов СС (XII армейского) под командованием генерала [пехоты Гюнтера] Блюментрита в составе 15-й армии в продвижении на Маастрихт.

Италия

Здесь нужно упомянуть об участии в боях 16-й моторизованной дивизии «Рейхсфюрер СС». Ее части были использованы уже в 1943 году на Корсике. После переформирования дивизии в районе Лайбаха [бригадфюрером СС и генерал-майором войск СС Максом] Симоном в начале 1944 года ее подготовка была завершена в Венгрии в районе Дебрецина. В июле она была переброшена в Центральную Италию, где участвовала в обороне на западном участке фронта 14-й армии, южнее Арно. Отступление, обусловленное общей обстановкой, привело дивизию в район Пизы, а потом в центральную часть Апеннин.

В ноябре дивизия под командованием [оберфюрера СС Отто] Баума воевала в горах южнее Болоньи в составе I парашютного корпуса. Боевые действия против английских и индийских войск были не слишком активными. После атак союзников на Виа-Эмилия и успехов на этом участке дивизия была выведена из боя в резерв корпуса. В это время она еще несколько раз приняла участие в оборонительных боях и контратаках на реке Сенио. В середине января 1945 года дивизия была переброшена из Феррары в Венгрию.

Особую главу истории дивизии составили бои с партизанами осенью 1944 года, прежде всего в Апеннингах. Эта борьба частей дивизии против восставшего, жестокого населения в труднопроходимой, крайне удобной для организации обороны местности поставила перед войсками сложные задачи. Партизан было несколько тысяч, они были хорошо организованы и вооружены. У партизанской войны свое лицо, в ней нет места рыцарству. Чувство мести и откровенная клевета привели после войны к целому ряду судебных процессов над эсэсовцами.

В 1943 году в Северной Италии из рейхсдойче и фольксдойче был сформирован батальон, ставший в будущем основой для 24-й (карстегерской) дивизии войск СС, приспособленной для боев в высокогорной местности. Он был использован осенью 1943 года при зачистке подобной территории от партизан у Тарвиса, в верховьях долины Изонцо и в восточной части Юлийских Альп. Эти бои тоже были жестокими и страшными. В конце 1944 года

на основе батальона начато формирование дивизии, но оно так никогда не было завершено. Смесь из более-менее добровольно поступивших на службу немцев, итальянцев, словенцев, хорватов, сербов, украинцев не составила боеспособную группу. Хотя в марте — апреле 1945 года в лесистой местности у Терновы им все же удалось остановить партизан Тито.

Восточный фронт. Вторая половина 1944 года

Линия фронта в конце июня проходила от низовий Днестра, заворачивая назад через Прут — Черновцы — Луцк, далее по западной части Припятских болот, выдаваясь через Бобруйск — Оршу — Витебск — Холм к озеру Пейпус на Нарву. Здесь ожидалось продолжение советского наступления. Его цели были неясны. Перед высадкой союзников на Западе на южном участке фронта у [Вальтера] Моделя было много резервов. После переброски II танкового корпуса СС во Францию сюда были переброшены резервы с центрального участка. Ожидалось, что именно сюда будет направлен главный удар Красной Армии. Однако советское наступление 22 июня 1944 года началось на центральном участке, между Припятскими болотами и Двиной.

Оборона находившейся там группы армий [«Центр»] была сломлена — это нужно именно назвать так — неожиданно быстро и полностью. Воля к сопротивлению была подорвана, резервов не хватало. Отдельные причины можно здесь опустить. На этом участке крупные соединения войск СС не использовались. За семь недель, до 1 августа, фронт был отодвинут на запад с линии западнее Мозыря — Орша — Витебск до линии Житомир — восточнее Варшавы — Мариямполе — западнее Ковно.

В качестве контрмеры Модель был вынужден взять на себя командование группой армий «Центр». Напрашивалась мысль о том, чтобы отступить на севере и тем самым создать необходимые резервы в центре. Однако это не было осуществлено, а на центральный участок были переброшены резервы с юга. Но советское наступление

продолжилось именно на этом участке месяц спустя, в середине июля. Фронт был прорван в трех местах. 21 июля советские войска подошли к Лембергу, излучине Сана у Ярослав, Холма и Люблина, а далее к северу — даже к Висле и Брест-Литовску.

Немецкая оборона в Румынии была прорвана в конце августа «клещами» между Нижним Днестром и между Прутом и Сиретом. К концу октября русские вышли к венгерской границе восточнее Тисы. После государственного переворота 23 августа 1944 года, в результате которого был свергнут маршал Антонеску¹, Румыния перешла на сторону врага.

Затем последовал прорыв в Венгрию с направлением главного удара между Тисой и Гроссвардейном, который отодвинул фронт на линию Мохач — Дунай — верховья Тисы, а к концу ноября на линию Будапешт — Кашау. Даже переход власти в стране к Салаши² не смог исправить кризисную ситуацию.

На центральном участке Восточного фронта, на Сане, Висле и на границе Восточной Пруссии в тяжелых условиях выстраивалась новая линия обороны. Но в то же время все еще удерживалась линия от Либау через Ригу до озера Пейпус. Лишь в сентябре немецкие войска с боями отошли из Эстонии в Курляндию, а в следующем месяце были там отрезаны от основной группировки на Востоке. Также в октябре было проведено отступление с Балкан и из Северной Финляндии.

На это же время пришлось покушение на Гитлера

¹ Маршал Йон Антонеску (2.6.1882 — 1.6.1946) 5 сентября 1940 года был назначен главой правительства Румынии, а на следующий день совершил государственный переворот, сосредоточив в своих руках всю полноту власти. Установил в стране режим личной власти, основой которой была армия (полностью поддерживавшая Антонеску). 23 августа 1944 года арестован монархистами. После войны приговорен к смертной казни и расстрелян. — *Прим. науч. ред.*

² Ференц Салаши (настоящая фамилия Салосьян) (6.1.1897 — 12.3.1946) был лидером профашистской нилашистской партии «Скрещенные стрелы». 16 октября 1944 года нилашисты, при поддержке немцев, совершили государственный переворот, захватив власть в Венгрии. В марте 1945 года бежал из Венгрии. После войны приговорен к смертной казни и казнен. — *Прим. науч. ред.*

20 июля 1944 года. На следующий день [генерал-полковник Гейнц] Гудериан, бывший до этого генерал-инспектором танковых войск, принял на себя обязанности начальника Генерального штаба [сухопутных войск].

В Венгрии, в Трансильвании, в сентябре—октябре сражалась 8-я кавалерийская дивизия СС [«Флориан Гейер»], входившая в состав V горнострелкового корпуса СС [обергруппенфюрера СС и генерала войск СС Артура] Флепса (группа армий «Юг», до этого — «Южная Украина» [генерал-полковника Йоханнеса] Фриснера; 8-я армия). Оборона, контратаки и отступление сменяли друг друга (в районе Нивегиау и Дебрецен). Позже Флепс погиб во время проведения разведки.

В ноябре дивизия была отведена назад в Будапешт. Вместе с 22-й (венгерской) кавалерийской дивизией СС и еще другими соединениями войск СС в составе IX горнострелкового корпуса СС [обергруппенфюрера СС, генерала войск СС и полиции Карла фон] Пфедфера-Вильденбруха, а также 13-й танковой дивизией вермахта и дивизией «Фельдхеррхалле» она приняла участие в обороне столицы Венгрии. Кольцо обороны было замкнуто 24 декабря, в середине января 1945 года оно было сжато до небольшого размера. 20 января Венгрия капитулировала, а только 12 февраля пала крепость на Дунае. Об этих боях мало известно, поскольку обе дивизии были полностью уничтожены во время контратак и попыток прорваться из окружения в феврале 1945 года. Оба дивизионных командира, [бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Иоахим] Румор и [бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Август] Цеендер, погибли во время выхода из окружения. Лишь немногим солдатам удалось достигнуть своих, остальные оказались в советском плену.

В этой практически безнадежной, небывало изматывающей 52-дневной битве в окружении войска сражались мужественно, можно сказать, героически. Это касается и задействованной там «Команды Рентгена».

День ото дня защитников все сильнее сдавливали на небольшом участке фронта; они отчаянно сражались в руинах, на улицах, в домах, особенно тяжело было в разветвленных подземных коммуникациях. Вооружение и снаряжение кавалерийских частей, естественно, не под-

ходили для таких боев; продовольствия, а в конце и воды, не хватало. Снабжение по воздуху было недостаточным. Моральное напряжение каждого в отдельности невозможно себе представить; как и в Сталинграде, а потом — в Берлине, каждый чувствовал свое бессилие, особенно когда проваливались попытки вырваться из окружения.

Между тем в Венгрию были переброшены дополнительные части, а именно 4-я полицейская дивизия СС, которой с начала декабря командовал [штандартенфюрер СС Вальтер] Харцер. Летом 1944 года она была переброшена в Грецию, на переформирование в моторизованную дивизию, а потом временно использована в боях у Скопье (южнее Белграда) и в Банате, а затем переброшена для обороны Венгрии. Незадолго до этого, в Бачке, из 1-й бригады СС была сформирована 18-я [добровольческая] моторизованная дивизия «Хорст Вессель» (командир — [оберфюрер СС Август Вильгельм] Трабандт) — соединение, по своему вооружению и подготовке еще недостаточно готовое к боевым действиям. Ее первый бой состоялся уже в июле 1944 года на Стрыпе у Бучача. Он привел к отступлению за Карпаты к Мункаче. Потом формирование дивизии было закончено в районе Гроссвардейна. В сентябре в нашем тылу, в Словакии вспыхнуло восстание. Дивизия была переброшена туда и боролась с повстанцами, взяла Нову-Соль и Стару-Соль.

В начале ноября началось советское наступление на Тисе у Сольнока. Направление главного удара пришлось между Тисой и Гроссвардейном. Кроме того, в конце ноября русские пересекли Дунай севернее устья Дравы и продвинулись уже к озеру Балатон. При этом, по некоторым данным, была уничтожена 31-я (венгерская) дивизия СС. Таким образом, линия обороны Дуная была прорвана на юге. На Рождество линия фронта проходила от озера Балатон через Штутьвайсенбург до района западнее Комарно.

Затем эти дивизии участвовали в боях на полпути от Тисы до Дуная, несколько восточнее Будапешта. Вскоре линия фронта была отодвинута на Дунай и горы Матра — восточнее излучины Дуная. Это привело к окружению Будапешта с юга и востока. Основной удар при этом пришелся на 18-ю дивизию СС. Она была спешно брошена в

бой, хотя еще не была приведена в боевую готовность, когда фронт был прорван на юге. Дивизия понесла большие потери в арьергардных боях при отступлении через Гатван — Ссечены, и ее пришлось вывести на отдых.

В начале декабря линия фронта проходила от Дуная дугой до границы тогдашней Словакии, потом вдаваясь в восточную часть Матр: 18-я дивизия СС — справа, 4-я полицейская дивизия СС — слева в выдающемся из общей линии участке в горах; обе дивизии входили в состав IV танкового корпуса вермахта. Местность была во всех отношениях неудобна для моторизованных соединений. У полицейской дивизии тоже были ограниченные боевые возможности. Но все это удалось компенсировать, несмотря на дальнейшие атаки русских. Отступление было продолжено в сторону словацкой границы, на Лоссонг. При этом было уничтожено большое советское кавалерийское соединение, которое совершило прорыв фронта слева.

Бои с Рождества до середины января 1945 года приводили к постоянному возникновению на фронте критических ситуаций, для ликвидации которых часто использовались части войск СС, особенно на левом фланге немецких войск.

Полицейская дивизия снова находилась в боевой готовности, несмотря на прошедшие тяжелые бои. В конце января она была переброшена в Померанию, в то время как 18-я дивизия СС отступила в северо-западном направлении, на Моравско-Оставу.

14-я добровольческая гренадерская дивизия войск СС восточнее Лемберга

(по материалам д-ра Стефана Горака)

Нехватка места не позволяет нам подробнее остановиться на исторической подоплеке освободительного движения на Украине или на политике Адольфа Гитлера и оккупационных органов по отношению к украинскому народу. Некоторые сведения можно найти в этой книге в главе «Освободительное движение в Европе».

Украинские добровольцы не были сторонниками Гитлера; они хотели бороться с большевизмом за свою свободу.

Лишь поздним летом 1943 года дело дошло до формирования в рамках войск СС галицийской дивизии. Из большого количества желающих было отобрано лишь 18 000 новобранцев. Командиры были частично из немцев, частично из украинцев; единообразная подготовка их, естественно, представляла собой трудную задачу, так как до этого они обучались в немецких, австро-венгерских и польских военных училищах.

Первый бой дивизии состоялся в июле 1944 года в составе группы армий «Северная Украина». После начавшегося 13 июля советского наступления на наши оборонительные позиции примерно по линии Бучач — Тернополь дивизия была в срочном порядке отправлена в места боевых действий, подчинена штабу XIII корпуса 4-й танковой армии и брошена в бой западнее Брода. Но уже вырисовывавшийся роковой ход событий невозможно было остановить. Врагу удалось прорваться южнее и севернее позиций корпуса; его окружили и замкнули в котел, поскольку Верховное командование запретило отступление. Дивизия была по частям отведена с фронта и брошена против прорвавшихся с юга сил противника. Севернее Злоцова ей удалось выстроить новую линию фронта и удерживать правый фланг котла. Советские войска из всех сил пытались уничтожить украинцев. Десять дней они в тяжелых условиях удерживали свои позиции. Когда, наконец, пришел приказ, разрешавший прорыв из окружения, положение дивизии приближалось к катастрофическому. Создается впечатление, что ошибки командования при этом сыграли не последнюю роль. Отдельным группам удалось вырваться, хотя и с очень большими потерями. Прорвавшиеся остатки войск сосредоточились в Украинских Карпатах.

Солдаты дивизии сражались великолепно. Они знали, что их ждет в случае попадания в плен. Потери дивизии были необычайно большими.

Осенью 1944 года остатки дивизии были пополнены в учебном лагере в Нойхаммере, и в октябре дивизия была брошена против словацких партизан. Затем в начале

1945 года последовали бои в Югославии с соединениями Тито. В апреле 1945 года все украинские части были сведены в 1-ю украинскую дивизию под командованием генерала [Павло] Шандрука и брошены в бой у Фельдбаха. Свои бои 14-я дивизия войск СС закончила уже после капитуляции Германии. Большая ее часть сдалась англичанам в Северной Италии, часть — американцам у Раштадта.

Переброска дивизий «Викинг» и «Мертвая голова» в середине июля 1944 года севернее Припятских болот привела к изменениям линии фронта. Непрерывно наступавший противник достиг района Брест-Литовска и Гродно. Навстречу ему и были брошены обе дивизии. «Викинг» закончил свое переформирование в районе Сокала — Холм. Севернее Брест-Литовска дивизия попыталась остановить противника, а затем с тяжелыми арьергардными боями вынуждена была отступать до Венгро, на полпути к Варшаве.

Дивизия «Мертвая голова» была направлена в район Гродно — Белосток, чтобы оттянуть на себя противника. После удара на север в конце июля она была перебросшена в южном направлении на Седльце. Здесь противник угрожал прорвать выдающийся на восток участок немецкого фронта.

Дивизиям «Викинг» и «Мертвая голова», совместно с прибывшими из Варшавы силами, концентрическими атаками удалось уничтожить северный фланг советских войск между Станиславом, Окуневым и Раджимином.

10 августа обе дивизии, которыми командовали [штанartenфюрер СС Йоханнес] Мюленкамп и [оберфюрер СС Гельмут] Беккер, были подчинены штабу вновь сформированного IV танкового корпуса СС [обергруппенфюрера СС и генерала войск СС Отто Герберта] Гилле. Корпус принял участие в обороне севернее нашего плацдарма восточнее Варшавы.

Уже 18 августа на соседнем (левом) участке был совершен прорыв, в результате «Викинг» попал в окружение, после чего левый фланг у Буга вынужден был отступить.

В оборонительных боях за Варшаву корпус до конца октября удерживал свои позиции между Вислой севернее Варшавы до Буга у Сероцка.

До Рождества продолжались оборонительные бои восточнее Модлина. Поскольку «Мертвая голова» уже с начала года участвовала в боях, то с конца ноября она была отведена в прифронтовой район для краткого отдыха и пополнения и в конце года вместе со штабом корпуса и дивизией «Викинг» переброшена в Венгрию.

Группа армий «Центр» тем самым была значительно ослаблена перед крупным советским наступлением, начавшимся в январе 1945 года. При этом корпус был переброшен уже в практически потерянный для немецких войск район военных действий.

Здесь можно упомянуть Варшавское восстание, вспыхнувшее совсем рядом за линией фронта 9-й армии и продолжавшееся с 1 августа по 2 октября 1944 года. Под командованием [обергруппенфюрера СС, генерала войск СС и полиции Эриха] фон дем Бах-Зелевски¹ в этих боях участвовали части особого назначения, а также русские добровольческие части [бригадефюрера СС Бронислава] Каминского, немецкие части [оберфюрера СС Оскара] Дирлевангера и сводная полицейская группа [группенфюрера СС, генерал-лейтенанта войск СС и полиции Генриха] Рейнфарта.

Северный фронт

Здесь на уже очевидно потерянных позициях сражались III танковый корпус СС под командованием [обергруппенфюрера СС и генерала войск СС Феликса] Штейнера с дивизиями «Нордланд» и «Нидерланд», а также VI [армейский] корпус СС с двумя латышскими дивизиями СС. В результате массированного советского июльского наступления против войск группы армий «Центр» правый фланг группы армий «Север» был вынужден также

¹ Называть его фон дем Бах-Зелевски для этого периода не совсем верно. Дело в том, что Эрих фон Зелевски, недовольный своей «слишком славянской» фамилией, в 1930-х годах доказал, что его предки носили фамилию Бах, и стал именоваться «фон дем Бах-Зелевски». В ноябре 1941 года он смог уже официально полностью отбросить свою старую фамилию и получил право называться «фон дем Бах». — *Прим. науч. ред.*

отступить вдоль Двины до района Митау — Динабург¹. Оттуда линия фронта проходила через Опочку и Плескау до Нарвы.

10 июля сильная советская танковая группировка атаковала VI корпус СС. 15-я латышская дивизия СС была практически полностью уничтожена; 19-я латышская дивизия СС еще держалась, была частично окружена, однако сумела пробиться на промежуточную позицию у Опочки.

Остатки обеих дивизий были выведены из боя, 15-я дивизия СС переброшена на полигон Кониц, а 19-я сведена в боевую группу. Командование корпусом принял на себя [обергруппенфюрер СС и генерал войск СС] Вальтер Крюгер.

Еще севернее III танковый корпус СС — в его составе находились, в том числе, 20-я эстонская дивизия СС и легион СС «Валлония» — до конца июля упорно удерживал плацдарм у Нарвы, отражая яростные атаки противника. Однако 31 июля плацдарм был все же оставлен, и линия обороны левого фланга отодвинута на перешеек между Нарвой и Йыхви. Здесь корпусу пришлось удерживать позиции до середины августа.

К этому времени два ударных клина русских вдавили линию фронта южнее Плескау. Против них была брошена боевая группа 19-й дивизии СС; она успешно удерживала позиции в районе озера Лубанас.

Так сражалась противотанковая артиллерия легионов²

О своей 14-й противотанковой роте голландцы и норвежцы знают пока только, что цель ее марш-броска — местечко Мга, что она была выделена из своего соединения, она теперь подчинена армейскому подразделению и что южнее Девы бушует тяжелое оборонительное сражение.

Города на территории Латвии, Митау — ныне Елгава, Динабург — ныне Даугавпилс — *Прим науч ред*

² Это противотанковое подразделение было выделено из 2-й бригады СС [бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС Готфрида] Клингеманна зимой 1942/43 года под Ленинградом

Мга уже переполнена соединениями, прибывшими для подкрепления, и вскоре уже везде разносится слух, что прибыли солдаты СС — «иностранцы». К части постоянно подходят армейцы, чтобы «принюхаться» к новым товарищам. Они не скупаются на хорошие советы и на имеющийся в достаточном количестве инапс. Это в других местах международное общение может не ладиться, у солдат оно получается легко.

Немногим позже раздается приказ к бою. Инструкторы вывозят орудия из деревни, вдоль дороги на Бирму (ее так называли, потому что она ведет к русскому вокзалу Рангун) и за железнодорожной насыпью в песчаную яму. В бледном свете полной луны они проходят артиллерийские позиции, по которым прокатился огневой шквал русских батарей. Местность еще усеяна телами храбрых артиллеристов, которые все еще лежат у своих орудий.

С рассветом начинается сильнейший артиллерийский и гранатометный огонь, прерываемый адскими ударами сталинских органов. Четыре раза по двадцать четыре часа солдаты стоят в обороне у своих орудий, и если они остались невредимыми после ужаснейшей канонады, то это благодаря штыльям в песчаной яме, которые ведут глубоко под землю.

Норвежцы должны стрелять первыми. Когда враг начинает укреплять свой клин, вбитый им в немецкий фронт, показывается первый вражеский танк. За секунду длинные молчаливые норвежцы пробуждаются — три выстрела... и вот танк уже стоит, объятый пламенем. На орудие обрушиваются удары русской артиллерии.

Тут русские ставят на позицию «трещотку», 7,62-сантиметровку, чтобы прикрыть огнем гусеничный тягач, который хочет пересечь железнодорожную насыпь. Оба норвежца погибают. И когда уже к вечеру на просеке появляется второй танк, его подбивает другое орудие той же норвежской части.

Норвежцы торжествуют, но они делают это на свой манер, который иным может показаться твердолобым — они продолжают стрелять. Как только противник пытается сменить расположение стрелковых групп, их гранаты тут же устремляются туда. Вечером командир гренадерского батальона высказывает им благодарность. Норвеж-

цы ничего не отвечают, удовлетворенно пьют шнапс, курят трубки и возвращаются к своим орудиям.

Лишь голландский связной, Герардес Муйман, не доволен. Его точит мысль о том, что он лишь связной и не может стрелять сам. Поэтому он решает еще раз «начать наступление» на своего начальника.

«Вы начинаете действовать мне на нервы», — сказал ему старишина совсем недавно, но это не тронуло потомка гёзов Муймана.

Его желание будет исполнено раньше, чем он об этом догадывается. Через несколько дней потери на позициях оказались настолько велики, что приходится совершить перестроение, и Жерар становится даже командиром орудия.

В ночь на 30 января орудия Нэргера и Муймана занимают свои позиции. Они стоят на расстоянии не меньше восьмисот метров друг от друга, между ними находятся главный медицинский пункт соединения и командный пункт полка.

Лишь утром удастся разглядеть местность. Орудия находятся на северном фланге уже упомянутого клина, который частично проходит сквозь густой лес, что облегчает советским войскам подвод подкрепления.

Сильный огонь без перерыва градом сыпется на немецкие позиции. Утром Муйман замечает движение противника в сторону леса. Он подносит к глазам бинокль, тщательно наблюдает и различает теперь десять танков, за которыми следует пехота. Очевидно, эта группа тоже хочет пробраться в брешь, но прежде чем сделать это, ей придется пройти мимо противотанковой пушки Муймана!

Танки, наконец-то танки в прицеле, а не бесконечные прыжки пехотинцев в снегу. Орудие Муймана готово к бою. Он сам припадает глазом к прицелу, его руки хватаются за штурвал наведения... он крутит его... следит за движением танков, берет первый на мушку. Еще ближе... еще ближе. Вокруг него взрываются снаряды артиллерии. Так... Теперь в борт — гремит первый выстрел, потом из ствола вылетают одна за другой гранаты. Первый танк уже горит, другой сворачивает. Солдаты у орудия почти не замечают пулеметных залпов, гудящих вокруг, и того, что враг сосре-

дотачивает огонь на их позиции. Еще один танк подожжен!

Но тут — задержка при заряджении! Снаряд застрял в стволе. Штурмман СС Руйтер придумал кое-что, кажущееся безумным: он отпрыгивает в сторону, отрубает березовый ствол и, несмотря на опасность, что удар по взрывателю может вызвать взрыв орудия, выбивает стволом по дулу неудачный снаряд обратно в снег.

Теперь они могут продолжить огонь, и они не прекращают его, пока не останавливается, весь в огне, четвертый танк, четыре других не разворачиваются назад, а пехота не разбегается в разные стороны. Лишь двум танкам удалось прорваться в брешь.

Уже полчаса спустя один из них пытается пересечь просеку. У Нэргера на посту стоят Штефельманнс и Кортенбах. Штефельманнс, заряжающий, и Кортенбах, который вообще-то назначен на непосредственное пулеметное охранение. Оба в одиночку расправляются с танком, не вызывая других членов расчета из итольни. Другим и так часто удается пострелять. И этот танк сгорает.

Большевики теперь меняют свою тактику. Последний оставшийся танк должен, по крайней мере, уничтожить проклятое противотанковое орудие. Услышав грохот своего орудия, орудийный расчет выскочил из итольни, но Штефельманнс и Кортенбах лишь издевательски усмехнулись: «И без вас справляемся...»

Ширина просеки — всего лишь тридцать метров, и на этих тридцати метрах нельзя промахнуться. Кроме того, теперь это 52-тонная махина, то есть чертовски тяжелая вещь. Напряженное ожидание, нагрянет ли снова этот танк и откуда, накаляет атмосферу. Было уже 12 часов, когда нос 52-тонника вдруг появился на просеке... За время, пока колосс прокатывается 30 метров, Нэргер успевает выстрелить три раза. Первый снаряд попадает в башню... второй мимо — черт побери! — но третий попадает в корпус! 52-тонник сделан.

На сегодня врагу хватило, но уже на следующий день большевики подвели новые силы к клину и теперь пытаются, после сильной артиллерийской подготовки, боковой частью клина прорваться к дороге на Бирму.

Около шести утра командиру орудия Нэргеру поступа-

ет сигнал тревоги от постового. Русские волнами валят сквозь просеку... Нэргер открывает огонь фугасными гранатами. Два часа огневого боя пехоты, и вот уже наша пехота теснится к дороге. Теперь Нэргер остался один, в тридцати метрах от передовой! Его орудие становится центром сопротивления. Русские пытаются уклониться от его огня и проходят по обе стороны просеки под прикрытием леса. Две легких противотанковых орудия из противотанкового подразделения, которые находились справа и слева от Нэргера, уничтожены прямым попаданием. Но пока еще продолжают стрелять пять гранатометов слева от него. Когда у них кончаются боеприпасы, отважные пехотинцы подползают к противотанковому орудью и продолжают стрелять отсюда из своих карабинов.

Между тем ранен Кортенбах. Нэргер назначает одного из пехотинцев ему на замену. Но и того ранит, и следующее тоже. Теперь пулемет стоит осиротело, поскольку все остальные солдаты срочно необходимы у орудия. Примерно в 9—10 утра и у Нэргера заканчиваются боеприпасы. Две последние гранаты он оставляет для подрыва орудия, одну в начале, другую в конце ствола.

Теперь истребители танков лежат рядом с пехотинцами рядом с их орудием, сжав в руках карабины. Тут появляется самоходка, несколько раз стреляет, но один снаряд рвется в стволе, и расчет замечает это, лишь после того как им на это указывает Нэргер. Таким образом, эта долгожданная поддержка укатывается назад.

Кортенбаха, который ранен в руку и еще в состоянии ходить, посылают к своим за боеприпасами. Вместе с ним идет иштурмман СС Шауфели. Под сильным огнем они три раза возвращаются к своему орудью и привозят каждый раз на санках новый снаряд. На второй раз Шауфели получает ранение осколком в ногу.

К орудью Муймана боеприпасы подносит Эркеленц.

Теперь и Нэргер может снова стрелять. Командир взвода, фельдфебель Вайде, из противотанкового подразделения вермахта, которое находится здесь неподалеку, хочет посмотреть на орудие, получает осколочное ранение в спину, его быстро перевязывают, и через полчаса он снова на своей позиции. Замечательные парни.

Потом они поочередно стреляют то снарядами, то из карабинов, если цель слишком мала для фугасной гранаты.

Штурмман Бруинсвель сидит на пригорке, сигарета во рту, он положил карабин на щиток. Каждый раз, когда он его снимает, чтобы зарядить, он спокойно говорит: «Бац, еще один». В таком положении его застаёт санитар Купер, который как раз ползёт вперед к своим товарищам. Тут прямо за ним разрывается граната, и, когда санитар снова поднимает голову, Бруинсвель, который слетел со своего пригорка, говорит: «Черт, я в заднице!»

«Нет, — ухмыляется Купер. — Но в заднице у тебя осколок!»

И в самом деле, Бруинсвеля ранило в зад. Санитар уносит его.

Нэргер и Штефельманнс остались одни у орудия. Они снова расстреляли все снаряды. Осталось еще десять ручных гранат, это все. Большевики выходят из леса и приближаются до сорока метров.

«Последний из нас двоих взрывает орудие, понятно?» — говорит серьезно Нэргер.

Тут ему кажется, что сквозь шум боя он вдруг слышит за собой рев мотоцикла. Он поднимает голову, украдкой глядит туда: о небеса, это же Бочи, Бочи — связной-мотоциклист. У него полная коляска боеприпасов, и он несется на безумной скорости сквозь огонь. Теперь они снова смогут продержаться.

Около обеда снова появляется мотоцикл. На этот раз это командир, который уже два раза пронесся от их орудия до Муймана. Теперь он ползет по дороге, его карманы полны шоколада для солдат. Потом он зондирует обстановку перед орудием. Из-за близкого взрыва Нэргера на некоторое время контузило, и он не понимает ни слова из того, что ему говорит командир роты.

Позднее пехоту выводят из боя. Подтянутый лейтенант, который поступает в распоряжение Нэргера, преследует противника в лесу с двумя небольшими группами солдат. Через полчаса солдаты выносят его мертвым. Эркеленц вновь приносит боеприпасы.

Вечером пехота снова занимает свои позиции. Настроение на всей линии фронта великолепное. Все радуются победе, ведь вражеская атака захлебнулась именно из-за упор-

ства этого орудия, как подтверждают и офицеры пехотных соединений.

На несколько мгновений снова возвращается серьезное настроение, когда из главного медицинского пункта приходит известие, что главный врач штаба просит выразить им благодарность за то, что их сопротивление спасло его раненых от неминуемой гибели.

На какое-то время у большевиков отбито желание продолжать атаки, даже огонь тяжелых орудий заметно ослабевает.

Когда командиру приходится назначить нового командира взвода вместо раненого фельдфебеля Вайде, его выбор падает на иштурммана Фельдта, который до этого возглавлял роту. Фельдту девятнадцать лет, и он «весь в себе». О нем точно известно, что его ничто не может вывести из себя или разбудить ото сна, даже если его товарищи отстреляют у него над ухом целую обойму.

Некоторым образом голландцы и норвежцы начинают чувствовать, что в них признали хороших воинов. Когда солдаты из других подразделений проходят мимо их орудий, то они машут им в знак приветствия, а во время раздачи продовольствия или боеприпасов их узнают: «А это были вы... да, да» — и они получают то, что им нужно.

Штурмман Нэргер первым получает Железный крест 1-го класса, Железных крестов 2-го класса роздана целая дюжина: голландцам Муйману, Руйтеру, Штефельманнсу, Фельдту, Шауфели, Бочи, Кортенбаху, Бруинсвелю и Эркеленцу, а также норвежцам Хаугу, Хахену и Ульски. О том, что все так обернется, они не смели и мечтать в ту жуткую ночь, когда мы шли к Мге. Тайно, однако, они особенно гордятся тем, что сказал им один старый унтер-офицер из противотанковых частей, улыбаясь и покачивая головой: «Вы, пара солдат, приходите сюда и за три дня сбиваете больше танков, чем мы за весь поход, где это видано!»

Однажды днем без всякой подготовки большевики неожиданно начинают атаку. Муйман открывает огонь, но отважные Силезские пехотинцы, которых вот уже несколько недель невозможно изматывает эта зимняя битва,

испытывают первый шок от атаки и в смятении отступают.

Тут на них набрасываются солдаты противотанковой роты и покрывают их «по-великогермански». Голландские, норвежские и немецкие фразы бьют по головам простодушных силезцев, и, возможно, тот факт, что перед ними тут стоят не немцы, заставляет их вернуться на свои позиции.

Между тем Муйман уже проделал всю работу. Старшему рядовому пехоты Буттингеру удалось одному расстрелять вражескую «трейцотку». Он подполз к врагу на расстояние до двадцати метров и уничтожил расчет орудия из автомата.

Оцените пользу ползанья, товарищи, которое некоторым спасло жизни в эту войну...

Таким образом, атака большевиков захлебнулась за сорок метров перед орудием. Вечером Муйман получил Железный крест 1-го класса, Буттингер, герой дня, и Купер, храбрый санитар, — Железные кресты 2-го класса.

Ночью хлопьями шел снег. Когда к орудью Муймана приходит на смену часовой, там уже никого нет. Испуганно бежит сменщик обратно в бункер и, задышавшись, выдает: «Они схватили Эркеленца!»

Теперь весь расчет идет на поиски — и находит его... заснеженным по кончик носа. Через два часа со стороны врага слышится шум. Купер выстреливает сигнальную ракету, в свете которой можно различить, что русские на железнодорожной насыпи установили противотанковое орудие. Муйман тут же выстреливает в ту сторону. Ему удастся лишь рассеять расчет, но само орудие так установлено, что прямым обстрелом его не возьмешь. Что теперь? Примерно в тридцати - сорока метрах перед орудием, в подбитом танке, русские устроили наблюдательный пункт. Стоит ли сначала устранить его? Но это снова поднимет шум на всю передовую. Кто знает, что из этого получится. Сейчас все так благословенно спокойно. Слышно, как там громяют и грохочут большевики. Это уже что, начало атаки? Они мгновение смотрят друг на друга. Эркеленц пожимает плечами.

«Чепуха, — говорит Муйман. — Они просто напились, давай, идем!»

И теперь он показывает, что он — больше, чем уверен-

ный стрелок, показывает, что он обладает тактическим чутьем и пониманием и умеет быстро принимать решения. Муйман даже не догадывался, что своим дерзким предприятием, которое он сейчас намерен совершить, он создал предпосылку для того, чтобы следующий день стал днем великой славы.

С помощью вылазки он хочет избавиться от опасного орудия противника. Купер и Хиссинк, который только что вернулся из отпуска, идут вместе с ним. Втроем они с большой осторожностью подкрадываются к вражеской позиции, потом Муйман оставляет своих товарищей для прикрытия сзади. Он сам подползает по снегу совсем близко от часовых и подкладывает принесенный 3-килограммовый подрывной заряд под пушку.

Когда взрыв разрывает 7,62-сантиметровку на тысячи кусочков, он уже ползет обратно. Невредимыми все трое возвращаются на свои позиции.

В советском стане комиссар мог сколько угодно извергать проклятия по поводу уничтоженного орудия, но от приказа к наступлению он не откажется. Возможно, он еще раз пересчитывает готовые к бою танки, он знает, что их экипажи хорошо снаряжены, хорошо накормлены и довольно неплохо подготовлены, что пехота состоит из разномастных соединений, что в ее рядах стоят пятнадцатилетние и шестнадцатилетние. То, что бедные парни измотаны и голодают, возможно, меньше заботит его, потому что они, очевидно, привыкли к этому. Часа огневой подготовки, наверное, думает он, в этот раз будет достаточно, потом танки, а вслед за ними пехота совершат прорыв, возьмут вокзал Рангун и продвинутся дальше по дороге снабжения немецких войск... Это третий вариант советской наступательной тактики: сначала острием клина, потом атаки с боковой части и теперь атаки вдоль боковой части...

Возможно, два часа спустя комиссар все еще сидит в своем бункере и ждет первых рапортов об успехах. Первая волна из шести танков уже ушла вперед. Но рапортов что-то не поступает. Наконец, он снова слышит скрежет гусениц в советской зоне. Два из шести танков возвращаются обратно, и новости, которые они приносят, не соответствуют ожиданиям. Пехота хотя и прорвалась на той сторо-

не железнодорожной насыпи, но проклятое противотанковое орудие все еще держится! Черт бы его побрал! Два танка повреждены, четыре других «капют»!

Если бы в советском стане знали, как обстоят дела у Муьмана. Орудие расстреляло все боеприпасы, за исключением одного снаряда, потому что он же сражался не только с шестью танками.

Когда подкатывают следующие пять, как раз подходит командир. Он отдает приказ всадить последний бронебойный снаряд в первый танк, остальные же быстрой очередью покрыть фугасными гранатами. Муьман снова показывает мастерство: последний снаряд поджигает Т-34. Фельдт, молодой командир взвода, тем временем добывает новые боеприпасы. У орудия Бутса, к северу от железной дороги, их еще достаточно, на том участке пока было спокойно.

Штурмман Фектер, молодой доброволец из Бачки, который так хорошо играет на губной гармонике, без устали таскает под сильным огнем одну за другой гранаты и каждый раз успевает как раз вовремя.

5-сантиметровое орудие противотанкового подразделения подбивает два легких танка, остальных и в самом деле удастся удерживать фугасными гранатами до тех пор, пока не доставлены новые бронебойные снаряды. Теперь справились и с двумя последними.

Между тем силы, прорвавшие передний край обороны, отрезаны от «своих». Без танковой поддержки советские войска не могут пройти дальше. Но красному комиссару нужно взять вокзал Рангун. Поэтому в 11 часов на расстоянии в полторы тысячи метров появляются сразу двадцать танков и едут прямо на орудие Бутса, именно на Бутса, который только что отдал часть своих боеприпасов! Но, в конце концов, на свете бывают чудеса: в восьмистах метрах от него великаны резко разворачиваются и атакуют старую позицию, атакуют орудие Муьмана, которое они должны были раздавить и которое они теперь хотят взять с фланга. Но у Муьмана теперь снова есть боеприпасы! Расчет разворачивает орудие: Огонь! Шесть из двадцати танков один за другим охватываются пламенем, на другие уже наводят прицелы. Остальные разворачиваются. Сами русские стреляли плохо — снова Муьман может записать на свой счет победу.

*А потом наступает очередь Бутса, которому неугоми-
мый Фектер быстро подносит еще пару гранат, тоже
только для одного выстрела. Бутс уничтожает два танка.
Если было бы больше гранат, он бы справился и с другими!
Бутс в неистовстве. В конце концов, Муйман и так уже за
последние дни достаточно прогремел по округе. А теперь он
спокойно должен смотреть, как тот берет на себя послед-
ние танки. И Нэргеру в прицел уже не попало ни одного
танка, потому что со всеми справился Муйман...*

*Несколько выстрелов орудия Бутса прогремело как раз в
тот момент, когда началось немецкое контрнаступление.
Подошли резервы, пехотинцы одной северонемецкой диви-
зии. В изумлении теперь смотрят голландцы, как этот ве-
ликолепный батальон разворачивается и начинает продви-
жение вперед в классическом порядке, с майором во главе.
Как раз мимо их орудия проходит огромный ольденбуржец, с
пулеметом, переброшенным через плечо, словно это легкая
пушинка.*

*Вскоре врага снова выбросили с его позиций... Кроме взо-
рванного 7,62-сантиметрового орудия, в этот день было
подбито 15 танков: два — Бутсом, тринадцать — Муйма-
ном в одиночку, тринадцать за один день! Семь — находясь
у прицела, остальные — руководя огнем. Три подбил иштурм-
ман Фельдт.*

*Этой ночью командир дивизии подписывает документ,
который отправляется в штаб армии и в Главный штаб
фюрера: иштурмман Герардес Муйман из 14-й роты легиона
СС «Нидерланд» представлен к Рыцарскому кресту Желез-
ного креста — Муйман, который подбивал русские танки
как хищник во время облавы, хотя они превосходили его по
огневой силе в десять раз.*

*Упорство большевиков не знает границ. На следующий
день жертвами орудия Муймана стали еще три танка.*

*У орудийного расчета в эти дни много дел: на ствол
нужно наконец нанести кольца! Теперь их уже целых два-
дцать. Они уже давно могли бы сделать их, но после первого
Муйман сказал, что пока не стоит, колец обязательно бу-
дет больше. Поскольку под рукой нет краски, солдаты по-
вязывают вокруг отважного ствола полосы старого мас-
кировочного халата.*

*Между тем слухи об их успехах обошли уже весь фронт —
до последних подразделений снабжения. Бригада принимает*

поздравления армии, а Верховное командование вермахта называет имя Муймана по радио. Насколько известными они стали благодаря своим боям, орудийный расчет еще пока не знает. Сам Муйман позже скажет: «Мы только подивились, когда целая орава офицеров пришла, чтобы осмотреть наше орудие и позицию...»

Судьба не поровну распределяет жребий. Орудью Косбау, который вот уже две недели удерживался под сильнейшим огнем противника в песчаной промоине, еще почти не удалось проявить себя в бою. 15 февраля, как раз в тот момент, когда он хотел вступить в бой, враг ударяет прямо по ним. Роттенфюрер Косбау получает ранение, штурммань Витушек, Динтер и Де Вит убиты, само орудие повреждено. Но дух товарищества переживает смерть — и ночью Нэргер получает от командира приказ похоронить тела павших товарищей.

Нэргер направляется к месту их гибели. Это тяжелое задание. Некоторым лучше несколько раз оказаться в плену у смерти, чем притронуться к мертвым. Но и здесь побеждает неискоренимое чувство нашей внутренней связи, которая исходит из общей жертвенности.

С трудом пробирается Нэргер вдоль старой передовой линии, постоянно встречая на пути возвращающиеся группы пехоты, которым сегодня ночью предстоит участвовать в сужении линии фронта. Его окликают, мол, чего он еще там ищет, но Нэргер лишь отмахивается.

Наконец он достигает покинутую позицию в песчаной промоине, и тут ему неожиданно везет: приближается какая-то машина, которая хочет забрать орудие. Теперь он может прицепить к ней свои сани. Он поднимает товарища — 17-летний Де Вит такой легкий, что он без труда берет его на руки и кладет в сани; Динтер и Витушек уже тяжелее. Потом странный буксир громыхает обратно. Но продвижение дается медленно и с трудом. Орудие скользит туда-сюда, так что, в конце концов, сани переворачиваются. Нэргер спрыгивает. У водителя, однако, уже нет времени, ему нужно спешить, если он хочет вовремя привезти свой автомобиль в укрытие.

Нэргер отвязывает сани, снова кладет на них убитых и сам впрягается спереди. В предрассветных сумерках он приходит с Витушеком, Динтером и Де Витом на командный пункт роты.

На новой передовой линии рота может установить лишь четыре орудия. На протяжении четырех дней враг разведгруппами зондирует новые позиции и прочесывает местность гранатами. Руйтера и Буттингера тяжело ранило такими вот шальными осколками, и они позже умирают от ран в лазарете. Хорошо, что человек не знает своей судьбы, и это сейчас, прежде всего, касается Бутса.

А пока что Муйман и Бутс радуются небольшой передышке и добывают из подбитых танков русские спецпайки — ведь в то время, как советские пехотинцы питались лишь пшенной крупой да сырой рыбой, «спецы», танковые экипажи, снабжались великолепно.

На той стороне снова что-то начинает шевелиться. Но перед бедой на истребителей танков снова сыпется дождь из наград: Железный крест 1-го класса для командира взвода Фельдта и неутомимого санитары Купера, Железный крест 2-го класса для Бутса, Фектера, ван дер Вея, Бенцингера, Вольферена, Ваарденбурга и Хиссинга. Теперь все солдаты из орудийных расчетов Бутса и Муймана имеют на груди черно-бело-красные ленточки. С Ваарденбургом из расчета Муймана прямо на глазах происходит удивительная перемена. Раньше его называли не иначе как просто «сапожник», потому что он чинил сапоги всей роте, теперь его зовут только «штурмман Ваарденбург» — и он рьяно следит за тем, чтобы так оно и оставалось впредь.

Четыре дня потребовалось большевикам для того, чтобы снова начать атаку на этот тяжелый участок суши, переход к Шлюссельбургу. Чуть забрезжил рассвет 22 февраля, отдельные выстрелы прекратились, и на немецкие окопы обрушился самый настоящий, продолжительный ураганный огонь.

Расчеты Бутса и Муймана сидят в своих бункерах и слушают этот концерт. Кошмар, просто кошмар! Вдруг в бункер врывается часовой орудия: «Три танка сзади из леса!»

Теперь, кажется, пришел конец. Прямо рядом с ними, чуть ли не вплоты, стоят три танка и обстреливают дорогу на Бирму. Как хорошо, что орудие установлено глубоко и замаскировано — Муйман спешит со своими верными товарищами мимо танков к орудию — сто пятьдесят метров.

А там — снова сюрприз: с другой стороны наступают сразу пять танков!

Взгляд на Бутса: он со своими солдатами уже достиг

орудия и направляет ствол прямо. Значит, мы поворачиваем! Ствол с двадцатью кольцами из обрывков маскировочного халата описывает полукруг. Совсем непросто крутить тяжелую пушку на пригорках, ведь ступицы колес совсем заледенели. Всей своей силой солдаты наваливаются на орудие. По их лицам, несмотря на мороз, градом льется пот.

Впоследствии они уже не могут вспомнить, сколько прошло времени до того момента, когда прозвучал первый выстрел. Они помнят только, что попали. Муйман снова подбил два танка, третий удрал. Бутсу на этот раз больше повезло, его жертвами стали три Т-34.

Облегченно вздыхая, они оглядывают дымящиеся стальные руины — в этот раз было ужасно, по-настоящему ужасно. Сейчас они даже не могут радоваться своему успеху, потому что преодоленная опасность еще сдавливает горло.

Лишь теперь они осознают, что вражеская артиллерия все еще удар за ударом бьет по позициям. Они ползут в укрытие, прижимаясь к земле; у каждого орудия для наблюдения остается только по одному человеку.

И тут снаряд попадает прямо в орудие Бутса. Над ним поднялось похожее на пинию облако дыма от тяжелой гранаты. В снег вокруг шлепаются куски земли. Теперь там появляется чья-то фигура, покачиваясь, идет к орудию, склоняется над щитком...

Муйман бросается туда. Ему навстречу идет Бутс, повисает у него на плече. Из его куртки течет кровь.

«Все остальные — убиты, — простонал он, — все трое убиты, орудию крышка».

Молча они склоняются над товарищами — ах, ван дер Вей, только вчера ты был уверен, что это наш последний бой и нас сменят, как ты был прав, — а вот лежит Артс, милый паренек, и Фектер...

Муйман бросает взгляд на Бутса. «Мой осколок в руке не так страшен». Затем они обследуют орудие. Оптика разбита, одно колесо оторвано. Сейчас тут ничего не сделаешь.

«Давай», — говорит Муйман, и они идут ко второму орудю. Когда они подходят, товарищи сидят вокруг Хиссинга, у которого оголена рука. Ему только что наложили временную повязку, и она уже окрашивается в красный цвет. Потом Хиссинг отпрашивается у командира орудия в медпункт. Теперь они перевязывают Бутса. Бутс не хочет в

медпункт, он не хочет идти к ним как единственный выживший из своего расчета. Поэтому он добровольно занимает место Хиссинга в расчете Муймана.

Это последняя битва на Неве. Через два дня рота получает приказ вывести из боя последние два орудия и отступить на Мгу. Командир, однако, еще успевает на позиции вручить Бутсу Железный крест I-го класса.

Когда солдаты на вокзале во Мге уже ждали поезда, к ним вдруг с ревом подъехал мотоциклист. Они нас что, снова забирают ?

«Где Муйман?»

«Это я, оберштурмфюрер!»

«Завтра явитесь на командный пункт стрелковой дивизии, понятно?»

«Так точно, оберштурмфюрер». — «Что им там от меня нужно, мне что, придется одному здесь остаться?» — думает он.

26 февраля 19-летний штурмман Муйман, сирота из голландской столицы Гааги, ученик слесаря, доброволец легиона СС «Нидерланд», стоит перед отделением, которое собралось, чтобы отдать ему честь. Командир дивизии подходит к нему и надевает ему на шею Рыцарский крест Железного креста, которым его наградил фюрер.

«В моей дивизии все знают о вас, солдатах легионов, и каждый признает ваши заслуги». Эти слова относятся к Муйману, но также и всем остальным — Бутсу и Нэргеру, Фельдту и Хаугу, и, прежде всего, они относятся к погибшим, которые лежат сейчас там, под Ленинградом.

Так сражалась противотанковая артиллерия легионов...

(По материалам рот пропаганды СС)

Эти прорывы принудили наши войска к отступлению на линию Митау — Штокманнсхоф — Дорпан, при этом VI корпус СС (19-я дивизия СС с двумя дивизиями вермахта) находился в центре. III танковый корпус СС в середине сентября с боями отошел на линию Феллин —

Пернау (между озером Пейпус и Рижским заливом). Все еще сохранялась опасность окружения.

Контрудары группы армий «Центр» во второй половине сентября принесли некоторое облегчение. Войска продвинулись по обе стороны литовско-курляндской границы до Шяуляя — Митау и закрыли узкий переход южнее Рижского залива. Но уже в октябре наступила перемена: атаки войск советских 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов разбили нашу оборону от Мемеля до района севернее Шяуляя. Противник достиг Балтийского моря и, таким образом, отрезал Курляндию от Восточной Пруссии.

Положение немецких войск восточнее Рижского залива стало критическим. Могли ли мы прорваться в Курляндию или и тут наши дивизии были бы сброшены в море? [11-я моторизованная] дивизия СС «Нордланд» из состава III танкового корпуса СС двинулась в южном направлении на Ригу, а [23-я добровольческая моторизованная] дивизия «Нидерланд» этого же корпуса — в юго-восточном направлении на Вольмар¹, чтобы позволить левому флангу группы армий отойти в Курляндию. Потом корпус с несколькими дивизиями вермахта прикрывал отступление на Двине.

Нужно было выстроить линию обороны Либау² — Ауце — Тукумс. Этим маневрам помешали новые вражеские атаки 3-го Прибалтийского фронта с юга через Кеккау и восточнее ее. Из арьергардных боев III корпус СС с дивизией СС «Нордланд» был выведен в район Балдоне, где он вместе с дивизиями вермахта занял оборону вдоль берегов Двины. Позже корпус действовал западнее, в районе города Добеле.

Советские войска перенесли направление главного удара западнее. В районе Либау в конце 1944 года 18-я армия упорно сопротивлялась в ходе двух Курляндских сражений. III танковый корпус СС был по морю переправлен в Померанию, в то время как VI [армейский] корпус СС с 19-й дивизией СС в составе 16-й армии остался вести безнадежные оборонительные бои в Курляндии.

¹ Город Валмиера в Латвии. — *Прим. науч. ред.*

² Либау — ныне латышский город Лиепая. — *Прим. науч. ред.*

Основной состав 20-й эстонской дивизии СС был уничтожен в боях в Эстонии. Часть солдат ушла в леса, воевать за родину с большевиками уже в качестве партизан. Другая часть была отправлена в Германию, где они стали основой новой дивизии.

Финал Курляндских боев

Выиграть сражение в Курляндии было уже невозможно. Оказавшаяся здесь немецкая группировка с трудом сдерживала превосходящие силы противника, которые тем самым не могли быть задействованы на других фронтах. Но это было все, чего можно было достичь. Без надежды на спасение курляндские войска обреченно принимали на себя все новые атаки советской армии.

Попытки русских в 1-м и 2-м Курляндских сражениях сбросить в море наш правый фланг — 18-ю армию — потерпели неудачу. В Рождество 1944 года началось 3-е Курляндское сражение. Удар пришелся по левому флангу — 16-й армии — в районе Тукумса, особенно — по 19-й латышской дивизии СС и ее левому соседу, авиаполевой дивизии. Оборона этой дивизии была прорвана, по 19-й дивизии СС ударили с тыла, и она была вынуждена из последних сил защищать свой фланг. Дивизия держалась и закончила бои контратакой совместно с авиаполевой и двумя танковыми дивизиями вермахта, объединенными под началом штаба VI корпуса СС. Сражение закончилось победой.

4-е Курляндское сражение тоже принесло успех латышам.

В 5-м сражении главный удар снова был направлен против западной группировки — 18-й армии. После неудачи в марте 1945 года главный удар был перенесен восточнее, в район Фрауенбурга. Глубокие вклинения справа, рядом с VI корпусом СС, угрожали превратиться в прорыв. Штаб корпуса бросил 19-ю дивизию СС на свой правый фланг для контрудара, и она смогла спасти ситуацию. Угроза прорыва была устранена, и наступила некоторая передышка.

3 мая 1945 года поступил приказ гроссадмирала [Кар-

ла] Дёница отступать к портам Либау и Виндау¹. Но для этого было уже слишком поздно. 8 мая 1945 года Курляндская группировка непобежденной попала в плен.

Так сражались наши латыши!

Командный пункт 19-й гренадерской дивизии войск СС: 43-й полк СС сообщает, что русские прорвали на окраине леса у Кипас оборону мотопехотного батальона и в составе одного полка находятся в лесу. Обороняющая населенный пункт 1-я рота получила приказ занять исходную позицию. Дивизия тут же пошлет для подкрепления резервный батальон, чтобы еще до наступления ночи устранить этот опасный прорыв. Командир мотопехотного батальона, итурмбаннфюрер Лауманис, возражает по телефону: «Если мотопехотный батальон заварил эту кашу, то он ее сам и расхлебает». Офицер оперативного отдела не решается на такой эксперимент. После короткой артиллерийской и минометной подготовки в 19 часов должна начаться атака.

В 18.55 вокруг царит мертвая тишина, в 19 часов тоже. Мы звоним в артиллерийский полк: «Почему не стреляете?» Мы не верим своим ушам: «В Кипасе наши». Старшина возмущается: «Чепуха». Полк говорит: «Так точно, группенфюрер, эта пехота сообщила!» Мы звоним в 43-й полк: «Так точно, нам звонили из Кипаса». Мы трем головы. Звонили?..

Вскоре все становится ясным. Отчаянность высшего разряда: на высоте ветряной мельницы, 1500 метров севернее Кипаса, на промежутке в линии фронта, недалеко от боевой группы Барта, сидел унтершарфюрер Рикстинс с десятью пехотинцами и одним связным (в качестве разведгруппы) с заданием вести наблюдение и при появлении врага отойти. Он видел бой своего батальона, теперь он наблюдает, как три танка, несколько противотанковых орудий и пулеметов устанавливаются в населенном пункте для обороны. У него впечатление, что русские, зная о находящихся перед ними в лесу собственных войсках, чувствуют себя очень уверенно. После этого он пробирается со своими солдатами вдоль окраины леса, они врываются, вооруженные автоматами и ручными гранатами, в деревню и выби-

¹ Ныне Вентспилс в Латвии. — Прим. науч. ред.

вают из нее русских, он распределяет своих солдат по танкам и за тяжелыми орудиями и открывает огонь из всех стволов по лесу. Охваченный дикой паникой, русский полк бежит из лесу, мимо деревни, и прямо на огонь солдат Рикстинса. Остатки спасаются бегством. Это произошло в 18.35. В 18.55 снова наступила тишина. Самым хладнокровным же поступком был приказ связному: в то время как они пробирались по лесу, он должен был перенести линию связи с высоты в деревню...

Через некоторое время мы снова все вместе сидим в командном пункте дивизии, среди нас и Рикстинс с только что врученным ему Рыцарским крестом.

Кажущийся чуть ли не стеснительным, неприметный молодой школьный учитель, с рыжевато-светлыми волосами, щуплого телосложения. Но самогонку он пьет как воду, как и все наши латыши. Что он думал тогда, спрашиваем мы его. «В этой деревне находилась моя рота». Но почему он с такой уверенностью приказал переложить линию связи? Он удивленно смотрит на нас: «Вы что думаете, я должен был позволить собственной артиллерии стрелять мне в лоб?» — «Кроме того, боеприпасов жалко...» Командир артиллерии, наш «мастер по экономии боеприпасов», Гравелис пьет за его здоровье. И Рикстинс понимающе улыбается. Ибо в Курляндии не хватает боеприпасов — как и продовольствия, а также и — людей. Ощущение конца. Но он думает так же, как и другие латыши, которые воюют вместе с нами: «Мы будем защищать Родину до последней капли крови».

Они действительно так сделали. Они были последними европейскими воинами Второй мировой войны, их боевая группа погибла в районе Талзена весной 1945 года. Мы гордимся вами, товарищи!

Формирования 1944 года

В течение 1944 года в составе войск СС были сформированы:

Штабы корпусов:

— IV танковый корпус СС [группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС Герберт Отто] Гилле;

—IX [горнострелковый] корпус [войск СС обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции Карл] фон Пфедфер-Вильденбрух;

—штабы XI — XIV и XVIII корпусов СС из резервных войск в конце года.

Дивизии:

—17-я моторизованная дивизия СС «Гётц фон Берлихинген»;

—18-я [добровольческая] моторизованная дивизия СС «Хорст Вессель»;

—19-я гренадерская дивизия войск СС (латышская № 2);

—20-я гренадерская дивизия войск СС (эстонская № 1);

—21-я горнострелковая дивизия войск СС [«Скандерберг»] (албанская № 1);

—22-я [добровольческая] кавалерийская дивизия СС [«Мария Терезия»] (венгерская);

—24-я горнострелковая [карстъегерская] дивизия войск СС;

—27-я [добровольческая] гренадерская дивизия СС «Лангемарк» (фламандская № 1);

—28-я [добровольческая] гренадерская дивизия СС «Валлония»;

—29-я гренадерская дивизия войск СС (итальянская № 1);

—30-я гренадерская дивизия войск СС (белорусская № 1).

Итого: 10 корпусных штабов с 19-ю дивизиями, в том числе 16 — со значительной долей представителей негерманских народов. Тем самым численное соотношение германских и негерманских соединений изменилось в пользу европейских частей СС.

Западный фронт. 1945 год

После неудачи наступления в Арденнах в начале 1945 года на Западном валу и в Саар-Пфальце в обороне находилось 80, хотя и сильно потрепанных, немецких дивизий. Лишь у Ахена на Западном валу зияла брешь. Однако оперативные резервы были уже практически полностью исчерпаны.

После американско-французского наступления в ноябре 1944 года через Цаберн на Страсбург фронт на Рейне был довольно незащищен перед неожиданными атаками. Поэтому задачей главнокомандующего Армией резерва Генриха Гиммлера было создание новой линии обороны. Для этого первоначально в его распоряжении находились лишь гарнизонные войска Западного вала, стационарные дивизии и резервные части. Из них, а также из восточных батальонов, частей фольксштурма и зенитных подразделений под руководством вновь образованных штабов XIV [армейского] корпуса СС [обергруппенфюрера СС, генерала войск СС и полиции Эриха] фон дем Бах-Зелевски и XVIII [армейского] корпуса СС [группенфюрера СС, генерал-лейтенанта войск СС и полиции Генриха] Рейнефарта была сформирована группа армий «Верхний Рейн» под личным руководством [рейхсфюрера СС Генриха] Гиммлера. Начальником Генерального штаба группы армий был назначен [группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС Вернер] Остендорф. Войска СС в состав группы армий «Верхний Рейн» не входили.

В это же время из резервных частей были сформированы еще один или два корпусных штаба, которые были также задействованы на Западном фронте. Командиром XII корпуса СС временно был генерал [пехоты Гюнтер] Блюментрит (о XIII корпусе СС см. ниже).

Генриху Гиммлеру показалось нецелесообразным то, что воинские части на Кольмарском плацдарме западнее и восточнее Рейна находились в подчинении штабов различных групп армий. Он запросил и получил — хотя и с задержкой — в начале декабря 1944-го в свое подчинение 19-ю армию. Части из Радольфцелля (унтер-офицерское училище СС и резервный батальон) были временно использованы в боях на Кольмарском плацдарме.

Войска из развернутой севернее группы армий «Г» в новогоднюю ночь 1945 года предприняли наступление из района Бича с ограниченными целями — чтобы вернуть Северный Эльзас и остановить наступление союзников. В этих боях в Вогезах приняла участие 6-я горнострелковая дивизия СС.

Гиммлер предложил развить это наступление в южном направлении, за Рейн. К сожалению, Верховное командование согласилось с этим предложением. Направление удара было изменено, была подтянута [10-я танковая] дивизия СС «Фрундсберг», и нашим войскам удалось расширить плацдарм западнее Рейна, у Герресхайма. Американо-французское наступление на Кольмарский плацдарм началось 20 января, и лишь 9 февраля союзники достигли Рейна.

Примерно в это же время началось немецкое наступление между Вогезами и Рейном. Оно осуществлялось ударными группами 1-й армии, среди которых был и «Фрундсберг». В этой операции была возвращена территория до Модера у Хагенау. Однако ожидание нового наступления на северном участке фронта, к сожалению, не дало возможности продолжить это многообещающее наступление.

23 января Генрих Гиммлер передал командование группой армий «Верхний Рейн» выздоровевшему [oberstgruppenфюреру СС и генерал-полковнику войск СС Паулю] Хауссеру. Сам Гиммлер возглавил действующую на Восточном фронте группу армий «Висла» с [бригадефюрером СС и генерал-майором войск СС Гейнцем] Ламмердингом в качестве начальника штаба. Жесткая критика деятельности Гиммлера в качестве главнокомандующего в уже упоминавшейся книге Зигфрида Вест-

фаля «Армия в оковах» полностью оправдана. Опытный Остендорф, однако, где возможно, компенсировал ошибки.

28 января участок группы армий «Верхний Рейн» был объединен с участком группы армий «Г» генерал-полковника [Йоханнеса] Бласковица, который теперь принял группу армий «Х». Командование над объединенной группировкой принял Хауссер; начальником штаба при нем был назначен генерал-майор Штедтке. Штаб XIV корпуса СС и командир XVIII корпуса СС [группенфюрер СС, генерал-лейтенант войск СС и полиции Генрих] Рейнефарт последовали за Гиммлером на Восточный фронт. Сам штаб XVIII корпуса на Рейне поступил под командование [обергруппенфюрера СС, генерала войск СС Георга] Кепплера.

К этой же группе армий принадлежали и находившийся в Саар-Пфальце в составе 1-й армии XIII [армейский] корпус СС [группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС Макса] Симона, а также дивизия СС «Гётц фон Берлихинген» [оберфюрера СС Фрица] Клингенберга, развернутая восточнее Сааргемюнда, между Западным валом и линией Мажино. 6-я горнострелковая дивизия СС [«Норд» группенфюрера СС, генерал-лейтенанта войск СС и полиции Карла] Бреннера действовала в Вогезах южнее Бича; она входила в XC корпус [генерала авиации Эриха] Петерсена.

В конце января, когда территория, захваченная во время наступления в Арденнах, была снова потеряна, стала очевидной неудача наступления и сильное истощение последних оперативных резервов. И все же немецкие войска на Западе все еще стояли по всему Западному валу или восточнее его, за исключением района у Ахена. 1-я армия удерживала Западный вал, начиная с района южнее Трира и вдоль Саара, далее, западнее вала, в Вогезах до Хагенау и Модера на Рейне. 6-я горнострелковая дивизия СС прибыла из Финляндии в боеспособном состоянии, дивизия СС «Гётц фон Берлихинген» хотя и была измотана, но на нее можно было полностью рассчитывать.

Предстояло наступление союзников на территорию рейха. Точное время его начала было еще неясным, главный удар, как можно было предположить, должен был быть

направлен против внутреннего фланга групп армий «Г» и «Б» (командующие генерал-полковник Йоханнес Бласковиц и генерал-фельдмаршал Вальтер Модель) на Рур.

Удары англо-американских войск начались один за другим: в начале февраля — южнее Ахена, 9 февраля — из Неймегена против 7-й армии. Район Саар-Пфальца сначала не лежал на линии главного удара. Заблаговременно было принято решение вывести обе дивизии СС с фронта и использовать в качестве тактического резерва. Провести этот маневр с горнострелковой дивизией СС удалось, а с «Гётц фон Берлихингом» этому помешало развитие событий. 6 февраля ее позиции подвергались постоянным атакам. Эсэсовцы предприняли ряд контратак, что, однако, не оказало особого влияния на положение на фронте.

20 февраля последовали клещеобразные удары 3-й американской армии на внутренний фланг групп армий «Б» и «Г», на слабую 7-ю армию и на участок фронта, выдающийся на запад за Саар, на северном фланге 1-й армии. Американцам удалось прорваться между Мозелем и Сааром, пересечь Саар и, позднее, взять Трир.

24 февраля началась крупная наступательная операция против группы армий «Б» [генерал-фельдмаршала Вальтера] Моделя. Ее исход должен был отразиться и на находившейся южнее группе армий «Г». Немецкие позиции на участке 7-й армии, теперь подчиненной группе армий «Г», были прорваны — 25 февраля у Прюма, 6 марта на Киле. При этом крупные группировки армии были уничтожены. 7-го ночью на участке группы армий Моделя в руки противника невредимым попал мост через Рейн в Ремагене.

Теперь нужно было защищать Мозель и удерживать позиции. В этот район, наконец, прибыла 6-я горнострелковая дивизия СС. Однако потом она была освобождена от этого задания, чтобы по приказу Верховного командования 7 марта провести наступление из Осбургского Хохвальда через Рувер в тыл американских войск, которые продвинулись за Трир. После первоначальных успехов это наступление потерпело неудачу, из-за чего дивизия оказалась на неудобных позициях. Лишь часть ее смогла

принять потом участие в боях за Нижний Мозель 14 и 15 марта, где противнику удалось переправиться через реку.

От Неймегена до Кобленца враг стоял на Рейне, у Ремагена уже по ту сторону реки. Лишь группа армий «Г» сражалась там, где фронт описывал выпуклую дугу, в Саар-Пфальце. Любые предложения об отступлении, чтобы потом с помощью боеспособных частей защищать Рейн, отклонялись. Течение событий уже невозможно было остановить.

15 марта началось концентрическое наступление на эту группу армий войск 7-й американской армии: через Мозель, на западе через Саар и на юге между Саарбрюккеном и на восточных окраинах Вогезов с целью прорыва на Кайзерслаутерн.

6-я горнострелковая дивизия СС удерживала плацдарм западнее Рейна у Боппарда, потом переправилась через реку и заградила переправу. Дивизия СС «Гётц фон Берлихинген», еще 16 и 17 марта находившаяся южнее Западного вала, отступила между Гомбургом и Пирмазенсом, 21-го с боями пробилась сквозь Пфальцкий лес, чтобы потом перекрыть выходы из этого горного лесного массива.

Эти бои были полны критических ситуаций. Постоянно приходилось бороться с танковыми прорывами и предотвращать окружение. Потерь в технике избежать было нельзя. Несмотря на это, удалось не потерять связь с другими войсками и предотвратить прорыв на Кайзерслаутерн. Южный фланг 1-й армии пострадал относительно мало.

Штаб XIII корпуса СС принял на себя задачу организовать переправы через Рейн у Гермерсхейма — сложная задача, поскольку нужно было обеспечить уход тяжелого батальона «Тигров», при этом вовремя взорвав мост.

23 марта противник в бою с ослабленными заградительными войсками обеспечил себе неожиданную переправу через Рейн у Оппенхейма. Таким образом, борьба западнее Рейна потеряла смысл. Несмотря на это, Верховное командование настояло на удерживании предмостного укрепления на западном берегу. Однако удерживать его уже было невозможно; последние части покинули его 24 марта. На следующий день стал возможным

отвод «Гётца фон Берлихингена» для краткого отдыха восточнее Рейна, так что в конце месяца эта дивизия снова находилась в распоряжении 1-й армии на правом ее фланге в составе XIII армейского корпуса. Ее командир, [штандартенфюрер СС Фриц] Клингенберг, погиб еще на левом берегу.

В общих чертах события развивались следующим образом.

На севере 23 и 24 марта был пересечен Рейн между Везелем и Дуйсбургом, а также севернее этих городов.

Наступление с плацдарма Ремаген началось 25 марта. Оно было направлено на восток (на Марбург — Гисен) и на юго-восток через Лимбург на Франкфурт. Этот удар помешал отступлению 6-й горнострелковой дивизии СС от Рейна через Таунус для состыковки с 7-й армией. Тем самым дивизия была отрезана от остальных войск и уничтожена; лишь ее отдельные части, в том числе и командир, сумели прорваться на восток.

Между 7-й и 1-й армиями образовалась брешь, через которую хлынули войска союзников. К концу месяца 1-я армия отступила — удерживая при этом Рейн на левом фланге, где осталась и 19-я армия, — через Оденвальд до излучины Майна у Мильтенберга, позже до Таубер-Ягста. Штаб XIII корпуса СС командовал на участке у Дерцбаха на Ягсте, позже — у Мергентейма, штаб XIII армейского корпуса с дивизией СС «Гётц фон Берлихинген» — южнее этого района. Здесь она должна была возглавить удар по вражескому флангу, однако вследствие превосходящих сил противника вынуждена была уйти в оборону.

Дальше линия фронта проходила через Брухзаль до Карлсруэ. В этой ситуации главнокомандующий группой армий Хауссер был отстранен от исполнения своих обязанностей (начальник его штаба был отстранен двумя днями позже). Причиной этому послужили расхождения во взглядах относительно ведения войны западнее Рейна и последствия действий Верховного командования.

Общая обстановка была следующей: группа армий «Б» была окружена в Руре. В описании боев восточнее Рейна английские источники упоминают успешные оборонительные бои частей СС и парашютных войск на Дортмундско-Эмзском канале до 6 апреля и восточнее Везера у Ре-

тема в середине апреля. Какие именно это были части, неизвестно.

В центральной части Германии крупные силы противника пересекли Везер и Верру. У нас уже не было сплошной линии фронта. 7-я армия вела отчаянные оборонительные бои, не имея достаточно сил. Уже был недалек тот момент, когда ее остатки будут брошены в Рудные горы.

В Южной Германии крупная группировка войск противника достигла района Вюрцбурга. Здесь тоже не было достаточно сил для обороны. По обе стороны Некара находились вражеские войска, наступающие на юго-восток. 1-я армия до этого времени сумела не потерять связь с другими войсками, 19-я армия все еще находилась на Рейне. Обещанная Верховным командованием дивизия СС «Нибелунги» была только что сформирована на базе личного состава юнкерского училища СС в Бад-Тельце и пока что не могла принять участие в боях.

Любая наступательная тактика ведения войны была исключена. Задача состояла лишь в том, чтобы сохранить связь между войсками, наносить время от времени короткие удары по вражеским флангам, задерживать вражеское продвижение и отводить собственные войска в юго-восточном направлении. Группа армий перестала быть оперативным соединением, стратегических задач не существовало. Меры Верховного командования явно показывали дезорганизацию, которая была увеличена превращением гаулейтеров в «имперских комиссаров обороны».

Излишне, наверное, подробно описывать дальнейшее развитие событий вплоть до 8 мая 1945 года. 1-я армия со штабом XIII корпуса СС, дивизиями СС «Гётц фон Берлихинген» и «Нибелунги» отступила южнее Майна сначала на восток, потом в южном направлении с обеих сторон Нюрнберга до Альп. Битва в так называемой «Альпийской крепости» не была подготовленной. Мысли о ней лишь витали в воздухе. Некоторые боевые группы, такие как горный батальон Галлейна, остатки юнкерского училища в Бад-Тельце и другие, еще приняли участие в затяжных боях. Большое количество воинских частей прибыло сюда. Некие подготовительные действия «Вер-

вольфа»¹ нельзя было принимать всерьез, они имели значение лишь для пропаганды.

Были предприняты меры, чтобы все подразделения СС выполнили условия капитуляции. Лишь некоторые солдаты и офицеры ушли в горы. Военной техники, которую нужно было сдать, оказалось ужасающе мало; по оценке главнокомандующего на Западе, у группы армий «Г» это составило 40 танков и 120 орудий.

События, развернувшиеся на участках групп армий «Х» и «Б», здесь не описаны, поскольку в их составе не сражались крупные подразделения СС. Группа армий «Б» была окружена в Рурском котле. Северная группа армий «Х» была подчинена вновь сформированному командованию на Северо-Западе. Остальные войска, то есть группа армий «Г», подчинены главнокомандующему на Западе, который капитулировал 5 мая.

К началу июля 1945 года около 600 000 солдат, находившихся в его распоряжении, были отпущены на свободу. Все генералы, офицеры Генерального штаба сухопутных войск и все военнослужащие войск СС были переведены в лагеря для военнопленных.

Капитуляция в Италии

Верховный командующий СС и полиции в Италии [обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции Карл] Вольф сыграл совместно с немецким послом в подготовке капитуляции немецких войск в Италии решающую роль. Здесь излишне приводить детали событий. Первая встреча с представителями союзников состоялась в марте 1945 года в Швейцарии. Адольфу Гитлеру было известно о подробностях этого мероприятия; он не дал своего явного согласия на него, а впоследствии запретил. Несмотря на это, главнокомандующий войсками

¹ «Вервольф», «Оборотень» (Werwolf) — подпольная организация, которая должна была действовать на оккупированной противником территории, организовывать акты саботажа, диверсий, террора и т.д. Фактически «Вервольф» должен был стать аналогом партизанского движения в СССР или движения Сопротивления во Франции. — *Прим., науч. ред.*

в Италии, генерал-полковник [Генрих] фон Фитингоф [-Шеель], 29 апреля согласился на капитуляцию с 3 мая. В его подчинении находились более или менее уже прошедшие подготовку новые формирования войск СС, такие как:

- 24-я [горнострелковая] (карстъегерская) дивизия [войск СС];

- 29-я гренадерская дивизия войск СС (итальянская №1);

- высокогорное училище СС в Предаццо;

- военно-геологический батальон войск СС;

- восточно-туркестанский батальон и кавказские части войск СС;

- некоторые боевые соединения, а также, в конце, части соединений, задействованных на Балканах.

Группа, сформированная из немцев, служивших в 24-й карстъегерской дивизии СС, части юнкерского училища в Клагенфурте и резервный батальон дивизии СС «Принц Евгений» с несколькими зенитными группами до 6 мая 1945 года препятствовали прорыву англичан по дороге на Филлах, в то время как другие части обороняли перевал Предил от войск Тито. Тем самым они прикрывали отход немецких частей на север.

Обстановка к югу от Карпат

На Балканах дивизии СС «Принц Евгений», «Ханджар» и «Скандерберг» в составе группы армий [«Е» генерал-полковника Александра] Лёра сражались на совершенно безнадежных позициях. О боях последних двух дивизий деталей не сохранилось.

«Принц Евгений» все больше начинал играть роль последнего боеспособного подразделения группы армий, которому постоянно приходилось спасать ситуацию. Если везде боеспособность войск падала, то здесь было по-другому! Немцы из сербского Баната яснее представляли себе ситуацию. Они знали, что им предстоит. Но и командование дивизии сыграло в этих успехах значительную роль.

В начале года основной состав дивизии с особым ус-

пехом и воодушевлением ликвидировал глубокий прорыв противника восточнее Отока.

Потом местом ее боевых действий стал словацкий район между Савой и Дравой. Облегчение для ведущих тяжелые бои севернее Дуная немецких войск принесло наступление дивизии в середине января в составе XXXIV корпуса [генерала авиации Гельмута] Фельми из района Оток — Вуковар на сильные советские войска и отряды Тито.

[Бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Отто] Кумм принял на себя командование «Лейбштандартом». Его преемником стал [бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Август] Шмидхубер.

Противник сумел частично уйти через Дунай на север. Было захвачено множество трофеев.

В следующей операции, проведенной непосредственно под командованием штаба группы армий в марте, в районе Зеница — Травник, в 100 километрах южнее Савы, удалось спасти уже ставшее критическим положение. Другие части дивизии освобождали части вермахта между Мостаром и Сараево. После боев преследования до Фочи на черногорской границе начались отступательные маневры до района Брода на Саве. Дивизия была вынуждена постоянно обеспечивать отступление других частей, в качестве арьергарда XXI корпуса прикрывать тыл или отражать вражеские атаки с флангов. То же самое повторилось и у Брода под командованием XLIV корпуса и в конце апреля западнее Аграма и Карловаца. Атаки проводились постоянно, с прежним воодушевлением. Так продолжалось до 8 мая, дня капитуляции. Поскольку противник не соблюдал достигнутых договоренностей, арьергардные бои под командованием XLC корпуса затянулись до 15 мая. Лишь в эти последние дни остатки немецких войск после сражений у Цилли прорвались на Крайнбург и Филлах. Основная масса войск попала в плен.

Дивизия «Принц Евгений» служила опорой и образцом для подражания во время боев. Ее стойкость и дух самопожертвования сыграли большую роль в счастливом возвращении многих частей.

Венгрия

IV танковый корпус СС под командованием [обергруппенфюрера СС и генерала войск СС Герберта Отто] Гилле в декабре 1944 года участвовал в боях в составе 2-й армии [генерал-полковника Вальтера Вейсса] группы армий «Центр» [генерал-полковника Ганса Георга] Рейнгартта, восточнее Модлина.

Будапешт был окружен. Без ведома Верховного командования сухопутных войск (Гейнц Гудериан) Верховное командование вермахта 24 декабря отдало приказ перебросить штаб корпуса с дивизиями СС «Мертвая голова» и «Викинг» в Венгрию и освободить Будапешт. Передний край немецкого фронта проходил от озера Балатон через Штульвайсенбург, Мор, за рекой Альталь, у Татабаны, до Дуная восточнее Комарно.

Корпус, подкрепленный 6-й танковой, 96-й пехотной, позднее — 711-й пехотной дивизиями, а также боевой группой Папе и венгерской кавалерией, вошел в состав 6-й армии [генерала танковых войск Германа] Балка группы армий «Юг» [генерала пехоты Отто] Вёлера. Корпус был высажен у Рааба и Комарно; основная часть войск прибыла 31 декабря.

Войска были развернуты по обе стороны Дуная восточнее Комарно. Дивизии (справа — «Викинг», слева — «Мертвая голова») должны были совершить прорыв между Татабаньей и Дунаем. «Мертвая голова» — сначала продвинуться вперед на Дунае, потом обе дивизии должны были двинуться в юго-восточном направлении по лесной местности северного массива гор Вертеш и достигнуть их восточных окраин у Бичке — Жамбека. Соседняя дивизия слева должна была пересечь с северного берега Дунай, облегчить продвижение других дивизий ударом в тыл противника и потом охранять левый фланг. В качестве второй цели был запланирован Будапешт.

Наступление началось 1 января 1945 года в 18 часов, без артиллерийской подготовки. Выходы с гор были сильно заминированы; дороги перекрыты многочисленными противотанковыми заграждениями. Несмотря на это, первые цели атаки были быстро достигнуты. После этого продвижение вперед было замедлено вражескими контр-

ударами в лесу, особенно по открытым флангам. 5 января была достигнута линия Бичке — Жамбек. Вражеское сопротивление становилось все сильнее. Начались контратаки, так что наступление в конце концов пришлось прекратить. Соседние войска не проследовали за дивизиями; охрана флангов съедала слишком много сил.

Оборонительные бои продолжались до 9 января. После этого штаб корпуса решил вывести из боя значительные части «Викинга» и задействовать их на внешнем фланге над Троном (711-я пехотная дивизия) для наступления через горы Пилис на Будапешт.

Это наступление удачно началось вечером 10 января; 11-го был взят Пилисценткеречт. Замаячила надежда подать руку помощи войскам в Будапеште. Расстояние до него составляло примерно 2—3 километра. И тут армия приказала прекратить наступление. Попытки заставить отменить этот приказ потерпели неудачу. Штаб группы армий хотел провести новое наступление из района севернее озера Балатон. Туда 14-го числа по заледенелым дорогам были направлены обе дивизии СС. 1-я и 3-я танковые дивизии вермахта были подчинены штабу корпуса СС.

До 18 января в районе между озером Балатон и Берхидой были развернуты войска в следующем порядке: 3-я танковая дивизия — «Викинг» — «Мертвая голова» — 1-я танковая дивизия.

Наступление началось 18 января, в 4.30 утра. Противник оборонялся ожесточенно. Минные поля, проволока с пропущенным по ней электрическим током замедляли продвижение, так что вторжение во вражеские линии удалось лишь к вечеру. Дальнейшее продвижение произошло веерообразно: дальше всех сначала прошел «Викинг»; 19-го дивизия пересекла канал у Калоца. 20-го правый фланг — 3-я танковая дивизия — достиг Дуная. 21-го 1-я танковая дивизия взяла Штульвайсенбург. 23-го «Викинг» достиг Дуная у Адони. Бои дивизии проходили тяжело и не без кризисов.

25-го корпус, повернутый на северо-восток, на Будапешт, стоял на реке Фоли между Дунаем и Валом. Вражеские атаки усиливались. Мнения штаба корпуса и армии по поводу продолжения наступления разошлись. Пер-

вый хотел наступать на Будапешт, где сопротивление казалось более слабым. Командование требовало продолжения наступления в северо-западном и западном направлениях, где была замечена подготовка сильных вражеских войск западнее реки на нашем левом фланге.

Ожидаемое вражеское наступление сильной танковой группировкой последовало 29 января из Вертеша Аска, по нашему флангу был нанесен глубокий удар. Развернулось большое танковое сражение у Петтенда. Благодаря мужеству добровольческого батальона СС «Норге» (норвежцы), было предотвращено развертывание вражеского фронта. Было уничтожено примерно 200 танков.

Начиная с 30-го вражеские атаки распространились и на позиции 2-й танковой армии, развернутой южнее озера Балатон.

Поскольку позиции уже невозможно было удерживать, корпус вынужден был отступить по обе стороны озера Веленце на запад. Район от озера Веленце до Цамолы остался в наших руках. 12 февраля пал Будапешт. Постепенно наступило спокойствие, которое длилось до 16 марта, когда, после наступления 6-й танковой армии СС, судьба сделала новый поворот.

Братское сердце

Не наступило ли время, наконец, вспомнить вас, тех, кто так неустанно и с часто нам непонятной готовностью к бою был рядом, хотя у нас для вас иногда оставалось только одно слово, которое нередко звучало несколько пренебрежительно: вы были «пособниками» — людьми, готовыми помочь, нет, больше — людьми, готовыми на жертву. Только в жизни часто так бывает: там, где не говорят громких слов, не слышится и слов признания. А разговорчивостью вы не отличались, мы вообще с трудом понимали язык друг друга. Но когда трещали пулеметы, когда грохотали гранаты, когда вокруг нас взрывались земляные фонтаны или снег клубился от пуль, тогда мы, бывало, бросали друг на друга быстрый взгляд, видели ваши живые глаза и знали — мы понимаем друг друга и без слов...

Где ты теперь, верный Василий, Владимир, Григорий — или ты, Степан, с которым мы так много пережили вме-

сте, чего я никогда не забуду... Где-то мы подбирали вас, на улице, когда вы только что собирались удрать на дачу, чтобы выкинуть свою форму в какой-нибудь окоп. Мы вытаскивали вас из какого-нибудь танка, и сначала между нами было лишь недоверие. Вернейшие наши соратники не стали перебежчиками — перебежчики редко хорошо сражаются, как тогда, так и сегодня. Нет, это были те, кого мы победили в бою, не столько оружием, сколько человеческим отношением: взглядом, хлопком по плечу, парой добрых слов, открытым, солдатским отношением, без втирания в доверие — как здесь, так и там. И даже если вы потом оставались с нами, то каждый без слов делал то, что было его солдатской задачей, нашей, а теперь и вашей, так, что вы становились частью нашего большого товарищества. Часто мы дивились на вас, вашу неутомимость, вашу непритязательность. Конечно, везде были и неудачники — но стоит ли их вспоминать ?

Степан! Друг! Помнишь ли ты еще, как в ночь после вашего взятия в плен вы вдруг вдвоем исчезли ? Мы уже думали, что вы снова прибились к дедушке Сталину, ведь кому было смотреть за вами, пленными, у нас самих было вдвое меньше народу, чем у вас... И вдруг, около полуночи, я представляю эту картину, как будто все было лишь вчера: вы вдруг снова оказались у нас! Несмотря на часовых, которые стояли по краю деревни. Вы, вы, пленные, «организовали» кое-что поесть в соседней деревне, где стояли русские, для нас всех, потому что нам, «победителям», говоря простым языком, нечего было жрать. Бог ты мой, это было тогда шокком. И вы все хитро провернули: с помощью пароля «Шарнхорст», который вы, братцы, как-то услышали, вы просто смылись от небольшой охраны и — самое сумасшедшее — вернулись назад. Жиденьким бульоном из свинины мы тогда скрепили наше оружейное братство. Но совсем скоро мы скрепили его и кровью, кровью первого из вас, который вдруг схватился за грудь и беззвучно упал в снег. Мы вроде бы с ним так ни разу и не обменялись ни словом, мы просто лежали все время рядом и стреляли...

Скоро снова 3 февраля! Помнишь ли ты еще, Степан, старый большевистский увалень, чертовски безумную идею тогда пойти на «мощную разведку», там у Сычевки? Плохо пришлось бы нам всем — всему взводу, не задумай мы эту

милую небольшую штуку. И потом — гоп! — и все пошло как по маслу! То, что не могли сделать тридцать человек на заснеженных, лишенных прикрытия полях, мы провернули очень просто, под сталинским кроваво-красным флагом, втроем на деревянных санях и в форме прославленной Красной Армии. Слушай, у меня сердце чуть не выпрыгнуло из глотки, когда мы промчались через первую позицию в Карахо мимо тридцати солдат, которые как раз вроде получали приказы. Но ты так страшно крикнул что-то этим парням, что они, наверное, подумали, что к ним лично прибыл самый верховный из всех военных комиссаров. И мы засмеялись над тем, что старший товарищ продолжал отдавать честь, когда мы давно проехали мимо. Ну, да ладно, рука Вандера Вили уже была готова схватить пулемет под сеном, и все мы втроем были рады, когда, наконец, снова приехали к своим, которые уже отправили нас на тот свет. Но стоило ли тебе, мой неугомонный товарищ, в придачу ко всему в одной из этих дыр заказывать жареную картошку, да еще и у старосты, когда каждую секунду мог кто-нибудь появиться? Ну, с теми тремя «товарищами», на которых мы там напоролась и которые хотели раздобыть картошку для своей роты в соседней деревне, мы еще справились. Только эти парни не хотели идти с нами; в конце концов, не стоит на них за это обижаться. Но потом они все-таки сидели смирно на наших санях и даже не прыгнули, когда мы встретили других на узкой дороге. Ты хотя бы тогда сказал «до свидания» на прощание? Я уже не припомню—у меня тогда что-то болел живот, — ведь, в конце концов, было чертовски безбашенным прихватить с собой еще этих трех парней. Ну, теперь один из них стал очень хорошим стрелком, в то время как другие отправились в лагерь для военнопленных.

Хотя все еще было совсем немного тех, кто добровольно переходил к нам, но, в конце концов, это было и к лучшему. Двумя годами позже, когда летом 1943 года развернулись большие кампании по вербовке, в этом деле стало уже слишком много пропаганды, и полевая кухня играла в ней главную роль. В одном вы не должны завидовать нам: вы выучивали немецкий в три раза быстрее, чем мы русский. После трех лет в России я все еще не знал ничего, кроме «масло», «яйца», «руки вверх» и «спички»... Не слишком много и не впечат-

ляющее свидетельство моих интеллектуальных способностей. А вы, чертовы братья, у которых, несмотря на слои грязи, почти не было блох, вы учили немецкий, чинили моторы фольгой и веревками и грызли ногти, когда вас мучил голод.

Как мы смеялись, когда произошел тот случай с нарукавной повязкой. «Поцелуй меня в з...» было написано на ней по-немецки, потому что Григория, который был слегка неуклюжим и слишком добродушным, все время посылали колоть дрова и принести воды. А вы, в конце концов, пришли к нам не в качестве домашних слуг. И почему парень в таком виде должен был показаться на глаза именно старшине? Он был, очевидно, командиром, но политического такта у него не хватало. «Почему Вы не приветствуете меня!» — набросился он на бедного Григория на деревенской улице. «Никс понимай — украинский!»

Н-да, до нашего бедного старшины не дошло, что происходит, он ведь не знал, что мы между делом завербовали пару товарищей из Красной Армии: ведь откуда-то нам нужно было брать подкрепление. И то, что они еще расхаживают в немецкой форме, чтобы не служить советским снайперам особой мишенью, этого он тоже не сообразил.

«И тут этот парень показывает просто свою нарукавную повязку, потому что не понимает меня. «Поцелуй меня в задницу». Тут действительно растеряешься, что на это сказать... Кроме того, как вы можете позволить, чтобы эти парни бегали вокруг с нашими государственными знаками!»

«Можем, иштурмбаннфюрер. Если они сражаются наравне с нами, то наше товарищество не должно ограничиваться общим правом быть застреленным в бою, но должно распространяться и на каждую пуговицу, в том числе и на государственный знак».

Ну, в общем, впоследствии мы все стали хорошо понимать друг друга. Но горе было, когда приходил новенький, который нахватался политики из газет. Как только мы не бранились на эту теорию недочеловеков, которую сварганил кто-то шибко умный, сидя у себя дома на печке. Но принцип двух классов людей все еще жив, и все же мы можем себя успокоить: никогда еще такие теории не приво-

дили к успеху, стоит только полистать исторические книги, неважно — пару страниц или несколько томов назад...

Тупость, ограниченность и мания величия, однако, пережили все времена и вызывали всегда несчастье за несчастьем.

Типичный символ нашего времени, наверное, — это колючая проволока. Через какое-то время каждый будет иметь опыт сидения за ней или, по крайней мере, будет иметь шанс попасть туда. Но эта колючая проволока опутывает не только тела; колючая проволока, которая сегодня появляется везде, опутывает сердца, и это самое опасное.

И вы тоже кончили за колючей проволокой. Я еще вспоминаю тот момент, когда я, вернувшись из отпуска по здоровью, узнал, что вас «доставили» в лагерь для пленных... Почему?

Ну, потому что на то откуда-то поступил «приказ», один из тех безымянных приказов, которые принесли столько несчастий.

Должны ли мы были вас искать — искать в коричневом море пленных, которые исчислялись сотнями тысяч, может быть, миллионами? Конечно, мы сделали это. Но тогда мы снова натолкнулись на ту колючую проволоку, которая опутывает человеческие сердца... и тут мы оказались бессильны.

Позднее мы много думали об этом, позднее, когда сами сидели за колючей проволокой. Что оставалось нам — пожать плечами, не больше?

Но я все же верю, что в нас сохранилось нечто большее, гораздо большее — нечто, чего не вырвешь силой из наших сердец, нечто, чего не упрячешь от нас за колючую проволоку: большое, на всю жизнь товарищество, которое сотни раз было испытано на том остром, как лезвие, краю пропасти, за которым ждет смерть.

Когда я сегодня вспоминаю всех вас, Степан, то думаю об одном и том же. Где мы можем вас найти, тебя, Владимира, смешного Григория и других... Может, в России? Я не настолько глуп, чтобы верить в это... Последних из вас, тех, кто стоял с нами на поле боя, хотела выдать врагу неискоренимая глупость — «верность союзникам» называлось это на другой стороне. Но вы предпочли выбрать смерть в огне...

И поэтому мы ищем вас там, откуда вас уже никто не

может вырвать — в наших сердцах. Этих сердец, в которых вы живете, еще тысячи, — тысячи, которые остались верны вам, как вы были когда-то верны им... Прощай, Степан, браток...

По поводу дальнейшего использования 6-й танковой армии СС после неудачи в Арденнах взгляды в Берлине резко разошлись. В то время как Верховное командование сухопутных войск (Гейнц Гудериан) предложило операцию по зажиманию противника в «клещи» из Силезии (Глогау — Котбус) и Померании, чтобы обеспечить действенную защиту Берлина, Верховное командование вермахта (Адольф Гитлер) приказало задействовать армию в Венгрии. Не здесь решался исход войны! Военно-экономические причины, нефть у озера Балатон не являлись достаточным основанием для такой стратегии. Таким образом, в конце января был отдан приказ о переброске армии с Западного фронта. Положение на железной дороге позволяло одновременно провозить лишь четыре эшелона, поэтому штаб армии прибыл в район у Рааба 20 февраля, последние части же — лишь в начале марта. Дивизии были кое-как пополнены.

Русские находились перед группой армий «Юг» западнее Дуная: линия фронта делала большой глубокий выступ от Дравы до западного края озера Балатон, — на узком переходе между этим озером и озером Веление — потом, выдаваясь на запад, до горного массива Вертеш, — затем открытой на запад дугой до Дуная у Грона. Севернее Дуная русские удерживали плацдарм западнее реки Грон. Напротив них были задействованы: южнее озера Балатон — 2-я танковая армия, сразу слева от нее 6-я армия [генерала танковых войск Германа] Балка, на Дунае — 1-я венгерская армия, к северу от нее — 8-я армия.

Нужно было внедрить в эту расстановку 6-ю танковую армию СС. Ее задачей было уничтожение русских сил западнее Дуная, перенос нашей линии обороны вперед, на линию реки, чтобы освободить резервы для решающей битвы за Берлин.

Армия сначала состояла из I и II танковых корпусов

СС с дивизиями СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», «Гитлерюгенд», «Рейх» и «Гогенштауфен». Все они были замаскированы под учебные части. Эта маскировка стала лишней, когда с 17 по 22 февраля части I танкового корпуса СС севернее Дуная были использованы на участке 8-й армии для уничтожения советского плацдарма на Гроне. Следствием этого стала перегруппировка противника, который значительно усилил свою группировку южнее Будапешта.

При подготовке к наступлению войска преследовали неудачи. Штаб армии сопротивлялся плану, по которому армии предстояло наступать из узкого прохода севернее озера Балатон в юго-восточном направлении. Штаб неоднократно предлагал альтернативы. Но, к сожалению, план штаба группы армий [генерала пехоты Отто] Вёлера, который был одобрен Верховным командованием вермахта, в этом споре победил. Погода и местность не располагали к операции. Еще 1 марта территория наступления была затоплена. Несмотря на это, Верховное командование вермахта настояло на прежней дате: 6 марта; цель: Дунафельдвар на Дунае.

6-я танковая армия СС состояла из:

— кавалерийского корпуса с двумя или тремя кавалерийскими дивизиями;

— I танкового корпуса СС с 1-й и 12-й танковыми дивизиями СС;

— II корпуса СС со 2-й и 9-й, позднее — с дивизией «Хох-унд Дойчмейстер»;

— III танкового корпуса вермахта [генерала танковых войск Германа] Брейта с двумя танковыми дивизиями. Резервов не было.

Наступление рано утром 6 марта из территории между озерами началось без артиллерийской подготовки и без какой-либо поддержки с воздуха.

Территория была разделена на две части широким каналом и болотами западнее трассы Штульвайсенбург — Чече. Основное направление удара приходилось на правую сторону. Особенности местности позволяли использовать только пехоту. Танки и артиллерию можно было задействовать лишь на дорогах и в населенных пунктах.

Несмотря на это, наступление западнее канала про-

двинулось до канала Сии и Симонторной, в то время как восточнее русские ожесточенно удерживали каждую пядь земли. Здесь I и II танковые корпуса СС сумели лишь незначительно продвинуться вперед. [Вернер] Остендорф тяжело ранен, впоследствии скончался.

Это наступление было запланировано как концентрическое: части группы армий «Балканы» должны были ударить от Дравы в северном направлении, 2-я танковая армия южнее озера Балатон — в восточном направлении; здесь была задействована и 16-я танково-гренадерская дивизия.

Севернее озера Веленце на правом фланге армии Балка в тяжелых оборонительных боях участвовал корпус СС [Герберта Отто] Гилле 3-й и 5-й дивизиями СС. Все случилось так, как и должно было случиться: в сражении наступил перелом, через два дня после начала наступления по участку фронта армии Балка от озера Веленце до Дуная были нанесены сильные удары, основная их мощь при этом приходилась на район севернее Штульвайсенбурга. Соседние слева от армии Балка войска находились под угрозой. 6-я армия СС тотчас прекратила наступление и начала вынужденное отступление.

Корпус Гилле смог в мужественном оборонительном бою предотвратить прорыв противника, что, к сожалению, не удалось к северу от него, где венгры обороняли Вертеши. Таким образом, сильные передовые танковые отряды русских оказались на дороге Штульвайсенбург — Мор, левый фланг корпуса Гилле был окружен.

К этому времени дивизия «Рейх» под командованием [штандартенфюрера СС Рудольфа] Лемана уже двигалась через Вешпрем, чтобы перехватить противника западнее Кисбера и освободить тыл 6-й танковой армии СС.

Штаб армии планировал бросить войска на арьергардные позиции, примерно от Вешпрема до Дуная. В то время как он руководил отводом войск и проходом их через территорию между озерами, группа армий приказала сменить область подчинения командующих армиями Дитриха и Балка. Первый должен был принять на себя командование на участке фронта от района севернее Вешпрема до Дуная над венгерскими соединениями. На юге командовал Балк, который одну за другой отдавал осво-

божающиеся здесь части Дитриху на север. Эти маневры при сегодняшнем рассмотрении кажутся необъяснимыми. Их можно рассматривать лишь как знак недоверия. Освободившиеся части по отдельности были брошены против русских. Лишь дивизия СС «Рейх» единообразной операцией выполнила свою задачу.

Но таким образом невозможно было защитить ни аррьергардные позиции восточнее Папы, ни канал, ни Рааб. Советские войска уже везде стояли западнее этих участков. Теперь уже нельзя было останавливаться: без связи с другими войсками I и II танковые корпуса СС с боями отошли до границы. Дальнейшее отступление — как когда-то в Нормандии — было запрещено сверху. Ради исторической правды здесь стоит упомянуть, что Адольф Гитлер, полностью не разобравшись в фактах, приказал отобрать у дивизий СС манжетные ленты. Однако этот приказ не был передан по инстанции.

В конце марта союзники на Востоке и на Западе стояли уже глубоко на территории нашей страны. Крах был неминуем. С тем, что командование и войска на последнем этапе не везде сражались с прежним боевым духом, нельзя и ни к чему спорить. Задача состояла в том, чтобы кое-как сохранять связь между войсками и отступать на запад. Дальнейшее сопротивление было бесполезно.

Таким образом, невозможно было предотвратить наступление русских, продвигающихся все дальше на запад. Наконец 6-я танковая армия СС после подхода местного подкрепления смогла выстроить слабый фронт от Земмеринга до Дуная у Вены.

Вена была объявлена «крепостью», и генерал [пехоты Рудольф] фон Бюнау назначен военным комендантом; однако в распоряжении у него были лишь остатки дивизии СС «Рейх», местные зенитные части и фольксштурм. Было ясно, что Вену удержать невозможно.

Последнее сопротивление было оказано у подножий Альп через Санкт-Пелтен до Кремса, дивизия СС «Рейх» с частями на Эннсе, с фронтом, обращенным на запад. Другие ее части были переброшены в район Дрездена. Боевая группа «Богемия и Моравия» [бригадфюрера СС и генерал-майора войск СС Августа Вильгельма] Грабандта, составленная из учебных подразделений, участ-

вовала в боях севернее Дуная до Теи, некоторые ее части—и южнее Дуная.

Дивизия СС «Мертвая голова» из корпуса Гилле пересекла Дунай в северном направлении. Остатки отступили южнее озера Нойзидлер вместе с армией Балка. На юге к ним через Радкерсбург присоединилась 2-я танковая армия, в ее составе — 16-я дивизия СС. Ее тоже разделили, части были повернуты на север, на Фронлайтен, другие заграждали проходные дороги в Штайермарке.

Капитуляция застала соединения в следующем положении: основная часть сдалась американцам; лишь дивизия «Мертвая голова» — русским. Штаб корпуса Гилле с «Викингом» и 14-й галицийской дивизией СС — последняя до этого сражалась в Штайермарке — присоединились у Радштадта на Верхнем Эннсе к движущимся с запада войскам главнокомандующего на Западе.

Нехватка места не позволяет здесь рассказать о трагическом конце дивизии «Мертвая голова», о ее передаче американцами русским. Она сражалась к северу от Дуная у Штокерау и Кремса, потом отступила на Цветтель, чтобы достичь американской демаркационной линии. Затопы на дорогах из-за войск и беженцев, нехватка топлива замедляли движение. Вовремя достичь линии Прегартен — Фрайштадт было уже невозможно. Командир дивизии вступил в переговоры с русскими; со второй встречи он не вернулся.

Основная часть дивизии достигла демаркационной линии лишь после полуночи; несколько часов решили судьбу дивизии. Американцы воспрепятствовали переходу ее на их сторону. Ярость и отчаяние наших солдат дошли до предела. Заграждения были сломаны, части разоружены и приведены в долину. Дивизия находилась там вместе с частями вермахта, парашютистами и полицейскими соединениями. Все были полностью измождены, без продовольствия и воды. Дальнейшие события развивались по уникальному сценарию: в следующие ночи скрытно долина окружалась танками, как изгородью. Вечером третьего дня по громкоговорителю сообщили, что завтра начнется марш-бросок на Линц для освобождения. Это было обманом! Марш-бросок, проведенный под

строгой охраной танков, привел прямо к русским, где их встречали с возгласами: «Никто из вас не вернется назад!» Детали передачи здесь описывать излишне. Многие не достигли конечной цели; лишь несколькими удалось сбежать.

Восточный фронт к северу от Карпат

В начале 1945 года линия фронта проходила от окраины Карпат — примерно через Дукельский перевал, заворачивая обратно к Висле, русским предмостным укреплением у Баранува на реке Сан, потом примерно по Висле до Буга, потом вдоль Нарева до устья Бобра, на границе Восточной Пруссии у Хайдекруга, и, наконец, от Либау до Тукумса.

Основная часть дивизий находилась:

— примерно 12 дивизий — в Италии, на Балканах и в Венгрии, на Западном фронте — 7 и в Курляндии — 5;

— между Карпатами и Балтийским морем — лишь отдельные части;

— новые формирования в Германии: примерно 3—4 дивизии и резервные части.

Исходным пунктом оперативного развития событий года стало советское наступление 12 января 1945 года на Висле, сначала из плацдарма у Баранова, потом оно расширилось на участок между Пулавой и Варшавой, далее от устья Нарева и восточнее Инстербурга. Это наступление привело к развалу Восточного фронта — группы армий «А» (позднее «Центр») и «Центр» (позднее «Север»).

Противник сначала ударил фронтально на запад, лишь в Восточной Пруссии — с помощью тактики «клещей».

В конце месяца была достигнута линия Ноймаркт — Бойтен — Одер выше Бреслау, а также линия восточнее Торуня — Эльбинга, и Восточная Пруссия отрезана с юга и северо-востока. На этой линии фронта находились лишь слабые части, особенно у Познани и южнее ее. Немецкая восточная граница была более или менее открыта. С 20 января 1945 года советские войска находились на немецкой земле.

Лишь в начале февраля удалось сдержать наступле-

ние. Для построения новой линии фронта из переименованных групп армий «Центр» и «Север» была сформирована группа армий «Висла», куда вошли новые и старые подразделения.

Трагедией, нет, преступлением, было в это напряженнейшее время доверять эту группу армий Генриху Гиммлеру. Его деятельность на Рейнском фронте не принесла ему достаточно опыта. Что было тому причиной? Недоверие, тщеславие и интриги Бормана...

Его начальник штаба, опытный фронтовой командир, не был подготовлен к данной должности. Единственный плюс в этом назначении Гиммлера состоял лишь в том, что он, как главнокомандующий Армией резерва, мог распоряжаться ее вспомогательными силами. Данный труд не имеет своей целью описывать развитие событий на участке фронта этой группы армий, остановимся лишь на кратком обзоре и данных об участии в боях войск СС.

Штаб Гиммлера сначала разместился в Дойч-Кроне, потом в Крессинзее и, в конце, в Пренцлау. Меры по сдерживанию наступления русских были приняты на линии и за линией Бреслау — Познань (здесь юнкерское училище СС Брауншвейг) — Бромберг. Остатки 9-й армии отступили на Средний Одер. 2-я армия достигла примерно линии Торунь — Эльбинг. Обе были подчинены Гиммлеру.

Для связи обеих армий был задействован вышестоящий штаб [обергруппенфюрера СС и генерала войск СС Карла Марии] Демельхубера (до этого — руководящий штаб Балтийского побережья), который принял на себя участок Шнейдемюль — Бромберг — Висла. Ему были подчинены, кроме частей вермахта и зенитных подразделений: 15-я дивизия СС (латыши, подтянутые с середины 1944 года из Курляндии в район Хаммерштейн — Кониц для переформирования), 48-й моторизованный полк СС (голландцы) и унтер-офицерское училище СС в Лауенбурге.

Был взят Накло; сеть опорных точек невозможно было уже удерживать. Угроза на левом фланге и с тыла заставила отступить на Флатов, позднее — за Кюддов у Ястрова. Контратаки, окружение и выход из него на север на Ландек принесли большие потери, так что дивизию пришлось вывести из боев. Она мужественно сражалась и

поэтому смогла позднее снова участвовать в боях в составе корпусной группы генерала [пехоты Генса] фон Теттау и позже отступить с боями на запад из Померании. Ее командир [оберфюрер СС Герберт] фон Обвурцер погиб.

На Одере была выстроена новая линия фронта. Правая граница с группой армий «Центр» (командующие [генерал-полковник Йозеф] Гарпе, позже — [генерал-полковник Фердинанд] Шёрнер) проходила примерно в месте впадения Нейсе в Одер у Губена. На участке отсюда до Фрайенвальде были задействованы под командованием 9-й армии штаб V горного корпуса СС под командованием [обергруппенфюрера СС и генерала войск СС Фридриха] Вильгельма, позже — [обергруппенфюрера СС, генерала войск СС и полиции Фридриха] Еккельна и XII корпус СС [обергруппенфюрера СС и генерала войск СС Маттиаса] Клейнхейстеркампа.

На южную часть фронта (то есть в подчинение штаба V горнострелкового корпуса СС) в ускоренном порядке были переброшены основные составы резервных подразделений школ для формирования дивизий; это было возможно главным образом во время военных действий. В неописуемо тяжелых условиях возникали импровизированные соединения. К ним относились: 32-я танковая дивизия СС «30 января» (командиры [оберфюрер СС Адольф] Акс, [штанدارтенфюрер СС Йоханнес] Мюленкамп, [штандартенфюрер СС Ганс Вильгельм] Кемпин), созданная на базе училища моторизованных частей СС. Она была слаба пехотой, но зато сильна артиллерией, своего рода «артиллерийская дивизия». Участвовала в боях в районе Фюрстенберга — Финкенхеерда против вражеских передовых укреплений. 36-я гренадерская дивизия СС была сформирована в феврале в учебном лагере Курмарк из остатков штурмовой бригады СС, солдат всех подразделений вермахта и рекрутов под командованием [бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС Фрица] Шмедеса. Также в дивизию влились остатки юнкерского училища СС в Познани-Трескау (бывшей раньше в Брауншвейге), которые были спасены после боев за Познань. Эта дивизия приняла участие в боях на фронте справа от 32-й дивизии СС. 35-я полицейская дивизия СС была сформировала из частей полиции порядка.

Командование в Кюстрине взял на себя [группенфюрер СС, генерал-лейтенант войск СС и полиции Генрих] Рейнефарт. В конце месяца 9-я армия была сброшена с дуги Одер — Варта, а северный фланг войск Жукова продвинулся до линии Золдин — Арнсвальде.

К северу от 9-й армии находилась переформированная 3-я танковая армия под командованием генерал-полковника Эрхарда] Рауса. От Фрайенвальде до Гарца штаб XIV корпуса СС [обергруппенфюрера СС, генерала войск СС и полиции Эриха] фон дем Бах-Зелевски сформировал Одерский корпус из армейских, зенитных, морских подразделений и местных соединений СС. На плацдарме Шведт сражалась боевая группа [оберштурмбаннфюрера СС Отто] Скорцени, после того как она предотвратила русский прорыв у Кёнигсберга.

Дальнейшая линия фронта, участок 2-й армии, выдавалась через Померанию, Западную Пруссию до Коница.

Восточная и Западная Пруссия были отделены друг от друга.

В этот район были переброшены 4-я полицейская дивизия СС из Венгрии; дивизия СС «Фрундсберг» с Рейнского фронта; III танковый корпус СС [обергруппенфюрера СС и генерала войск СС Феликса] Штейнера, с дивизиями СС «Нордланд», «Нидерланд» (голландцы) из Курляндии (с конца января до середины февраля), а также боевые группы СС «Лангемарк» (фламандцы), «Валлония» (валлонцы), «Шарлемань» (французы). К ним присоединились местные части из резервных подразделений.

Контрнаступление

Основные силы обороны всех фронтов находились, безусловно, на Восточном фронте, поскольку здесь положение было особенно критичным. С 3 по 8 февраля противник достиг Пирица и Дойч-Кроны, построил плацдарм на Одере у Кюстрина, а также предпринимал атаки за линией Пириц — Арнсвальде.

На этот фронт должны были быть стянуты все имеющиеся резервы для отвлекающего удара. Верховное командование сухопутных войск (Гейнц Гудериан) хотело провести его из района Глогау — Котбус и с севера из По-

мерании. Наконец-то Верховное командование отпустило дивизии с Западного фронта после неудачи наступления в Арденнах, но они были переброшены не на немецкую территорию, а для наступления в Венгрии! Детали описаны в разделе об этих боях. Таким образом, для удара из Померании в распоряжении находились лишь незначительные силы.

Наступлением командовал Штейнер, который был назначен командующим 11-й армией, развернутой рядом с 3-й танковой армией.

В наступлении участвовали: II [армейский] корпус вермахта, XXXII танковый корпус вермахта с дивизией СС «Фрундсберг» [бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС Гейнца] Хармеля и Полицейской дивизией СС [штанدارтенфюрера СС Вальтера] Харцера; II корпус СС с дивизиями СС «Нордланд» [бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС Иоахима] Циглера и «Нидерланд» [бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС Юргена] Вагнера, корпусом командовал [генерал-лейтенант вермахта Мартин] Унрейн.

Наступление должно было вестись примерно из линии Шведт — Пириц — район севернее Арнсвальде — Киллис на опорные пункты Кюстрин — Ландсберг (на южном направлении). Основной удар приходился на район восточнее озера Мадюзее, от XXXII танкового корпуса у «Фрундсберга» между Фаулен-Иной и железной дорогой, на участке Полицейской дивизии между железной дорогой и Иной; III корпус СС находился сразу слева этих войск.

Обстановка требовала быстрых действий. Полицейскую дивизию пришлось вывести из района ее боевых действий у Пирица; III корпус СС находился на подходе. Времени на разведку и подготовку не оставалось. Подтянутые для прикрытия войска были окружены русскими в Арнсвальде.

Наступление с 16 по 19 февраля против сильно превосходящих сил противника имело лишь ограниченный успех, в большинстве своем на участке Полицейской дивизии. III корпусу СС удалось освободить Арнсвалде. Сразу же последовали сильнейшие атаки русских. Наше наступление было прекращено, достигнутые позиции удерживались. Полицейская дивизия была выведена из боя и

была предназначена для подкрепления сил у Данцига. Ее участок приняла на себя дивизия «Фрундсберг».

Восточная Пруссия была потеряна, Кёнигсберг окружен. Познань также с 24 февраля уже невозможно было удерживать.

Март 1945-го

Продолжение советских атак в Померании привело 1—4 марта к их прорыву к Балтийскому морю. 3-я танковая армия на Одере была отсечена от 2-й армии, находившейся восточнее. Первая отступила назад, до 10 марта удерживала большой плацдарм у Штаргарда, потом до 13 марта — маленький у Альтдамма и, в конце, Одер по обоим сторонам Штеттина.

Командование 3-й армией принял на себя генерал [танковых войск Хассо] фон Мантейфель, Штейнер был назначен командиром своего старого корпуса.

13 марта русские окружили Кюстрин. Попытки прорвать кольцо из плацдарма Франкфурт и установить сообщение с гарнизоном города провалились. Временно на этом участке фронта — Зееловских высотах — была задействована дивизия СС «Фрундсберг».

20 марта начальнику Генерального штаба [генерал-полковнику Гейнцу Гудериану] наконец удалось добиться снятия Генриха Гимmlера с его должности [главнокомандующего группой армий «Висла»]. Его преемником стал генерал[-полковник вермахта Готтагрт] Хейнрици. Уже не стоит здесь делать выводы о Гимmlере как о военном командире. Теперь он снова мог посвятить себя своим многочисленным ведомствам, если это еще имело смысл.

Группа армий [генерал-полковника Фердинанда] Шёрнера на юге удерживала Одер, противник смог совершить прорыв только у Оппельна 23 марта.

В конце месяца Гитлер распрощался с начальником Генерального штаба [сухопутных войск] генерал-полковником Гудерианом¹. Войска СС были знакомы с ним

¹ Его преемником стал генерал пехоты Ганс Кребс. — *Прим. науч. ред.*

еще с довоенных времен. В 1940 году во Франции наши части временно находились под его командованием. На Восточном фронте в 1941 году уже дивизия СС «Рейх» гордо несла на своих машинах литеру «G», означающую принадлежность к танковой группе Гудериана. Мы многим обязаны ему как генерал-инспектору танковых войск. Он всегда ценил нас как солдат и признавал наши заслуги.

Французская дивизия СС «Шарлемань»

Ее предшественником был Добровольческий легион, полк, который, будучи в составе вермахта, уже в декабре 1941 года участвовал в боях на Восточном фронте, а позже использовался в антипартизанских операциях в Центральной России.

В июле 1943 года французское правительство [Виши] признало за своими гражданами право добровольно вступать в части СС. Первое образование — батальон — получило боевое крещение в августе 1944 года в составе 18-й дивизии СС. Критическое положение немецких войск при отступлении на отрезке Занок — Тарнов потребовало немедленного, хоть и преждевременного, участия вновь образованного батальона. Молодой батальон сражался с небывалой отвагой и понес тяжелые потери.

Из остатков батальона, новых добровольцев и подразделений французской милиции в военном лагере Кониц была сформирована 33-я гренадерская дивизия войск СС «Шарлемань», командиром которой был назначен [обер-фюрер СС Эдгар] Пуа. Ее первоочередной задачей было представлять Францию на Восточном фронте в рядах защитников Европы от большевизма. События на Востоке вскоре потребовали введения дивизии в бой. В конце февраля 1945 года вновь сформированные части подошли к месту дислокации группы армий «Висла». Положение было критическим. Дивизия попыталась задержать превосходящие силы противника в местечке западнее Шлохау, к северу от 15-й латышской дивизии СС. Тем не менее, несмотря на проявленные храбрость и мужество, попытка не увенчалась успехом. Прорыв вражеских войск вынудил отдельные части отступить на северо-восток; они присоединились к 4-й полицейской ди-

визии СС, вместе с которой впоследствии защищали Готенхафен (Гдыню). Сама же дивизия была вынуждена отступить на север; боевая группа осталась оборонять Нойштеттин. Между тем южнее Бельгарда дивизия получила свежие пополнения.

Вследствие прорыва русских к Балтийскому морю особенно остро встала необходимость укрепить на Парсете фланг отступивших в Восточную Померанию частей. Мощный танковый прорыв врага 4 марта привел к тому, что дивизия оказалась в ловушке между Парсетой и Кёслиным. Был получен приказ прорываться на запад. Прорыв проводился силами трех боевых подразделений. И только одному из них (во главе с инспектором французских подразделений [бригадфюрером СС и генерал-майором войск СС доктором Густавом] Крукенбергом) удалось 12 марта соединиться с войсками генерала фон Теттау на плацдарме Дивенов. Вторая группа командира дивизии Пуа предприняла попытку отступления через Бельгард, но была обнаружена и уничтожена. Части до 18 марта обороняли Кольберг затем отступили и были передислоцированы морским путем.

Третья группа была практически полностью уничтожена в Кёслине. Из оставшихся в живых под Нойштеттелицем был сформирован штурмовой батальон СС. 23 апреля он был переброшен в Берлин и присоединен к понесшей значительные потери дивизии «Нидерланд». О сражениях с 26 апреля и до печального конца повествуют участники событий в своих воспоминаниях.

Резервные части не смогли присоединиться к ним. Они сражались в союзе с дивизией СС «Ниbelунги» в районе Дунай — Изар. Между строк этой сухой и трезвой сводки прорывается песня о подвигах. Деяния этой дивизии нашли достойное место среди героических сражений, которые вели французские солдаты. Так пусть же они будут признаны и у себя на родине!

Бои 4-й полицейской дивизии СС

Сразу же после поражения в Померании дивизия была отправлена по железной дороге в Диршау и прикомандирована ко 2-й армии, ей предстояло усилить оборону

Данцига. Вскоре после ее прибытия началось наступление советских войск в Померании, которое привело к прорыву на Кёслин. Начиная с 10 марта, дивизия, входившая в состав IV танкового корпуса, являла собой правое крыло обороны в районе Готенхафен — Данциг (с приданными ей частями военно-воздушных и военно-морских сил). Здесь необходимо добавить, что в районе Руммельсбурга сражалась 15-я латышская дивизия СС.

Полицейская дивизия СС особенно отличилась в боях, как на своем, так и на соседних участках, хорошо вооруженная и поддерживаемая как с суши (зенитными орудиями), так и с моря. Начавшийся 20 марта прорыв советских войск на Сопот разделил район Готенхафен — Данциг на два, первый из которых удерживался силами Полицейской дивизии СС, 7-й танковой дивизией и остатками 3-й пехотной дивизии.

27 марта защитники были вынуждены отступить к «оксхейфтерским полям» — плоскогорью перед небольшим портом Оксхейф. Южнее шли бои в городе Готенхафен. Драматические бои продолжались до 4 апреля. Русские делали все возможное, чтобы прорвать оборону защитников и сбросить их в море. При мощнейшей поддержке артиллерии, танков (новый тип «Сталин»¹) и огневой поддержке они раз за разом проводили атаки по всему периметру и сжимали кольцо вокруг защитников.

Обороняющиеся войска находили все новые возможности закрепления на позициях. С тыла защиту обеспечивала морская артиллерия и мощные зенитные установки. Собственная артиллерия испытывала недостаток боеприпасов. Особо продуктивным было сотрудничество с 7-й танковой дивизией. На левом фланге пришлось сдать врагу город Готенхафен. Мирные жители, раненые и все необходимое было эвакуировано.

Тем не менее росла уверенность, что дни обороны сочтены. Штаб 2-й армии находился слишком далеко в Пиллау. Сверху спускали приказ за приказом: «Стоять до конца!»

Не было сил и возможности сдерживать вражеские вы-

¹ Имеется в виду тяжелый танк ИС-2 («Иосиф Сталин»), вооруженный 122-миллиметровой пушкой, который был принят на вооружение Красной Армии 4 сентября 1943 года. — *Прим. науч. ред.*

лазки, вражеским атакам противопоставить было нечего. Все необходимое для ведения боя было уничтожено.

[Штандартенфюрер СС Вальтер] Харцер взял на себя инициативу по эвакуации. В качестве исключения он обратился напрямую к Гиммлеру. Гудериан высказал свое согласие, тем не менее Верховное командование вермахта сказало решительное «нет».

И все-таки началась подготовка к эвакуации морским путем. Командование планировало выполнить задуманное за четыре ночи, неизвестным оставалось только решение штаба армии. Командующий разрывался между требованием подчиниться и ответственностью за солдат. Это была та же ситуация, как когда-то под Харьковом! Харцер торопил и совместно с другими командирами дивизий принял решение эвакуироваться 4 апреля в 20 часов, что и было благополучно претворено в жизнь. Штаб корпуса дал наконец-то, уже после начала эвакуации, свое согласие. Полицейская дивизия взяла на себя арьергардные бои.

С рассветом корабли достигли Хелы, отступление прошло успешно, с учетом предыдущих операций было спасено около 10 000 солдат дивизии. Корпус [«Хела» генерала пехоты Карла Вильгельма] Шпехта, который до этого был заместителем командующего вермахтом в Данциге, использовал дивизию для защиты береговой линии.

12 апреля остатки дивизии в сопровождении конвоя были переправлены в Свиномюнде. Конвой шел под постоянными атаками самолетов-торпедоносцев и потерял часть транспортов. В середине апреля дивизия была высажена на берег. Свое тяжелое вооружение она еще раньше вынуждена была оставить в Хеле. Дивизия поступила в распоряжение III танкового корпуса СС. С помощью спешного пополнения силами парашютного полка, остатками дивизии СС «Нидерланд», а также частями армии и люфтваффе ее снова удалось сделать боеспособной.

Решающее советское наступление на Одере

Наступление началось 16 апреля 1945 года по двум основным направлениям: на юге со стороны района Губен — Форст с целью подобраться ближе к Берлину и на

севере — с обеих сторон Врицена, между Кюстрином и Фрайенвальде, в направлении Ораниенбурга. Именно здесь 19 апреля Красной Армии удался прорыв, несмотря на героическое сопротивление войск на Вриценовских высотах.

Обороняющаяся группировка была разбита. В центре долгое время наступление врага на территории от устья Нейсе до Кюстрина сдерживала 9-я армия, но она была обойдена с двух сторон и, позднее, окончательно окружена в районе Губен — Мюльрозе — Фюрстенвальде — Кенигсвустерхаузен — Люббен. Только 28 апреля с тяжелыми потерями ей удалось выйти из окружения и с другими отступавшими смешанными боевыми группами, пройдя через Барут, соединиться с [12-й] армией [генерала танковых войск Вальтера] Венка у Бельцига. Гарнизон Кюстрина под командованием [группенфюрера СС, генерал-лейтенанта войск СС и полиции Генриха] Рейнефорта к тому времени вырвался из окружения. Подробности боев неизвестны, в особенности боев штаба V горнострелкового корпуса СС и XII [армейского] корпуса СС. Выход из окружения оказался возможным в первую очередь благодаря 32-й дивизии СС, которая сначала взяла на себя прикрытие южного фланга, а затем пробилась к армии Венка. Вновь сформированные 35-я полицейская дивизия СС и 36-я гренадерская дивизия СС были втянуты в этот водоворот уничтожения в районе Хальбе — Тройенбрицен.

Группе армий Шёрнера тоже пришлось отвести свой левый фланг вплоть до линии Мускау — Риза на Эльбе. Таким образом, советским войскам удалось, практически не встретив сопротивления, занять весь район Нидерлаузица, окружить Берлин с юга и в низине объединиться с соединениями американцев. Также неизвестны детали боев группы армий Шёрнера. Бреслау держался практически до конца, Глогау — до начала апреля. В Бреслау в бой были введены местные части войск СС. Боевая группа Беслейна, штурмовой полк Мора и полк «Гитлерюгенда» оказали героическое сопротивление.

Дивизия СС «Фрундсберг» в середине марта была переведена в качестве резерва из района Штеттина в распоряжение группы армий, расквартированной в Гёрлице, а

затем переброшена в район Котбус — Шпремберг, то есть за левый фланг. К сожалению, дивизия была разделена на две боевые группы, которые были переданы в подчинение двум различным корпусам 4-й танковой армии. Одна из боевых групп была использована в середине апреля для нападения со стороны плацдарма Шпремберг.

Прорыв русских на левом фланге вплоть до Шпреи положил конец этому продвижению. Положение становилось безнадежным. Нужно было пожертвовать восточным берегом реки. На западном берегу вскоре дивизия с частями армии и зенитной батареей была окружена. Тем не менее Верховное командование 20 апреля все еще продолжало настаивать на продвижении на восток. Это было невыполнимо. Вместо этого дивизия вырвалась из окружения на запад по направлению на Эльстер. Это привело к тому, что принявший это решение ее командир [бригадфюрер СС и генерал-майор войск СС Гейнц] Хармель был отстранен Шёрнером от должности. Под Гросенхеймом удалось соединиться с другими частями. Боевая группа была отдана под непосредственное командование генерал-фельдмаршала Шёрнера. Отступление продолжалось через Морицбург, северные окраины Дрездена, Науендорф — Шмидеберг — здесь последовала долгожданная и весьма удачная поддержка штурмовой авиации [полковника Ганса Ульриха] Руделя. На всем пути отступления шли упорные бои. Под Альтенбергом отступающие войска миновали Рудные горы и достигли Оссига. Отсюда остатки армий стали пробиваться дальше на запад. Также и отрезанная от остальных войск Котбусская боевая группа отступала с боями к Эльбе.

В составе этой группы армий боролась и 18-я дивизия СС [оберфюрера СС «Шорша»] Бохмана. В марте она была отведена из Моравско-Остравы в Силезию, сражалась в районе Леобшюц — Егерндорф — южнее Нейсе и отступила в апреле в Исполиновые горы на участок Бад-Карлсбрунн — Вармбрунн — Гиршберг — Лен. До этого здесь сражалась 20-я эстонская дивизия СС. В конце января она была передислоцирована с полигона Нойхаммер в Бриг. После боев на Одере и под Опельном она, в конце концов, попала в окружение севернее Нойштадта. Попытка прорыва кольца принесла тяжелые потери (в

том числе погиб командир дивизии [бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Франц] Аугсбергер). Прорыв удался лишь на северо-западном направлении, где в районе Ландесхута — Хиршберга отступающие части продолжали оказывать сопротивление. Попытка после капитуляции отступить на запад и сдаться американцам не удалась. После перехода через горы остатки войск попали в плен к советским войскам у Габлонца.

В мае генерал-фельдмаршал Шёрнер двинул войска 18-я дивизии СС через Рейхенберг на Мельник, чтобы в этом месте форсировать Эльбу. В боях с русскими и чехами этот маневр удался лишь отдельным частям дивизии. На этом ее участие в войне завершилось. Незадолго до этого Бохман также был снят с поста Шёрнером. Его преемник [штандартенфюрер СС Генрих] Петерсен застрелился, избежав тем самым русского плена.

Части дивизии СС «Рейх» после отступления из Венгрии были передислоцированы из Австрии в Дрезден. Но до этого пункта добрались не все.

Отдельные части из Богемии и Моравии и в особенности из Праги, возглавляемые командующим войсками СС [группенфюрером СС и генерал-лейтенантом войск СС графом Карлом фон] Пюклер-Бургохаузом, потерпели поражение и были разбиты. Бои в Праге представляют собой особенно мрачную главу войны.

Восстание чехов началось 5 мая. С немецкой стороны отсутствовало единое командование разрозненными частями вермахта, полиции и войск СС, которые состояли большей частью из молодых фольксдойче. Отдельные бои развернулись за Молдавский мост, вокзал Мазарик, правительственный район города и пригород Панкрац. Толпа неистовствовала, над военнослужащими и гражданским населением устраивались самосуды. Американские войска продолжали стоять на линии Карлсбад-Пильзен — Будвейс. Лишь отдельные немецкие части смогли спастись, пробившись к ним.

Восстание в Праге

«Огонь!» Я вижу яркую вспышку, затем у меня из рук вылетает стакан, а меня швыряет на землю. Когда я вновь пришел в себя, то почувствовал, что оглох на правое ухо, а

мои волосы опалены. Облако дыма окутывало балкон, на котором мы сейчас стоим. Наш пулемет молчит. Справа от нас по улицам гремят самоходные артиллерийские установки, направляя орудия в сторону домов. Из дверей домов выходят чехи с поднятыми руками и пепельно-бледными лицами... (Это моя встреча с «Золотым городом» Прагой.) Я думаю о тех женищинах, которых мы вчера нашли в одном из подвалов: связанными, избитыми, обезбещенными.

7-я рота, во главе — обершарфюрер Хазе, приступает к штурму Молдавского моста, в то время как мы обеспечиваем огневую поддержку. Из автомата нашего обершарфюрера брызжет огонь. Гром небесный, совершенно не скажешь, что у него ампутирована нога, еще с самой Франции. Тогда, на канале Ла-Бассе, он почти попрощался с жизнью, но все равно захотел вернуться обратно на фронт. И вот сейчас он вздрагивает, весь сжимается, безуспешно и беспомощно, словно ища поддержки, хватается за воздух и, наконец, оседает и заваливается. В тот же момент ко мне подскакивает связной: «Сейчас же остановить огонь! Вас требуют немедленно в полк!»

Пять минут спустя я стою перед командиром. Несмотря на его внешнее спокойствие, я замечаю, что он возбужден. В нескольких словах он обрисовывает мне положение: «Русские быстрыми темпами надвигаются с севера на Прагу. И там нет никого, кто бы мог задержать их хотя бы на час. Нам ничего не остается, кроме как вступить в переговоры с чехами и прорываться на запад к американцам». И, заметив мое удивленное лицо, продолжает: «Счет идет на часы! Даже будучи боеспособным полком с артиллерией и танками, мы ничего не можем сделать за такое короткое время. Кроме того, — его голос становится тише, — мы достигнем нашей цели, обойдясь без ненужных жертв. Вы пойдете парламентом к чехам. Обершарфюрер В. будет Вас сопровождать».

На Молдавском мосту мне машет рукой оберштурмфюрер Бушман: «Еще сто метров, там за баррикадой они залегли!» Обершарфюрер держит в руках белый флаг, у меня неприятное ощущение в животе. Пройдя пятьдесят метров, мы видим, как появляется офицер и идет нам навстречу, лейтенант правительственных войск. Мы останавливаемся. Еще двадцать метров. Он вытягивает в нашу сто-

рону руку: «Лейтенант Хицин! — Вежливый поклон в нашу сторону. — Разрешите провести Вас к командиру». Все это он произносит на безупречном немецком, с серьезным лицом, без ноток ненависти. Два метра молчания, затем: «Я учился в Берлине и в Париже». Пауза. «Вы причинили нам слишком много горя, отсюда и ненависть. Сложно с этим что-то поделать. Но зачем нужны еще жертвы? Война окончена. Вслед за Вами придет Красная Армия, и кто знает, что тогда будет!»

Я ничего не успеваю сказать. Как же коротки пятьдесят метров...

За баррикадой они сидят на корточках, в униформе и в гражданском, с немецким оружием. Я наталкиваюсь на полные ненависти взгляды. Меня проводят к полковнику, которому я передаю то, что должен сказать. Полковник выслушивает меня молча, затем исчезает куда-то на десять минут и возвращается с майором и человеком в штатском. Эти оба сопровождают меня к месту дислокации нашего полка.

Через несколько часов заграждения на улицах убраны. Наш полк боевым построением марширует через Прагу, на наших машинах сидят мужчины, женщины и дети. На улицах стоят чехи с опущенным оружием.

Позже нас обгоняет командир. Когда он проезжал мимо, ни один мускул не дрогнул на его лице. Он хочет весь полк, в полном составе, передать американцам, с честью, как настоящих солдат, встретить победителя.

Появляются и первые американцы. Это высокие худые ребята с татуированной головой индейца на руке. «Все как на подбор, подошли бы для Лейбштандарта», — сухо говорит Гейнц рядом со мной.

Командира сразу окружили, мы видим, как он выходит из машины — в этот момент долговязый американец протягивает руку к его шее, срывает с нее крест и показывает его, смеясь, своим товарищам... Мы поднимаем оружие, но командир машет нам рукой.

Никогда не забуду его лицо: гордость, презрение... сочувствие, все отпечаталось на нем.

Неужели так и выглядит конец ?

В.К.

Атаки в нижнем течении Одера севернее места прорыва последовали позднее, хоть и не с прежней силой. Южному флангу 3-й танковой армии требовалось скорейшее прикрытие. Обе дивизии III танкового корпуса СС «Нордланд» и «Нидерланд» были переброшены в помощь 9-й армии и вступили в бой восточнее Берлина.

«Нордланд» воевала северо-восточнее Берлина и позже была вынуждена отступить к столице. «Нидерланд» была брошена в бой западнее Франкфурта, страховала в арьергарде части 9-й армии и отошла к Эльбе южнее Берлина. Зато из Готенхафена прибыла Полицейская дивизия, которая поступила в распоряжение III танкового корпуса СС.

3-я танковая армия отступала, кое-как сохраняя боевой порядок. Корпус СС Штейнера прикрывал с 20 апреля ее южный фланг: сначала на канале Финов под Эберсвальде, вскоре, по мере продвижения русских, — западнее на канале Руппинер и на Верхнем Хавеле под Ораниенбургом, а с 24 апреля — по дороге на Шпандау и, своими передовыми силами, на канале Гогенцоллерн. Наряду с полицейской дивизией СС на левом фланге была также задействована 3-я дивизия морской пехоты.

В эти дни Берлин был уже окружен. Лишь на западе в направлении Шпандау существовал узкий, всего 15 км в ширину, проход. Все надежды Гитлер, который закрылся у себя в канцелярии, возлагал на попытки деблокировать слабую армию Венка, попавшую в окружение на Эльбе. Но [12-я] армия Венка дошла лишь до района Белица, 28 апреля — до Ферха и левым флангом — почти до Науэна. До этого района смогли пробиться и боевые группы 9-й армии. Левый фланг имел слабую связь с корпусом Штейнера.

Последнему также, лично — через [начальника Верховного командования вермахта генерал-фельдмаршала Вильгельма] Кейтеля и [начальника Штаба оперативного руководства генерал-полковника Альфреда] Йодля, еще 21-го, а затем и 24 апреля был отдан приказ провести отвлекающее наступление с севера на Берлин. Наступление должно было пройти при поддержке 25-й моторизованной дивизии, Полицейской дивизии СС и 3-й дивизии

морской пехоты с обеих сторон небольшого плацдарма Беренсбрюк северо-западнее Ораниенбурга. Но ожидаемое наступление ограничилось лишь отдельными ударами со стороны Креммена в южном направлении. Большого нельзя было и ожидать, так как с севера русские находились уже в глубоком тылу и их удары вынуждена была отражать 25-я танково-гренадерская дивизия. Эти неудачи, после надежд, основанных на пустых фантазиях, крайне сильно повлияли на Гитлера.

Остатки 3-й танковой армии вынуждены были отступать дальше на запад. С 30 апреля корпус Штейнера — в который теперь входили Полицейская дивизия СС, 5-я горнострелковая дивизия, 3-я дивизия морской пехоты и парашютная дивизия — в составе 21-й армии [генерала пехоты Курта] фон Типпельскирха отступал на южном фланге все дальше через Герцберг — Руппин — Кириц — Перлеберг, непрерывно ведя бои с русскими, которые постоянно преследовали его, обгоняя с севера. Удалось избежать русского плена и у Ленцена переправиться через Эльбу, чтобы здесь, у Эльды и под Людвигслустом, сдаться американцам.

Берлин

Описание заключительных боев в Берлине вышло бы за рамки этих заметок. Это невозможно отчасти также и потому, что в распоряжении нет соответствующих документов. Это была бы довольно мрачная картина. Последний бой вели — на заключительном этапе в составе LVII танкового корпуса генерала [артиллерии Германа] Вейдлинга — остатки активных подразделений, таких как 18-я и 19-я моторизованные дивизии вермахта, дивизии СС «Нордланд» и «Шарлемань» под командованием [бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС Иоахима] Циглера, а позже [бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС Густава] Крукенберга, берлинские резервные части войск СС [бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС Вильгельма] Монке, а также военно-морские подразделения, отряды фольксштурма и Гитлерюгенда под командованием [имперского руководителя молодежи Артура] Аксмана.

Французы обороняют Берлин

Французский батальон был включен в состав дивизии СС «Нордланд» как самостоятельное подразделение. После тяжелых боев прошедшей зимы и весны батальон насчитывал едва ли 1500 человек. В основном это были норвежцы, датчане и шведы, которые, все без исключения, добровольно вызвались бороться с большевиками.

Пробил роковой час Берлина. Вокруг грохотал бой, рвели гранаты и без разбора стирали с лица города целые кварталы, казалось, было слышно, как бушует вдали свора захватчиков. Но Берлин сохранял спокойствие перед лицом этой пляски смерти. Люди, как обычно, не торопясь, шли по улицам, делали то, что привыкли делать — только с каким-то почти религиозным благоговением. Смерть притаилась за углом, все это знали, но старались не предаваться бездействию или отчаянию. Берлин не был жертвой, ожидающей палача, он был раненым воином, который сопротивляется судьбе и собирает силы для последнего боя.

Как на учениях, продвигались наши воины, крались от одной двери к другой, через руины и стены и нападали на красных стрелков, которые прятались на этажах зданий. Танки, идущие вслед за ними, выплевывали огонь и пламя и не оставляли вражеской пехоте ни одного шанса на ответный удар. Наша атака распространялась все дальше.

Ручными гранатами и штыками мы очищали дом за домом. И все это — на глазах у берлинцев, которые то тут то там выглядывали из убежищ и осведомлялись о ходе боя. Все всё еще надеялись, что русские не дойдут до них. Часто они выносили нам воду или кофе: «Вот, пейте! Вы же, должно быть, умираете от жажды!» Другие приглашали нас к себе в подвал разделить с ними трапезу из их последних пайков.

Красные несли чудовищные потери. Разбито было около 30 танков и зенитных орудий, не говоря уже о многочисленных убитых и раненых. Наши связные носились под огнем, восстанавливая и поддерживая сообщение с оставшимися иттурмовыми ротами. У нас самые сложные и опасные поручения выполнял 20-летний Милле. Много раз за это утро мы думали, что видим его в последний раз. Но снова и снова

он появлялся перед нами, спокойный и невозмутимый: «Приказ выполнен!» Когда мы около полудня пересекали очередную улицу, рядом просвистела граната — Милле закачался и упал вниз лицом. Последний раз вздрогнул всем телом и остался неподвижно лежать на мостовой. Теперь в дело вступили Т-34. В последний момент на соседней улице показался «Королевский Тигр». Его 8,8-сантиметровый ствол медленно опускался. Раздался сухой негромкий взрыв, и танк красных замер посреди улицы. Рядом все еще лежал Милле в своей маскировочной коричнево-зеленой рубашке, светлые волосы испачканы пылью, юношеское лицо омрачено печатью смерти. Друзья отнесли его тело в укрытие.

Рожер, 19-летний черноволосый чертяка, занял его место. Он был фанатиком, который пришел записываться в добровольцы в 17 лет и заявил тогда офицеру, который с насмешкой объяснил ему, что для француза военная жизнь слишком тяжела: «Она не для всех, и именно поэтому я здесь!» Он стал асом в ближнем бою и в обращении с ручными гранатами.

Финк проводил меня по шахте метро до станции Кохштрассе в газетном центре Берлина. Там меня ждал Вебер — солдат, которому на завтрак требовался, по крайней мере, один вражеский танк. Он провел меня в низко расположенную над тротуаром комнату, из которой отлично просматривалась Вильгельмштрассе. «Вы только посмотрите на это!» — В трех метрах от нас неподвижно замер Т-34. На башне виднелся след от снаряда фаустпатрона, гусеницы догорали и дымились. «Разве это не красота?» — спросил Вебер тихо.

Он сделал чистую работу. Еще один! Итог дня: пять подбитых фаустпатронами танков, многочисленные атаки русской пехоты отбиты, причем русские понесли тяжелые потери. Но у нас нет ни одного противотанкового орудия, ни пушки, ни минометов. У нас остались только фаустпатроны, автоматы и несколько пулеметов MG-42. Не слишком-то много! У русских же, наоборот, казалось, что на место подбитого танка тут же встает несколько новых. У них были противотанковые орудия и наводящие страх минометы в огромном количестве. И пехоты, до настоящего времени довольно осторожной, вроде бы было очень много. Но какое нам было дело до этого?

КРУГОМ СНАЙПЕРЫ!

Наши потери со временем увеличились, так как у русских повсюду были снайперы, которые брали на мушку всех, стоило только тени человека мелькнуть в окне или во дворе. Даже Де Лак, который с самого начала с завидной для новичка ловкостью вел своих людей, был ранен вражеским стрелком и отнесен в убежище. Затем настала очередь Рожера и его друга Бiku, который в свои неполные 18 лет стал самым молодым унтер-офицером батальона. Оба объяснили мне, что только что уничтожили нескольких красных стрелков, которых обнаружили под крышами домов. «В том углу их еще много, но у меня кончились гранаты!» Не закончив говорить, они, набив карманы ручными гранатами, поспешили назад.

Через некоторое время Бiku вернулся с опущенной головой. «Ну и?» — спросили мы. «Мы в них попали, но Рожер ранен!» Вскоре принесли Рожера. Он был еще бледнее обычного. Под правым глазом, не переставая, текла кровавая струйка. Осколок гранаты попал ему под самое веко. Мы положили его в единственное кресло, и вскоре он потерял сознание. Затем мы отнесли его на перевязочный пункт.

Остаток ночи прошел спокойно. Иногда тишину ночи разрывали душераздирающие крики, не имевшие, казалось, ничего общего с человеческими. Это кричали недалеко от нас женщины, кричали, переполненные отчаянием, страданием и смертельным страхом перед солдатами степей, которые изливали на них — достигнутых жертвах — свою звериную жестокость. Мы посмотрели друг на друга и сжали кулаки. «Если бы у нас только были танки! Мы бы быстро очистили весь район!» Мы думали о тех, кто еще вчера помогал нам, чем мог, под вражеским огнем, а сегодня, после того как мы отступили, с ужасом ожидал той минуты, когда пьяные победители распахнут дверь бомбоубежища.

Постепенно мы теряли человеческий облик. Наши глаза пылали, лица ввалились и были испачканы пылью. Тяжелее всего было без воды. Продовольствие из дивизии мы получали по крохам. На все происходящее мы реагировали как автоматы или роботы. Это был ад. Будущее больше не интересовало нас. Единственная мысль пока еще жила в нас: уничтожить танки, стрелять по красным, бросать ручные

гранаты, выстоять, не пропустить врага! Это была наша единственная цель, смысл нашей жизни и одновременно нашей смерти.

Вечером 30 апреля к нам в командный пункт привели пленного русского. Это был украинский унтер-офицер. Хлеб, который у него был, наши ребята разделили между собой, так как они уже несколько дней не ели хлеба. Взамен ему дали сигареты. Он красноречиво объяснил переводчику, что он украинец, а не русский. Был принудительно призван на фронт и является ярким противником большевиков. Мы, конечно, нисколько не поверили искренности его заверений, но слушали его с интересом. Потому что он рассказал, что у русских сегодня объявили о великой победе. В Берлине незанятым остался какой-то один квадратный километр. Этот последний бастион отложили на завтра, вероятно, в честь Первого мая. Его слова были встречены диким хохотом: «Завтра утром мы будем еще здесь, старик, и если твои попытаются прорваться, встретим их, как полагаются!»

БЕЛЫЕ ФЛАГИ

Ранним утром 2 мая мы поднялись на здание Министерства авиации и заняли исходные позиции для обороны. Но не успели мы приготовиться, как со стороны вражеских позиций в нашу сторону направились машины с белыми флагами. В них находились русские и немецкие офицеры. Говорили о капитуляции, и действительно, вскоре к нам подошли безоружные русские и предложили нам закурить.

Мы не могли поверить, что все закончилось. Это было невозможно! В любом случае, мы не можем просто так взять и содаться. Что же происходило в Рейхсканцелярии? По крайней мере, там мы смогли бы хоть что-то узнать. Руками и штыками мы пробили себе дорогу по одному из туннелей метро. На Потсдамской площади нас поджидало ужасное разочарование: линия метро на том участке дороги проходила под открытым небом...

Лучшее, что мы могли сделать, — это спрятаться под землей и переждать ночь. Один из туннелей заканчивался под сводом моста и был отгорожен осыпью, так что образовывал отличные убежища для ночевки. Мы быстро разде-

лились на несколько маленьких групп и исчезли друг за другом. В этот момент подошли ополченцы, которые имели те же намерения, что и мы. Но эти бедолаги были медлительны и недостаточно проворны, чем привлекли внимание русского патруля, который не заставил себя ждать.

«Не стрелять! Не стрелять!» — закричал первый из них, которого схватил патруль. Русские методично обыскиали всю местность и одну за другой нашли наши спрятавшиеся группы. Каждый раз, когда русские проходили мимо нашего убежища, мы сжимались, затаив дыхание. Несколько раз они останавливались как раз напротив того места, где мы прятались, и наши сердца, казалось, готовы были выпрыгнуть из груди. Прижатые друг к другу, мы ждали, отчаянно и упрямо цепляясь за последнюю, такую призрачную надежду. Конец наступил внезапно. От ударов сапог упал закрывавший нас вал. Красные тут же окружили нас и сразу обыскивали наши карманы. Первым, что они забрали у нас, были часы и лишь затем оружие.

Нас вытащили наружу. И тут мы увидели победителей, прогуливающих группками тут и там с бутылками в руках. Ритуальный танец начался. Один из русских подошел к нам качающейся походкой, со зло поблескивающими глазами, угрожающе искривив рот. Он схватил Рожера Альбера, который шел рядом со мной, и прижал его к стене. Но тут вмешался охранник и вернул пленного в строй. «Еще раз обошлось», — шепнул мне Рожер Альбер тихо.

В тот же момент русский подбежал опять, снова схватил свою жертву и, с криками «СС! СС!», выстрелил. Рожер Альбер, не произнеся ни звука, с простреленным виском упал к моим ногам. Когда охранники увидели, что мы замедлили шаг, они начали нас подгонять. Мы как раз проходили мимо Рейхсканцелярии, которая в этот момент подвергалась разграблению, когда увидели, как со стороны Тиргартена двигались сотни и сотни красных танков по направлению к Бранденбургским воротам, словно на гигантском параде, — к Бранденбургским воротам, чей израненный силуэт возвышался в сером берлинском небе последним оплотом, последней надеждой и вызовом...

Доброволец штурмовой бригады СС «Шарлемань»

С 24 апреля сообщение с группами армий на севере и юге было прервано. В Рейхскацелярии с Гитлером остались лишь генералы Кребс и Бургдорф со своими штабами, охрана фюрера, Геббельс и Борман. 28 апреля стало известно, что Генрих Гиммлер наладил связь с нейтралами. 30 апреля Гитлер застрелился. 1 мая остатки защитников Берлина попытались вырваться на Запад. Но удалось это лишь единицам.

Последнее сообщение Верховного командования вермахта (ОКВ)

«Верховное командование вермахта сообщает: в Восточной Пруссии немецкие дивизии еще в четверг до последнего обороняли *устье реки Вислы и западную часть косы Фрише-Нэрунг*.

Наша группа армий в Курляндии, которая на протяжении месяцев оказывала сопротивление превосходящим ее по численности советским пехотным и танковым войскам и стойко держалась в шести крупных сражениях, снискала себе своим беспримерным мужеством бессмертную славу. Она отвергала предложения о преждевременной капитуляции. В соответствии с принятыми нами обязательствами военные действия и любые передвижения войск были прекращены в полночь.

Защитники Бреслау, которые в течение двух месяцев отражали все советские атаки, после героического сопротивления лишь в последний момент сдались превосходящему их по численности врагу.

На Юго-Восточном и Восточном фронтах все войсковые подразделения, вплоть до Дрездена, также получили приказ прекратить огонь. Восстание в Чехии, охватившее почти всю Богемию и Моравию, не смогло помешать осуществлению взятых нами на себя обязательств по капитуляции. К настоящему моменту Верховное командование не получило сообщений от групп армий Лёра, Рендулича и Шёрнера.

С полуночи на всех фронтах молчат орудия. По приказу гроссадмирала вермахт прекратил ставшее безна-

дежным сопротивлением. Таким образом, завершилась шестилетняя героическая борьба. Она принесла нам великие победы, но также и тяжелые поражения. Немецкий вермахт, в конце концов, с честью подчинился намного превосходящим его силам противника.

Немецкие солдаты, верные данной клятве, служили своему народу и навсегда останутся в памяти соотечественников. До последнего момента родина всеми силами, в тяжелейших условиях поддерживала их. История вынесет позже свой справедливый и беспристрастный приговор и по достоинству оценит неповторимые заслуги фронта и населения страны.

Противник тоже не сможет не оценить подвиги и жертвы немецких солдат на суше, на море и в воздухе. Поэтому каждый солдат может гордо и с честью сложить оружие и в тяжелейшие часы и дни нашей истории уверенно и смело отправиться на служение во благо вечной жизни нашего народа.

Вермахт скорбит в этот час по своим погибшим и оставшимся во вражеском плену товарищам. Их деяния обязывают к беспрекословному подчинению, безусловной верности и дисциплине перед лицом истекающего кровью отечества».

* * *

Итак, война закончилась! Занавес опустился. Драма переросла в глубокую трагедию, поражающую своими масштабами. В этой трагедии погибли и войска СС.

Не представляется возможным в этой части обрисовать последние и большей частью безнадежные бои небольших воинских частей и подразделений, школ и резервных частей, как, например, в Познани, Бреслау, Мемеле, Праге и Клагенфурте. Те немногие, кто выжил в этих боях, не оставили о них никаких свидетельств. Занавес забвения опустился на имена всех жертв.

После войны на процессе Международного военного трибунала в Нюрнберге судьи из США, России, Англии и Франции в 1946 году вынесли приговор отдельным лицам и организациям.

Что касается СС, то здесь дела по вопросам, связан-

ным с деятельностью гестапо и Службы безопасности, включая действия эйнзатцгрупп, рассматривались отдельно от дел собственно СС, т.е. Общих СС и войск СС. Защита последних была возложена на адвоката доктора [Хорста] Пелькмана, при поддержке членов СС, особенно членов бывшего Главного судебного управления СС. Было допрошено: малой палатой суда — около тридцати пяти, большой палатой — шесть свидетелей. Кроме того, на рассмотрение суда было представлено свыше 115 000 заверенных под судебной присягой свидетельств от членов СС, находившихся в американских и английских лагерях.

Все показания запротоколированы и сохранены в материалах процесса. Но на процессе они не были учтены. Из-за сокрытия и искажения Генрихом Гиммлером истинных задач подчиненных ему органов, а также по причине того, что для дальнейших планов союзников было необходимо заключение по процессу по делу Мальмеди, не удалось вывести солдат войск СС за рамки приговора СС как «преступной организации».

На данный момент не существует никакой возможности пересмотреть решение суда по этому делу. Однако это необходимо! Мы не признаем это решение справедливым.

Мы не забудем наших товарищей и соратников, которые по сей день находятся в иностранных местах лишения свободы. Мы знаем, что суд над ними вершили не закон, но месть и ненависть. Когда-нибудь история все расставит по своим местам. Мы требуем справедливости и экспертизы независимых судов. Только такая справедливость может открыть дорогу к становлению будущей Европы и ее безопасности.

Войска СС по убеждению боролись против советского большевизма, который они по-настоящему узнали только сейчас. Они верили в Новую Европу, выходцы из которой служили добровольцами в их рядах. Многие из них сохранили ту веру, которая повела их в бой, до самого конца. Старшие товарищи уже давно разглядели безысходность этой борьбы и следствия ошибок руководства. Это вызвало у них, как и у высших чинов вермахта, глубочайшие конфликты с собственной совестью. Как далеко

простирается верность присяге? Нужно ли было отойти от нее, исходя из общих интересов народа и его жертв? Они не хотели стать клятвопреступниками! Таким образом, им оставалось только предостерегать, вносить свои предложения, обходить невыполнимые приказы и прекращать бессмысленное сопротивление. И это делали все. Таким образом, они сдержали данную клятву — с честью и от всего сердца по отношению к своим солдатам и как тяжелую, печальную обязанность по отношению к вышестоящим.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ

Политика, которая была готова следовать требованиям рассудка и естественным тенденциям развития народов Европы, должна была последовательно стремиться, политически и экономически, к большой территориальной единице, для которой не могло быть иной формы, чем общий союз государств Европы. Необходимость такой постановки вопроса становилась все сильнее, чем сильнее становилась угроза неприкрытой большевистской экспансии для всего континента.

Задача историков — прояснить, было ли решение Гитлера предвосхитить в 1941 году предполагаемое советское нападение основано на фактическом поведении руководства СССР или нет. Война с Финляндией, а также сильное дипломатическое давление, которое советское правительство оказывало во время переговоров на правительство рейха касательно свободы действий в Южной Европе, говорят в пользу этого предположения.

В концепцию, которая вышла за пределы немецкой территории, по всей очевидности, не вошли начальные политические представления немецкого руководства. Тут преследовались скорее цели партийной программы, которая требовала «объединения всех немцев на основе права на самоопределение народов в Великую Германию» (пункт 1). Это желание немцев старше, чем национал-социализм. Попытки, в том числе и XIX века, создать «Великую Германию» известны.

В этих же рамках проводилась и идейно-политическая подготовка войск СС, интенсивность и объем которой, однако, не стоит переоценивать. Как уже было сказано, хотя характер частей СС определяли их командиры, которые в большинстве случаев, а некоторые — постоянно,

руководствовались солдатским мировоззрением, большее значение все-таки имела идейно-политическая подготовка в юнкерских школах. Именно здесь особенно рано и четко проявились те изменения, которые определяли представления политического руководства в течение многих лет.

Существование внутренне укрепленной и вооруженной Германии перед войной постоянно ставилось под угрозу расширением советской сферы влияния на Запад. То, что большевистское руководство упорно преследовало свои цели, уже упомянуто выше. Начало военных действий в 1941 году, однако, означало с самого начала решающее сражение, которое при поражении обязательно привело бы к возможности красного наводнения в Европе. Война на Востоке поэтому не должна была и не могла рассматриваться как нечто иное. Любое расширение этой строго очерченной военной цели должно было сыграть роковую роль как в политическом, так и в военном плане.

Боевые части всех подразделений вермахта четко понимали вышесказанное, и войска СС не в меньшей степени, нежели другие. Романтические национально-политические спекуляции, которых время от времени, возможно, придерживались некоторые личности, с самого начала были отклонены на основании военного и человеческого опыта при столкновении с народами России. Деятельность областных и других комиссаров воспринималась, в общем, с недоверием и практически не поддерживалась, даже при категорических требованиях. Добровольный переход русских солдат, которые потом отчасти становились активными и чрезвычайно надежными участниками нашей борьбы, а также увеличивающаяся тяжесть войны — что не в последнюю очередь было следствием неправильных политических действий немецкого руководства — ужесточили взгляды боевых войск о необходимости данной борьбы. Добровольцы из почти всех европейских наций, которые вскоре участвовали в этом конфликте в рамках собственных и немецких — впоследствии в рамках частей СС (французы, бельгийцы, голландцы, швейцарцы, испанцы, датчане, норвежцы, шведы, финны, эстонцы, латыши, болгары, румыны, хорваты, сербы, албанцы, итальянцы, представители различных

народов России, такие как украинцы, кавказцы, а также индийцы), доказали, что победа над большевизмом рассматривалась как общая задача.

Немецкое политическое руководство, однако, к сожалению, не выдало всеобъемлющего политического заявления по этому поводу, которое бы поставило это общее стремление в конкретные рамки, лозунг о «Новом порядке» не был достаточно и убедительно конкретизирован, так что вопрос об этом постоянно возникал — когда это было возможно — в напряжении тяжелых боев. Хотя в объяснении понятия «рейх» не было речи о расплавлении наций, и даже наоборот, постоянно подчеркивалось своеобразие народов, однако то обстоятельство, что Адольф Гитлер считал еще не своевременным полное и программное объяснение этого пункта, привело к упущению некоторых политических возможностей. На Международном конгрессе журналистов 1943 года в Вене Леон Дегрель (командир дивизии СС «Валлония», оберштурмбаннфюрер СС, кавалер Рыцарского креста с дубовыми листьями и мечами, золотого знака «За рукопашный бой», Золотого Германского креста, золотого знака «За ранение») призвал всех участников «наконец узнать, за что, а не только против чего мы боремся». Сами добровольцы своим поведением и высказываниями никогда не делали тайны из того, что они воевали только лишь, чтобы предотвратить большевизм.

В одном юнкерском училище СС эстонские офицеры категорически заявляли, что они являются не «национал-социалистами», а «антибольшевиками».

Последовательное изменение представления о «Великой Германии» или «Рейхе» до концепции единого союза государств Европы проходило медленно, но постоянно.

В то время как на поле боя для войск военные действия затмевали все остальное, в юнкерских училищах СС развитие политических идей играло большую роль. При этом особое значение стало иметь юнкерское училище СС в Бад-Тельце, поскольку здесь европейские добровольцы обучались совместно с будущими немецкими офицерами.

В открытых разговорах, которые — здесь это можно спокойно признать — были полны критики со стороны

европейских добровольцев, обсуждались все проблемы, которые требовали пояснения. Личный адъютант фюрера, оберштурмбаннфюрер СС Рихард Шульце, который долгое время руководил учебной группой в Бад-Тельце, после своего возвращения в Ставку фюрера в конце лета 1944 года передал Гитлеру обеспокоенность добровольцев и их однозначное заявление по поводу будущей государственной формы отдельных стран. Здесь нужно упомянуть телеграмму, которая 28 сентября 1944 года была адресована норвежцам. Вот отрывок из его записки:

«...Воля фюрера состоит в том, чтобы, после победоносного завершения этой судьбоносной борьбы, на принципах свободы и независимости построить национальную и социалистическую Норвегию, которая отдаст европейскому сообществу лишь те полномочия на высшем уровне, которые необходимы для безопасности Европы, поскольку лишь сообщество может быть и будет носителем и гарантом этой безопасности».

Гитлер приказал, чтобы европейским добровольцам раз и навсегда объяснили немецкие военные цели в этом духе.

Это заявление чрезвычайно укрепило европейский дух юнкерского училища в Бад-Тельце и войска СС и было воспринято с большим удовлетворением. Под руководством [штандартенфюрера СС Фрица] Клингенберга европейский характер школы особенно усилился. По приказу руководства рейха здесь были несколько раз проведены «Европейские конференции», на которых ученые из разных наций делали обзоры о развитии континента (включая и Россию). Особенно большой интерес вызвала «Конференция по Восточной Европе», темы которой соответствовали разумной, принимающей во внимание реальные мировые обстоятельства политике. Доклады касались различных тем, вплоть до, например, истории Русской православной церкви.

Культурное самосознание европейской семьи народов нашло отражение во впервые включенном в воспитательную программу военной школы «эстетическом воспитании». Включение в военную образовательную программу для офицеров часов духовного воспитания и введения в мир европейского искусства, «эстетических часов»,

было давно взлелеянным желанием одного из последних командиров юнкерского училища СС в Бад-Тёльце, уже названного выше штандартенфюрера СС Клингенберга. Сам Клингенберг показал себя не только образцовым солдатом в своей дерзкой атаке на Белград и, позже, в своих боях в России, но был при этом эстетически очень развитым человеком. Когда он требовал «воспитания эстетики во всем», то не только из соображений образования, но и в качестве значительного средства формирования зрелой личности будущих офицеров. Для него было очевидно, что самый верный и глубокий способ сплочения европейских добровольцев, наряду с солдатской жертвенностью и товариществом, — это создание культурной общности. Никакая «логика» и никакая политическая необходимость не мотивировала так сильно, как глубокое переживание европейской культуры и тех вкладов, которые внесли в нее отдельные нации.

Таким образом, в Бад-Тёльце, по мере того как постепенно формировалась эта программа, начались, сначала проводимые время от времени, потом и постоянно, мероприятия, на которых оркестры, музыканты, певцы, инструментальные солисты, актеры и поэты представляли шедевры европейской музыки и литературы. Баварский государственный оркестр, камерные певцы Мюнхенской государственной оперы, Мюнхенский государственный театр и многие другие часто были гостями в Бад-Тёльце. Все программы перед концертами тщательно прорабатывались со слушателями на уроках как теоретически, так и практически (на инструментах).

«Эстетическое воспитание» постепенно превратилось в значительный фактор идеологической подготовки, который впервые таким образом был применен в военной школе. Этот «новый дух», который вошел в офицерское обучение, вызывал удивление и признание командиров военных школ армии и флота, которые часто приезжали сюда, тем более что это стремление не носило случайный назидательный характер, а было важной частью воспитательной и образовательной работы.

Насколько сильно это нововведение было воспринято вокруг, свидетельствует тот факт, что между Бад-Тёльцем и другими военными училищами, даже Военной ака-

дезией, существовала постоянная связь, и «ответственные за эстетическое воспитание» этой юнкерской школы регулярно приезжали туда читать свои доклады.

Наряду с обязательными занятиями у юнкеров была возможность заниматься в хоре или игрой на инструментах. В их распоряжении находилась обширная музыкальная библиотека с творениями всех европейских мастеров, нотами, а также книгами и богатой коллекцией музыкальных инструментов — скрипок, альтов, виолончелей, духовых инструментов, пианино. Большой актовый зал в Бад-Тёльце был снабжен великолепным органом. Камерная музыка была неотъемлемой частью школы.

В особенном свете предстает эта работа, если вспомнить, что развитие этого направления началось в конце 1943 года и достигло кульминации примерно к концу 1944-го.

* * *

Наличие такого количества независимых личностей обусловило то, что сам собой сформировался абсолютно недогматический подход, ведь нужно же было выработать основы и предпосылки для совместной жизни народов. При этом на занятиях критически обсуждалась партийная программа НСДАП, которая к тому времени все еще определяла политическую линию внутри рейха. Особенно обращали внимание на высказывание Гиммлера, что, по его мнению, следующим рейхсфюрером СС, то есть его преемником, будет, возможно, не немец, а представитель какой-либо другой европейской нации, поскольку именно в рядах этих бойцов рождались самые сильные импульсы для общей Европы. То, что подобные мысли не разделялись всеми, не вызывало удивления.

О широте образования говорит также то, что в библиотеках юнкерских училищ СС имелись книги, которые были запрещены в Германии. К ним относились, помимо прочих, и труды Конрада Гейдена «Гитлер — жизнь диктатора», Георга Александера «Миф Гитлера», работы Маркса, Энгельса, Ленина и др.

Уникальным для Германии было то, что здесь, наряду с флагом со свастикой, вывешивались флаги всех европейских наций, даже триколор, поднятие которого было

везде запрещено. Французские добровольцы продолжали носить свои ордена, добытые еще во время боев 1940 года против Германии. В другом учебном подразделении бывшие служащие голландской армии лежали рядом с солдатами полка СС «Фюрер», с которым они сражались еще в 1940 году у Греббеберга.

Обучение не проходило — как иногда ложно утверждают — в обстановке секретности, а следовало всем инструкциям, которые были схожи для всех военных школ армии, а также для школ морской пехоты. После посещения начальника ведомства по подготовке будущих офицеров армии и военно-морского флота, а также командиров военных школ этих частей вермахта эти инструкции были ужесточены. В дальнейшем слушатели Военной академии в Хиршберге в конце своего обучения проводили несколько дней в Бад-Тельце, где, наряду с другими, командиром юнкеров был тяжело раненный в войне голландский офицер, отвечающий за идеологическую подготовку, а также другие офицеры ненемецкого происхождения.

Как и в самих войсках, здесь не существовало различий при назначении на должности офицеров немецкого и не немецкого происхождения. Так, во время боевых действий случалось, что при бельгийском командире батальона немецкий командир роты и норвежский командир взвода командовали как немецкими, так и не немецкими солдатами. И если, в общем, сохранялся все-таки национальный принцип формирования групп, то это объяснялось лишь языковыми барьерами.

При последнем командире юнкерского училища в Бад-Тельце оберштурмбаннфюрере СС Рихарде Шульце даже было сделано предложение предоставить возможность военнопленным английским и американским офицерам, при взятии с них слова чести не совершать побега, свободно находиться от 8 до 14 дней в училище, чтобы они смогли составить представление о войсках СС и европейском добровольческом движении. Переформирование юнкерского училища в боевую единицу и быстрый ввод ее в боевые действия воспрепятствовали исполнению этого намерения. Несомненно то, что дело бы дошло и до контактов с противниками тех лет, как это было

уже с противниками в 1939—1940 годах. Поведение американских боевых частей после капитуляции Германии подтверждает это предположение, поскольку везде, где это поведение не определяли приказы, призывающие к другому, оно выражало солдатское признание и уважение.

Определенные военные круги союзников, а также некоторые группы некомбатантов, приписанных к американским частям, успешно умели давать понять добровольным борцам против большевизма — как немецкого, так и не немецкого происхождения, что их борьба против советского народа должна рассматриваться как преступление.

История последних лет доказала уже их неправоту.

Часто задавался вопрос о причинах, побудивших наших европейских товарищей по оружию вступить в наши ряды. Некоторые при этом не упускали возможность с пренебрежительной улыбкой указать на те круги в европейских странах, которые под лозунгом «Рейх» проводили партийную политику, нанесшую ущерб как вышестоящей идее, так и репутации Германии. Но это не были те солдаты, которые сражались вместе с нами на поле боя; братьями по оружию могут считаться лишь те, которые в первую очередь были готовы рисковать своей жизнью, прежде чем вступить на политическую сцену своей Родины или всей Европы. Таким образом, отпадает вопрос о личных мотивах этих добровольцев, ибо тот, кто хочет сделать карьеру или заработать денег, тот, скорее всего, не пойдет на риск, при котором вероятность остаться в живых равна десяти процентам. Послушаем сами, что говорит по этому поводу один голландский доброволец:

«Сегодня нам часто задают вопрос, не только наши «победоносные соотечественники», но и некоторые немецкие братья по оружию, что же потеряли мы тогда в немецких рядах, мы, «иностранные добровольцы». Нередко при этом нас с добродушной улыбкой уверяют в том, что это было «довольно глупо» с нашей стороны... Но когда мы отвечаем этим людям, что мы и сегодня не повели бы себя в этой ситуации умнее, то встречаем полное непонимание.

Однако в годы поражения и позора, связанного теперь, в сегодняшнем мире, с этим поражением, именно эта мысль была нашим единственным утешением.

Тот, кто сегодня, сам не испытав это на себе, хочет понять, что побуждало тогда европейских добровольцев сражаться под «немецкими» знаменами, должен знать, что знамена войск СС уже не были «немецкими», они стали европейскими знаменами, первыми европейскими знаменами, которые тогда начали поднимать. Таким образом, открывается истина, которая скрыта от глаз посторонних, даже от многих наших братьев по оружию, даже от некоторых твердолобых немецких представителей войск СС: европейские добровольцы были не только привязанными к своей Родине патриотами, но тем самым стали и первыми патриотами единого обширного сообщества, ибо они первыми постепенно научились думать об интересах, выходящих за рамки их собственных стран.

Неважно, были ли это датчане, норвежцы, шведы, фламандцы или валлоны, которые встали против корыстолюбивого мышления в своих странах, или голландцы и французы, которые отвергали ставшие спорными традиции своих националистических колониальных империй, — убеждения были одинаковыми.

Заслуга немецкой мысли состоит в том, что она сделала первую политическую попытку отхода от сверхиндивидуалистического развития, которое со временем стало смертельным. Там, где эта попытка провалилась, она была еще слишком завязана на прошлом: иной немец шел в бой как чистый «немец», и тогда народы Европы видели в тех или иных немецких действиях и убеждениях угнетателей, а не ведущих за собой освободителей. Но, в общем и целом, подобные явления должны были быть преодолены.

Однако для европейских добровольцев было два роковых сопутствующих явления. Во-первых, по причине признания высоких целей и возможностей этих огромных перемен на континенте мы должны были неотвратно поменять свое мировоззрение, с другой стороны, нам при этом бросилась в глаза (ведь дух нового образа мышления был очевидно «немецким») вся та ненависть, которая за последние столетия обрушивалась на немецкий народ. В Европе индивидуалистического мышления Германия, и прежде всего Пруссия,

была и остается представителем старого, связывающего человека долгом образа мышления, и ее за это недолюбливают. Любить французов — значит открыть для себя образованность и элегантность, любовь к англичанам требует благородства и ума, понимание немцев, или даже любовь к ним, кажется, является лишь свидетельством плохого вкуса.

И вот когда мы, и без того борцы с национальным и личным эгоизмом, к тому же еще стали «немцами», то мы попали в полную изоляцию, вражеский характер которой был направлен одновременно и против Германии. Но такое давление, противопоставленное честной воле, всегда вызывает противоположный результат: солдаты, изначально настроенные по-национальному и по-европейски, начали теперь видеть в Германии действительно свое второе духовное Отечество, так, как гуманисты столетия назад видели во Франции свою вторую духовную Родину. Отсюда выросла легенда об измене Родине, в которой, однако, никогда не обвиняли гуманистов в связи с Францией. Все, кто подвергся таким гонениям, были по антиконституционным законам смещены со своих постов. Наконец, нам даже отказали в праве служить офицерами в армии. Сильнее нельзя унижить любовь к своему Отечеству.

Когда же началась война Германии с Россией, мы, кажется, были единственными в своих народах, кто понял, что это могло быть только началом большого, решающего столкновения Европы с большевизмом и что в нем Европа выступала разрозненно, а не едино. Что было очевиднее, чем идея заставить немцев дать побежденным до этого народам всю мыслимую свободу, чтобы заполнить их для общей борьбы? В вопросе немедленного освобождения военнопленных, которое было проведено в разных местах с беспрецедентным благородством, Германия прислушалась к нашим голосам. Поэтому можно было надеяться на то, что впоследствии возникнет и Новая Европа.

А потом появилось слово «империя»...

Чтобы понять невероятное воодушевление, которое вызвала эта программа в наших рядах, нужно также иметь представление о том воздухе, которым мы тогда дышали. Мы, которые знали лишь выдохшуюся атмосферу национальных государств, занимавшихся лишь производством и перераспределением, и всегда жаловались на то, что наши

народы отодвинуты на задний план и отреклись от своей роли в истории, вдруг увидели перед собой задачу, которой могли посвятить всю нашу любовь и всю нашу силу: создание действительно обширной империи, которая лишь одна могла соответствовать социальным, политическим и духовным потребностям Европы. И поэтому мы бросились в объятия «Германии», мы побежали в явочные пункты и с невероятной гордостью надевали военный мундир, чтобы своей кровью и жизнью сделать возможным то, что было действительно нашей целью — новая, обращенная в будущее Европа.

В тяжелой действительности фронта меркло все, что не сидело глубоко в наших сердцах, меркли желания и мечты, отступали пафос и риторика. Оставалось лишь бессловесное служение, молчаливая жертва и то, что перед смертью являлось в последнем одиночестве. Насколько сильной была наша любовь, было видно не из прихода на явочный пункт, а позже, под пулеметным огнем, когда мы хоронили наших товарищей в чужой земле и постепенно срастались с нашей задачей. Через четыре года мы уже доросли до того, что в наших рядах «иностранцы» командовали немцами, а немцы — «иностранцами», и ни у кого при этом не возникало каких-то мыслей. Мы говорили на коверканном языке, понятном лишь посвященным, но рядом с нами стояли уже не немцы, французы, норвежцы, шведы или швейцарцы, это все были боевые товарищи, которые прошли с нами весь путь, товарищи, которым можно было слепо доверять, братья в сообществе, у которого не было больше государственных границ и которое было закалено кровью и сталью...

Возможно, в нас было слишком много доверия, возможно, в опьянении восторга мы слишком слепо подчинялись, возможно, нам сперва следовало посмотреть, к чему это привело наши народы...

Последующие годы показали, что и в Германии все было не так чисто, хорошо и благородно, как мы себе это представляли, не проверив, в восторге от нашей высокой цели.

И все же наше стремление осталось таким же бескорыстным и великим, как всегда.

Если история, исходя из предпосылки, что именно в желании или нежелании народов лежат решающие причины для политического развития, когда-нибудь будет оценивать и нас, то пусть судит — мы не боимся ее приговора.

Результатом нежелания других служит сегодня послевоенная Европа: закатившаяся Британская империя, униженная Франция, Голландия, лишившаяся своих колоний, подвергнутая сильнейшей угрозе Скандинавия и разорванная на части, разграбленная Германия.

Как ужасно должны же были обмануть и разочаровать нас немцы, как сильно же они должны были предать рыцарство и благородство во время войны, если как результат нашей совместной борьбы нам не уготовано ничего лучшего, чем то, что мы имеем сейчас...»

(ф.д.М.)

* * *

Здесь следует добавить еще несколько слов о сегодняшней ситуации: было бы неправильно, если бы те, кто десять лет назад уже осознанно под знаменем общей европейской идеи пришел в ряды наших солдат, говорили бы в свете сегодняшних попыток: «Вот видите, а мы тогда делали то же самое гораздо лучше». Кроме того, нельзя говорить, что, дескать, из европейских армий 1953—1954 годов ничего бы не получилось, если перед этим не попросили бы совета у европейских солдат 1943—1944 годов. Попытка продолжить прошлое была бы бессмысленной; историю невозможно повторить.

С другой стороны, определенно, недостойно Европы то, как сегодняшние ораторы обращаются со вчерашними солдатами, пусть даже тогда некоторые вещи были неправильными. Мы же не хотим забывать: сначала идут только речи, и абсолютно непохоже, что те, кто сегодня с кафедр громче всех призывает к европейскому объединению, могут первыми же схватиться и за карабины. В Европе проливается много чернил — но, однако, уже было время, когда здесь пролилось много крови, не только немцев, но, прежде всего, и негерманцев.

И таким образом, мы наблюдаем современное развитие событий с беспокойством. Невозможно верить в особенно хорошо сконструированный автомат или в танк «Центурион», а презрение к смерти развивается не в ЗАО «Оборона». И пока свобода и честь солдата не находятся под защитой, пока над «военными преступниками» идут процессы, «в целях проведения политики правительств, а не справедливости» (сенатор Тафт), — до тех пор не сможет развиваться то, к чему сегодня так часто призывают с самых высоких постов, — действительное государственное сознание или, лучше даже, то, что стоит за ним: жертвенная любовь к Родине.

Процесс Мальмеди

По причине нехватки места невозможно здесь подробнее остановиться на процессах над бывшими военнослужащими войск СС, которые были проведены после войны в Германии в бывших враждебных Германии странах. Основой всех них, в значительной степени, было решение Международного военного трибунала в Нюрнберге, за которым позже последовало принятие соответствующих статей о военных преступлениях в различных странах. Пример коротко описанного здесь процесса над командирами и военнослужащими танковой группы Пейпера (1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер») позволяет, однако, сделать общие выводы о намерениях, которые были реализованы позже в Нюрнберге и других городах по отношению к войскам СС. Ниже следующие страницы взяты нами из подробного отчета Дитриха Циммсена, на который мы здесь ссылаемся¹.

Все еще находятся в заключении на территории Федеративной Республики, в Ландсберге, после процесса Мальмеди (прошедшего в июле 1946 года) — как и несколько сотен осужденных после других спорных процессов судов союзников — солдаты 6-й танковой армии СС, осужденные за то, что они якобы расстреливали американских военнопленных и представителей гражданского населения Бельгии.

Это является несправедливостью, поскольку ни по одному пункту обвинения вина подсудимых не была доказана безоговорочно.

Ошибки, допущенные во время процесса, настолько велики, что и весь процесс является недействительным.

¹ *Ziemssen D. Der Malmedy-Prozess. Brakenheim, Wurtemberg, 1952.*

Немцы и американцы с момента объявления приговора требовали отмены все продолжающейся несправедливости. Подполковник У.М. Эверет, адвокат из Атланты (США), сделал это первым; за ним последовали и другие.

Но основополагающие принципы так называемых процессов над военными преступниками категорически исключают возможности опровергнуть уже принятый приговор суда или возобновить процесс ввиду появления новых доказательств. Все еще живущая ненависть 1945—1946 годов, долгоиграющие последствия нескольких кампаний в прессе США против обвиняемых, вопросы престижа и не в последнюю очередь нехватка мужества открыть правду, кроме того, до сегодняшнего дня препятствовали принятию законного решения в этом процессе.

Смягчения наказания, которые были проведены, не решают проблемы, поскольку не устраняют несправедливости. Эта несправедливость стоит перед нами, мы не можем ее обойти, если мы стремимся к истинному и долгосрочному пониманию между народами.

Представление об инциденте в Мальмеди основывается на рапорте 1-й американской армии от февраля 1945 года. Согласно ему, на пересечении дорог юго-восточнее Мальмеди, на небольшой территории были найдены тела 71 американского солдата. Медицинская экспертиза установила, что они скончались от огнестрельных и осколочных ранений, в ней описано содержимое карманов, личное имущество, ценные вещи и т.д. и сделан вывод о том, что мертвые не были ограблены. Отдельные заключения экспертизы были подкреплены фотографическими снимками.

Сообщение об этом случае радиостанции Кале и расследование 1-й американской армии были инициированы некоторыми американскими солдатами, которым 17 декабря удалось выжить на том перекрестке. Их показания в суде, рапорт 1-й американской армии, фотографии с экспертизы на этом перекрестке и показания осужденных и свидетелей из танковой группы Пейпера стали основой следующего представления о происшедшем на этом перекрестке:

В бою за Бюллинген танковая группа Пейпера была остановлена и теперь, 17 декабря, продвигалась вперед чтобы использовать совершенный до этого прорыв. Штандартенфюрер СС¹ [Йохен] Пейпер сам, вместе с командиром бронетранспортерного батальона [штурмбаннфюрером СС Йозефом] Дифенталем, ехал в передовой группе. Около полудня была замечена приближающаяся с севера колонна американских грузовиков, которая тут же была обстреляна из танкового вооружения. Совершенно обескураженные американцы из непривычной к бою наблюдательной батареи потеряли головы. Водители на полном ходу выпрыгивали из машин, автомобили сталкивались друг с другом, опрокидывались или врезались в деревья, застревали в кюветах, некоторые горели. Американские солдаты частично искали прикрытия и стреляли в сторону танков, другие бежали в сторону близкого леса, часть сдалась при приближении немецких танков и была направлена в восточном направлении.

Передовая танковая группа поехала дальше, не заботясь о дальнейшей судьбе застигнутых врасплох американцев. Им нужно было сломить фронтальное сопротивление и при этом принимать во внимание угрозу с флангов.

На расстоянии в пять - десять минут за ними следовал авангард танковой группы под командованием командира 1-го отделения Печке. Из готовых к сражению танков издалека снова последовало обращение к американским солдатам, находившимся на пересечении дорог, и их обстрел как вражеской группы.

Американский лейтенант Лари, согласно его собственным показаниям, при первом столкновении с передовой танковой группой приказал своим солдатам обороняться и не сдаваться сразу. Очевидно, оставшиеся американцы, после того как танковая группа поехала дальше, объединились и после этого были снова подвергнуты обстрелу. Когда танковый авангард подошел поближе, они сдались ему. Согласно изложению амери-

¹ На момент наступления в Арденнах Йохен Пейпер носил звание оберштурмбаннфюрера СС. В штандартенфюреры СС он был произведен только 20 апреля 1945 года. — *Прим. науч. ред.*

канских свидетелей, после этого с немецкой стороны прозвучал выстрел из пистолета, что заставило американцев броситься на землю. После второго выстрела часть американцев вскочила и попыталась бежать. Когда по ним застрочил пулемет, все бросились на землю. Потом кто-то сказал: «Начинаем!» Это возымело почти единодушную реакцию. «Те, кто еще был в состоянии, вскочили, и мы попытались бежать», — говорит Лари. После этого еще один пулемет открыл огонь по убегающим. Четверо из них выступали свидетелями на этом процессе; им тогда, вместе с другими, удалось бежать.

Фотографии февраля 1945 года показывают 71 тело американцев в небольших группах, лежащих отдельно друг от друга. Численность колонны была примерно 200 человек.

Этот инцидент произошел за, самое большее, 12 минут. Уже сама быстрота происшествия, в напряженной атмосфере с обеих сторон, обуславливает сложность четкой реконструкции событий и при этом выявления возможных виновных.

Американцы не могли тогда прийти к единому решению: сопротивляться? Сдаться?

Соответствует ли рассказ о пистолетном выстреле истине, не было точно выяснено.

Кто из 71 американца погиб в боевых действиях, кто из них однозначно сдался, кто был убит противоречащими военному праву выстрелами, кто пал от пулеметного огня при побеге, это все уже невозможно выяснить.

Лишь несколько часов спустя осужденный Бризе-мейстер был обстрелян американцами на том же перекрестке.

Однако то, что вопрос вины и судьбы в деле Мальмеди невозможно решить, объясняется не боевой ситуацией и обусловленной ей ненадежностью показаний, — это объясняется методом ведения расследования.

В начале 1945 года взятые в плен во время боев на Арденнах представители 1-й танковой дивизии СС были допрошены в лагерях для военнопленных во Франции по поводу случая на перекрестке у Мальмеди. При этом дело доходило до угроз и побоев.

После капитуляции немецкого вермахта в лагерях для военнопленных в Германии и Австрии были найдены и собраны представители тех частей 1-й танковой дивизии СС, которые тогда проходили мимо этого перекрестка у Мальмеди. Протоколы допросов лета 1945 года не были представлены на главном процессе.

Вопросы также ставились в свете предположения о приказе к расстрелу пленных. Хотя уже при самих этих допросах были использованы недопустимые методы, результаты, однако, оказались неудовлетворительными. Осенью же 1945 года была сформирована особая комиссия по военным преступникам, которая, согласно специальному указанию майора Фантона, в период с ноября 1945 года по апрель 1946-го подвергла систематическим допросам примерно 1 100 представителей 1-й танковой дивизии СС.

Психологическое состояние во время этого следствия, как следователей, так и допрашиваемых, особенно четко видно на примере нижеследующего клятвенного заявления Пейпера, которое доктор Е. Леер, Мюнхен, в 1948 году представил в американскую военно-юридическую службу:

«Тема: Продиктованные мне «признания», которые были изложены прокуратуре во время Мальмедского процесса и опровергнуты мной во время дачи показаний в суде.

А. Первый допрос, касающийся дела Мальмеди.

Место: Фрейзинг, Центр дознания 3-й американской армии.

Время: август 1945 г.

Следователь: М-р Пол; в процессе о Маутхаузене был обвинителем под именем лейтенанта Гута.

«Мне были разъяснены следующие аспекты:

1. Сведения, полученные от меня, составили неожиданно благоприятную картину.

Как адъютант Гиммлера, я был единственным, кто сумел сохранить нравственную чистоту.

Моя репутация офицера танковых войск и честного солдата не подвергается сомнению.

Рапорт G-2 американского майора МакГоуна¹ составляет мое поведение во время наступления на Арденнах в особенно выигрышном свете.

2. Американский народ был чрезвычайно взволнован так называемым происшествием на перекрестке у Мальмеди и категорически требовал жертвы.

Поскольку по случайности пресса смогла раздобыть лишь мое имя, то она уже год назад объявила меня Мальмедийским убийцей. Я якобы являюсь наиболее ненавистным в Америке человеком и, кроме того, «врагом американских солдат № 1».

Я обречен, так или иначе, поскольку:

а) я был адъютантом Гимmlера,

б) «великая власть прессы» уже заранее вынесла мне приговор,

с) я представлял бы угрозу в качестве возможного подпольного фюрера.

Я должен был показать, что владею искусством проигрывать, и признать, что по моему приказу были расстреляны американские военнопленные на перекрестке у Мальмеди.

Я заявил, что готов принять на себя всю ответственность, однако при условии, что никто из моих подчиненных не будет обвинен или осужден.

Однако, прежде чем это высказывание было зафиксировано, появилась комиссия, специально задействованная для расследования дела Мальмеди, под руководством капитана Фантона».

¹ О последней фазе боевых действий окруженной танковой группы Пейпера, когда единственным прикрытием были подвалы, в качестве свидетеля во время судебного разбирательства в 1946 году давал показания подполковник МакГоун. Он, будучи штабным офицером 30-го американского разведывательного отдела, попал в немецкий плен под Ла-Глейцем. Он был особенно ценным военнопленным и поэтому единственным, кто был взят войсками при прорыве из окружения, однако ему удалось в ночь с 23 на 24 декабря 1944 года бежать. Сразу же после возвращения в свой полк он в письменном рапорте рассказал о своем пребывании в качестве военнопленного, особенно выделив корректное обращение с пленными и правильное поведение в этом плане войск СС.

В. Вторая фаза предварительного следствия.

Место: Оберурзель; Центр дознания группы армий.

Время: сентябрь — октябрь 1945 г.

Состояние: заключение со строгой изоляцией. Длительность: семь недель.

1. «Допросов не было. Лишь один разговор с офицером войсковой разведки.

Тема: Поведение американских военнопленных в общем. Поведение майора МакГоуна в частности.

Поскольку собеседник очевидным образом отклонялся от правды касательно персоны МакГоуна, то мои ответы сознательно были выдержаны в сбивающем с толку, ироничном тоне.

2. Руководитель предварительного следствия и будущий главный прокурор подполковник Бертон Ф. Эллис повез меня в Бенсхейм, вверх по горной дороге. Здесь произошла безрезультатная встреча с американцем, пережившим этот случай на перекрестке у Мальмеди.

3. Обращение со мной в Оберурзеле было крайне неудобным. Что касается продовольствия, прогулок и курева, то меня везде как «G1 — врага номер один» дополнительно дискриминировали. На 24 часа меня заперли в так называемой «теплой камере», которая потом была нагрета до 80 градусов. В отпращивании естественных человеческих потребностей мне было отказано и сообщено, что меня теперь будут сжигать. Поскольку длительность процедуры и все увеличивающаяся жара не оставляли мне сомнений в серьезности этого намерения, то единственным выходом для меня, если я хотел прекратить пытку без долгосрочного вреда своему здоровью, стало ломание отопления и битье окна».

С. Третья фаза следствия.

Место: Цуффенхаузен; лагерь для подозреваемых в совершении военных преступлений.

Время: октябрь — ноябрь 1945 г.

Состояние: одиночное содержание как «изолированного заключенного». Длительность: пять недель.

1. «Допрос был проведен лейтенантом Перлем. Мне были разъяснены следующие положения: (см. по этому поводу мой устный пересказ в Мальмедийском протоколе)

а) Я являюсь самым ненавистным человеком в Америке, и общественность требует моей головы.

б) Особенно мне не повезло в том плане, что среди жертв этого перекрестка был сын одного сенатора и сын одного влиятельного промышленника. Озлобленные отцы дали истории широкую огласку и мобилизовали прессу, отчего из военного инцидента выросло политическое дело, которое уже невозможно проигнорировать.

с) Американская пресса уже повесила меня «априори».

д) Хотя я и являюсь неординарным и «обожеествляемым» моими солдатами солдат, я не должен забывать о сегодняшних обстоятельствах. Мое время прошло и больше никогда не вернется. Один уже политический инстинкт самосохранения победителей заставляет уничтожать таких опасных элементов, как я. Тот факт, что мы проиграли войну, является, по их словам, нашим главным преступлением, и по сравнению с этим вопрос личной вины имеет лишь второстепенное значение. Он может поклясться, что я больше никогда уже не увижу Божьего света.

Чтобы, помимо всего этого, получить основание для возможного устранения всех СС, на Нюрнбергском процессе они были объявлены преступной организацией. Хотя против самих войск СС, как таковых, соответственно Гаагским положениям о наземной войне, на данный момент пока еще нет никаких правовых мер, но Мальмедийский прецедент, без сомнения, в достаточной мере будет способствовать этому.

е) Мне самому он посоветовал сохранять лицо и с достоинством смириться с неизбежным, вспомнив высокие этические идеалы и моральный долг, который имеет прусский офицер перед своими подчиненными. На основании уважения, которым я пользуюсь со стороны всех допущенных до этого солдат, и на основании общего вымышленного впечатления от меня, следствие верит, что может рассчитывать на полное взятие мною ответственности за происшедшее.

Веря, что тем самым могу сослужить своим товарищам последнюю службу, я согласился на это, однако потребовал немецкого и американского нотариусов, в чьем присутствии для меня должно было быть письменно засвидетельствовано то, что в качестве встречного обязательства все солдаты моей дивизии будут отпущены без

какого-либо наказания. Эта уступка была отклонена. 1-й лейтенант Перл даже заявил:

г) «Если вы сейчас в своей камере покончите жизнь самоубийством, оставив заявление, согласно которому вы давали приказ к расстрелу и являетесь главным виновником происшествия, я буду опровергать это в суде и скажу, что вы никаким образом не причастны к расстрелу. Так дешево «верному Лейбштандарту Гитлера» не отделаться».

2. Обращение было плохим и унижающим. Пять недель меня держали в практически полностью темном подвале. Два дня я не получал никакой еды и в течение трех недель не имел возможности мыться и бриться. Санитарные условия не поддаются описанию. Меня обкрадывали и обругивали.

3. Моя реакция. В очевидном совпадении терминологии господина 1-го лейтенанта Перла и мистера Пола — он же лейтенант Гут — угадывалась мощная кампания стран-победительниц по отмщению. Кроме того, примечательная в этой связи открытость и незавуалированный стиль изложения мыслей мистера Перла говорили об их триумфальной уверенности. В свете этого поведения и проявляющегося в обращении со мной явного пренебрежения международными договорами я не рассчитывал уже на какое-либо публичное судебное разбирательство, а настроился на то, что — чтобы говорить на языке лейтенанта Перла — со мной покончат быстро.

Эта оценка положения сыграла значительную роль в моих будущих высказываниях!

«Если мы хотели продвинуться в этом деле, то мы должны были, прежде всего, сломить дух товарищества», — скажет капитан Шумахер как представитель обвинения на открытии процесса Мальмеди, и на это были направлены «методы» следствия.

Офицеры-следователи действительно полностью следовали этой цели с помощью разыгрывания конфронтации между начальниками и их подчиненными, применения трюков, фиктивных судов, побоев, угроз, фальшивых свидетелей и обещаний. Но тем самым в заключенном пропадало начисто все доверие и разрушалась последняя опора. Он вынужден был признать безнадежность своего положения, считал при данных правилах игры невоз-

можным дальше продолжать борьбу за свободу и справедливость и равнодушно позволил накинуть на себя тонко сплетенную сеть. Мысленным выводом для каждого должно стать:

а) Личная вина или невиновность здесь не проверяется, и в свете будущего это несущественно. Нам уже потому невозможно больше выпустить на свободу, что мы слишком многое узнали об американских методах ведения следствия и испытали их на себе.

б) Кажется, исключено, что наше дело предстанет перед порядочным судом. Следует ожидать его разрешения «холодным способом», в быстром процессе, без допущения общественности.

с) Поэтому абсолютно неважно, писать или не писать свои показания под диктовку; по крайней мере, таким образом можно избежать невыносимого давления.

д) Если все-таки каким-то удивительным образом дело дойдет до публичного процесса, то все надуманное здание лжи должно рассыпаться, как карточный домик. Все предыдущие показания не являются моими, поскольку они были даны под давлением.

Душевный нигилизм, появившийся после крушения Отечества и потери всех прошлых ценностей, а также сознательное возвращение и развитие этого состояния в камере пыток и психическо-терапевтическом учреждении Швэбиш-Халл посему являются глубинными причинами появления этих «добровольных признаний», и без того бросающихся в глаза своим однообразием.

Без обстоятельного изучения психологических обстоятельств посторонний человек не может понять подоплеку процесса Мальмеди, а формально-юридическая ревизия не бывает исчерпывающим документом».

Из подшитых к делу данных под присягой показаний других участников, а также не участвовавших в процессе немцев и американцев вырисовывается следующая картина ведения следствия.

С прибытием в тюрьму Швэбиш-Халл все находящиеся в предварительном заключении начинали подвергаться систематическому изнурению. Ударами их загоняли в одиночные камеры, все личное имущество у них изымалось, без называния причины их полностью изолировали

от окружающего мира, без предписанной прогулки, без права переписки, без посещения священника, без адвоката. Персонал охраны обругивал их, плевал в них, бил, и это свидетельствовало о том, что они находились в руках абсолютно незаконного и безнадёжного произвола действовавших там американских офицеров и чиновников. Эти чиновники в период с декабря 1945 года по апрель 1946 года применяли следующие «приемы»:

— для усиления состояния изнурения: темнота и постоянное прерывание сна;

— для подготовки к допросам: побои кулаками и металлическими жердями, удары ногами в голень и пах, издевательства, побои и толкание от одного к другому в воющих капюшонах с запекшейся кровью на них, многочасовое ожидание в капюшонах в позиции старта или с поднятыми руками;

— во время допросов: зверские побои, приводящие к сильнейшим травмам, часто удары до потери сознания;

— в качестве действенного метода допроса: разыгрывание быстрого суда с вынесением смертного приговора в присутствии распятия и свечей, с фальшивыми свидетелями, фальшивыми клятвами, поддельными письменными показаниями, с маскарадом с использованием американской военной формы;

— в качестве самого сильного средства: фиктивная казнь с накидыванием веревки и затягиванием ее до потери сознания после требования сказать последнее слово.

Кроме этого: обещания (смягчения наказания, освобождения, прекращения побоев) в случае подписания желаемого признания, угрозы репрессий против матерей, сестер, жен или детей, обругивание, насмешки, в том числе и над членами семьи и многое другое.

Так называемые «приемы» применялись более или менее часто по отношению ко всем будущим обвиняемым и по отношению к большому числу других предвзрительно заключенных.

«Еще никогда в жизни я не видел здание суда или тюрьму изнутри, а тут на меня свалилось столько обвинений, ругани и угроз, что я под тяжестью всего этого был совершенно разбит духовно и стал совершенно безвольным инструментом в руках следователей. Когда я говорил

«да», это превращали в «нет» и заставляли меня подписать протокол. Если я говорил «нет», то поступали наоборот. Подполковник Перл диктовал мне мои показания, и я должен был, хотел я того или нет, писать то, что считал нужным Перл, однако я все равно знал, что это неправда.

Таким образом, появились мои показания в Швэбиш-Халле. Они абсолютно не соответствуют правде и являются не моими мыслями, а мыслями офицера, проводившего допрос», — так говорит приговоренный 16 июля 1946 года к смерти через повешение и «помилованный» 20 марта 1948 года с заменой приговора пожизненным заключением Макс Хаммерер (во время наступления в Арденнах ему было 20 лет).

Следствием такого систематического применения психического и физического давления были: полнейшее равнодушие или отчаяние, которые приводили даже к самоубийствам; душевное смятение и болезненная запуганность, полнейшая беспомощность и сильнейшее недоверие ко всем; в любом случае, у большинства — аномальное душевное состояние, которое приводило к безудержной готовности подписать и клятвенно заверить все, что им говорили.

Здесь уже не велось следствие, кто виновен и должен нести ответственность за доказанное преступление, нужно было лишь добыть признания, невзирая на правдивость или неправдивость их содержания.

Это утверждение более всего подтверждается самими «стейтментами» (письменными признаниями) из Швэбиш-Халла: в практически одинаковых предложениях описываются там действия, немыслимые ни с точки зрения техники стрельбы, ни с психологической точки зрения. Вывод об единообразном влиянии на всех и об аномальном душевном состоянии пишущих напрашивается сам собой.

В любом случае, к концу следствия в начале мая 1946 года набралось 71 признание под присягой по примерно 20 отдельным делам о расстреле военнопленных и гражданских лиц, жертвами которых пало около 900 американских военнопленных и представителей бельгийского гражданского населения.

Таким образом, обвинение, которое раньше базиро-

валось на утверждении о расстреле 71 американского солдата во время инцидента на перекрестке, могло быть существенно расширено, и тот факт, что якобы было доказано большое количество случаев преступления законов ведения наземной войны, привел к тому, что обвинение было предъявлено и высшим чинам командования в том, что они давали указания на ведение войны, противоречащей международному праву. Поэтому по тому же делу подсудимыми стали генералы СС Дитрих, Присс, Кремер.

«Чтобы исключить правовые осложнения...», по приказу от 26 апреля 1946 года 74 обвиняемых были 9 мая 1946 года переведены из статуса военнопленных в статус интернированных гражданских лиц (на которых не распространяется действие Женевской конвенции 1929 года). В приказе обозначается, что эту меру «желательно привести в исполнение тотчас же».

Это было подстраховкой для Комиссии по военным преступлениям. Другая мера подстраховки заключалась в том, что представители обвинения были выбраны не так, как это было установлено приказом от 10 мая 1946 года о формировании трибунала, и 16 мая на открытии судебного разбирательства в судебном зале представителем обвинения была Комиссия по военным преступлениям Эллиса из Швэбиш-Халла, во главе с ее руководителем Эллисом в качестве главного обвинителя и Шнейкером, Перлом, Бирне, Эловитцем, Тоном и Киршбаумом в качестве ассистентов.

В качестве свидетелей обвинения в распоряжении комиссии находились четыре американских солдата, из тех, кто выжил после случая на перекрестке, а также ряд представителей 1-й танковой дивизии СС, которые были в Швэбиш-Халле склонены к высказываниям, обвиняющим их товарищей по заключению. Несмотря на привилегированное обращение, а также угрозы преследования за лжесвидетельство в случае отзыва своих показаний, сделанных в Швэбиш-Халле, они были довольно ненадежными свидетелями для обвинения.

Таким образом, главная задача обвинения состояла в том, чтобы добиться в суде признания доказательственного значения показаний из Швэбиш-Халла и защитить их от предполагаемых опровержений.

Особенно слабо с самого начала было обосновано обвинение по поводу отдачи командирами приказов о ведении войны, противоречащей международному праву.

Еще в начале мая были предприняты судорожные попытки найти свидетелей для этой части обвинения.

Особенно нужно обратить внимание на то, что все показания были даны самими подсудимыми, что означает, что для якобы большого количества преступных действий не было других доказательств, нежели насильственно вынужденных признаний соответствующих подсудимых либо насильственно вынужденных обвинений товарищей по тюремному заключению.

Дахау

В то время как Комиссия по военным преступлениям, то есть представители обвинения, до времени начала судебного разбирательства имела результат в общей сложности девятимесячной подготовки, защита времени на подготовку к процессу не получила.

Подполковник У.М. Эверет добровольно принял на себя ведение защиты. Он смог начать работу лишь незадолго до начала судебного разбирательства. Немецкие адвокаты д-р Херткорн, д-р Леер, д-р Пфистер, д-р Рау и д-р Виланд были допущены к делу лишь непосредственно перед началом судебного разбирательства в Дахау.

В распоряжении адвокатов не находилось материалов, которыми могла бы воспользоваться защита. Основываясь на своем опыте в Швэбиш-Халле, обвиняемые не верили в серьезность защиты и поэтому вначале были крайне недоверчивы по отношению к американским и немецким адвокатам.

Свидетелей, которые могли бы подтвердить их невиновность, обвиняемые уже давно назвали следствию и потребовали их участия, но реакции на это не последовало. Многие свидетели, которые добровольно вызвались выступить в защиту обвиняемых, если и были допрошены, то представителями Комиссии по военным преступлениям Эллиса, и не были, как было запрошено, зачис-

лены в свидетели защиты. Поэтому в начале судебного разбирательства они не были даже известны защите.

Главный обвинитель отказал полковнику Эверету в просьбе взглянуть на материалы обвинения. В его распоряжении были лишь те немногие сведения, которые он смог получить от обвиняемых за данное ему короткое время.

Запрос защиты разделить процессы по отдельным категориям обвинения был отклонен со ссылкой на служебное предписание для офицеров суда, в котором в § 205 было закреплено, что трибуналы, в интересах военной безопасности, должны работать «быстро, эффективно и без бюрократических проволочек».

На трехкратное обращение главного представителя защиты с просьбой отвода показаний из Швэбиш-Халла суд во всех случаях отклонял тот факт, что признания и обвинения были получены с помощью применения физического насилия.

Во время многочисленных допросов свидетели, давшие до этого обвинительные показания, отзывали их как сделанные под давлением.

То, каким образом чинились препятствия защите, показывают примеры, приведенные позже подполковником Эверетом в кассационной жалобе, среди которых, например, было то, что полковник Эверет во время судебного разбирательства застал 1-го лейтенанта Перла за похищением из камер обвиняемых документов, предназначенных для их защиты.

Полковник Эверет излагает это дословно так:

«Когда, однако, становился вопрос о подробностях боев и т.д., то обвинительная сторона заявляла свой протест, который постоянно принимался членом суда, что тем самым препятствовало дальнейшему освещению в открытом суде этой гнусной и жестокой тактики обвинения».

Даже незавершенное показание Арвида Фреймута, который во время составления протокола, не подписав его, покончил жизнь самоубийством, поскольку, как он написал перед самоубийством в тюремном дворе, не мог дальше продолжать эту ложь, было признано доказательным. Главный обвинитель даже опросил под присягой

следователя, 1-го лейтенанта Перла о том, что бы сообщил в своих показаниях свидетель, если бы он остался жив.

Во время небольшого перерыва в процессе, запрошенного защитой, она смогла собрать материалы с предполагаемых мест преступления в Бельгии, которые доказали, что многие пункты обвинения были выдуманы, а множественные улики обвинения фальсифицированы. Так, один обвиняемый под присягой признался в Швэбиш-Халле, что в местечке Бюллинген без причины застрелил со спины бельгийскую женщину. Офицер защиты привез с места преступления заверенные под присягой показания местного бургомистра и работников ЗАГСА, а также супруга этой женщины, в которых утверждается, что женщина погибла от американской гранаты, которая разорвалась, когда она выходила из дома.

Другие обвиняемые признались в своих показаниях, что в котле в Ла-Глейце у внутренней стены церковного двора расстреляли три группы американских пленных, каждая из которых составляла 20—30 человек.

Офицер защиты, посланный в Бельгию, установил, что в том месте никогда не существовало внутренней стены церковного двора. Священник этой церкви передал защите клятвенное заявление, в котором он сообщил, что в течение всего времени военных действий находился в церкви, как и во время предполагаемого преступления, что на внешней ограде — единственной, которая окружала церковь, — не было установлено никаких следов от пуль, что ни одно из описанных ужасных преступлений никогда не происходило в окрестностях его церкви. Единственным мертвым американцем, которого нашли в этом местечке, был обгоревший труп в подбитом танке. После полудня, когда якобы произошло это преступление, священник несколько раз обходил церковь и не видел ни одного убитого американца.

Во время процесса произошло моральное укрепление позиции подсудимых, когда американский офицер Генерального штаба подполковник МакГоун добровольно прилетел из США, чтобы выступить в качестве свидетеля защиты.

Перед судом МакГоун рассказал о корректном обращении с ним и с его 140 товарищами по плену в окруже-

нии под Ла-Глейцем. На его показания обвинительная сторона ответила обвинением его в сотрудничестве с врагом.

В своей заключительной речи главный защитник У.М. Эверет еще раз попытался склонить суд к справедливости, однако обвинение в заключительной речи обошло все контрдоказательства защиты и повторило содержание обвинения.

16 июля 1946 года суд, после совещания, длившегося 2 часа 20 минут, то есть по три неполные минуты на каждого подсудимого, вынес приговор по делу Мальмеди.

Суд признал всех 73 подсудимых виновными в инкриминируемых им преступлениях и приговорил:

43 подсудимых к смерти через повешение,

22 подсудимых к пожизненному заключению,

2 подсудимых к 20 годам тюрьмы,

1 подсудимого к 15 годам тюрьмы и

5 подсудимых к 10 годам тюрьмы.

Этот приговор не был обоснован ни письменно, ни устно.

Сама Комиссия по предварительному следствию Сената США задала представителю Госдепартамента Рояллу вопрос о его мнении по поводу методов ведения следствия. Роялл ответил, что в данный момент пока не может прийти к окончательному выводу. С одной стороны, он лично, по его словам, не одобряет пыток, с другой стороны, в стране есть люди, которые взорвутся яростными криками, если приговоры суда будут отменены.

Страх перед таким отступлением был слишком велик: вместо того чтобы выделить совершенно определенный маленький круг виновных персон, американская армия видела в упреках, ограниченных лишь этим маленьким кругом лиц, угрозу своему престижу. При этом именно защитникам в процессе Мальмеди абсолютно ясно, что лишь истинное, староамериканское представление о праве и порядочности может помочь осужденным найти справедливость.

Против этих приговоров последовало много решительнейших протестов с разных сторон, особенно со стороны церкви (в т.ч. земельный епископ Д. Вурм, епископ д-р Нойхойзлер, кардинал Фрингс), за которые мы всем

очень благодарны. После бесконечных пересмотров дела с 1 апреля 1952 года 13 приговоров были смягчены до пожизненного заключения, 6 — до 25 лет, 12 — до 20 лет, один приговор — до 18 лет, 7 приговоров — до 15 лет, 2 приговора — до 12 лет, один приговор — до 10 лет лишения свободы. 17 осужденных были отпущены после отбывания одной трети от времени наказания. 13 осужденных, в том числе и 4 приговоренных к смерти, были отпущены на свободу в апреле 1948 года. Один осужденный умер в Ландсберге в возрасте 22 лет.

Слово из Ландсберга

Этот материал прислал нам Йохен Пейпер из тюрьмы Ландсберга-на-Лехе, в которой он находится со времени окончания процесса Мальмеди¹.

«Зерно во тьме лишь к свету прорастет,
а сердце преисполнится богатством».

Вольфганг Гёте

В монашеской келье на своей откидной кровати сидит военный преступник и дремлет. На двери написано «пожизненно», а в календаре — «октябрь 1952 года». Поет печка, паук разведывает новые места для зимовки, а осень сотрясает своей грубой рукой решетку окна. Тринадцать лет супружества на расстоянии, пятый год, как приговоренный к смерти снова празднует свой день рождения, и вот уже восьмой год, как он живет в каторжной тюрьме. Ничего не скажешь, радужная молодость. Ни одно животное не заслуживает такого плохого отношения. Только подумать о человеке как таковом: на какие жертвы он способен и на какие подлости. Насколько бесконечной должна быть цепь опыта, чтобы лишь немного понять человеческую суть. Военное поколение имеет опыт общения с людьми. Кроме того, в Ландсберге еще осталось время, чтобы наблюдать и анализировать.

¹ Йохен Пейпер был освобожден из заключения в декабре 1956 года. — *Прим. науч. ред.*

Когда семь с половиной лет назад мы впервые вошли в мир, окруженный колючей проволокой, мы были словно дети, вдруг потерявшие свою мать. Выросшие и воспитанные на ясных законах фронта, мы чувствовали, что понять новые правила игры — выше наших сил. Тот, кто вначале еще думал, что правда может открыть глаза политике, ведомой слепой яростью, вынужден был вскоре узнать, что там, где ради демагогии на стене нужно рисовать кровожадную фигуру, вряд ли можно ожидать справедливости. Однако наша чистая совесть и наше неведение не имели границ. Ведь государство научило свою молодежь лишь обращению с оружием. Обращению с предательством нас не учили. Мы, вчера еще бывшие частью великогерманского вермахта, сегодня стояли, презираемые и избегаемые всеми, как мальчишки для битвы, окруженные ревущей толпой. Кто до этого знал лишь одну сторону инстинкта самосохранения, мужественную дрожь перед лицом опасности, должен был теперь привыкнуть к выкрикам «Держите вора!» в свой адрес, вынужден был терпеть доносительство тех достойных сожаления парней, которые хотели вернуться наверх, опускаясь все ниже и ниже. Кто в эти дни не сомневался в Германии и кому отвращение не закрывало рот?

По мере того как жизненное пространство постепенно уменьшалось, представляя собой сначала лагерь, потом барак, потом камеру, мы становились слепы к общему и видели лишь то, что разделяло нас. Недоверие и духовный нигилизм пришли на место товариществу. Каждый указывал на осечки других и оправдывал свое поведение этими обвинениями. «Хомо вульгарис» вырвался из цепей. Примитивные инстинкты были освобождены от всяческих препятствий и торжествовали, в то время как все остальное мы затапывали в землю с радостью саморазрушения. Голод погонял нас, и человеческое достоинство сгибалось под ним. Благородные традиции и гордая стойкость падали на землю перед окурком сигареты. Не удивительно, что вражеский карательный удар попал по нашим слабым местам. Раздор и недоверие друг к другу — плохие советчики в зале суда. Кроме того, в этот раз положение в любом случае невозможно было бы спасти. Слишком много стараний приложили расставители за-

падней при подготовке. С осознанием этого мы взошли на арену и молча стояли там на протяжении трех месяцев, пригвожденные к позорному столбу. Три раза по тридцать дней нас протаскивали по канавам за триумфальной процессией победителей. Потом все действительно закончилось. Последний плевок настиг своих жертв и смыл их через мрачные тюремные ворота. Остатки кораблекрушения Второй мировой войны!

Что такое свобода, понимаешь, лишь лишившись ее. Каким восхитительным даром мерещится она заключенному. Лишь тот, кто потерял свободу, может понять, как длинен день; какой кошмар покрыл жизни наших родных на четыре года и семь месяцев. Каждому причиталось только двадцать три кубических сантиметра воздуха для дыхания. В них с этих пор было сосредоточено все «я», до кончиков пальцев.

Постепенно вокруг нас воцарилась тишина. Ее нарушало лишь урчание в животе да песни дрозда по вечерам и утрам. О дрозды, есть ли заключенный, в которого бы вы не вселяли новую надежду?

Нервы, исполосованные кнутом прокурора, прежде всего остального сдружились с одиночным заключением. Кулаки постепенно разжались, и дикое сопротивление судьбе стихло. Осталось лишь непонимание, боль за любимых и раздор с провидением, которое гнусно лишило нас честной пули — мы учились жить в сумерках...

Чем ниже мы падали, и чем больше блекло настоящее, тем ближе становились мы нашим корням, и тем ярче представало перед нами прошлое. Старые поля сражений были для нас словно земля для Антея, а погибшие товарищи — примером и мерой для нашего поведения. Постепенно приходило смутное осознание того, что жизнь не дает ничего просто так, что все подарки судьбы имеют свою тайную цену. Но перед лицом врага даже самые молодые из нас всегда платили по счету сполна.

Мы сидели в самом темном уголке Германии и смотрели назад, на наше залитое солнцем икаровское путешествие. Ни одному из нас не нужно было опускать при этом глаза. Что значили недостатки и ошибки по сравнению с горячими сердцами, которые мы постоянно и везде были готовы бросить на чашу весов.

Сверхлюди, люди и недолюди пересекали наш путь, и границы между ними всегда оказывались нечеткими. Чем дальше мы продвигались вперед и отдалялись от пустых фраз, тем яснее становилось, что жизнь, подобно свету, состоит из комплементарных цветов. Она рисует не черно-белым и использует много переходящих друг в друга оттенков. Очень медленно, постепенно снова становилось светлее.

Но мы были молоды и не лишены склонности к протесту. Мы кричали «Германия!» и не слышали эха. Мы играли в шахматы через стенку, учились говорить на пальцах и с чувством писали свои некрологи.

Потом мы устали, стали равнодушными и вместе с надеждой повесили на крюк и привычку прислушиваться. Мы стали несправедливыми и озлобленными.

Но существовали ли тогда порядочные парни, которые бы не были заперты в тюрьме, или сочувствие ближнему, которое бы не было растоптано ногами? Как бы то ни было, иные отказались от принадлежности к обществу, стали врагами человечества и напрягали свой мозг и свои железы лишь для производства желчи. Это как раз тот тип людей, который везде можно узнать по неисчерпаемой памяти, в которой они тщательно хранят все обиды.

Другие же поняли, что псевдодемократические речи в духе «Здесь мы все равны» — не больше чем глупая болтовня, спасательный круг из свинца, утягивающий прямо на дно канавы. Они всеми силами боролись с причислением их к массе и с постоянным течением вниз. Они стали философами, попытались сохранить свою внутреннюю свободу с помощью сознательного индивидуализма и дифференциации и, в конце концов, сидели в тюрьме, как в удобном кресле. Но самыми счастливыми при этом были те знатоки жизни, чье мировоззрение подходит на мировоззрение бабочки-однодневки. Кто их не знает, этих задорных парней, остроумие которых даже в самой невероятной ситуации находит еще более невероятную шутку? Все начали вести эгоцентрическую жизнь, натягивали на себя маски и оскаливали зубы. Каждый до крови разбивал себе крылья, пока, наконец, локти спастительно не зароговели.

Когда жизнь протекает за тюремными стенами, вдали от жены и детей, сложно оставаться справедливым и активным. Молодежь в бессильной ярости сотрясала свои цепи, чувствовала, как силы покидали ее, а смелость устала. Постепенно все утихло.

Время было таким тяжелым, что его быстро забываешь, как страшный сон. Оно медленно, мучительно тянулось, переходило на другой берег, и уже даже магические каракули на стенах не могли его заколдовать. Началось летосчисление по дням бритья и пудингам.

То, что доходило в наши камеры смертников из внешнего мира, тоже не слишком-то могло облегчить нашу смерть. Мы узнали, что служили в преступной организации преступного государства. Поток грязи разоблачительной и мемуарной литературы принес заявления военачальников и дипломатов, которые, как оказалось, намеренно работали на поражение своего Отечества. Ты чувствовал себя словно оказавшийся в навозной куче Деция Мусса¹. С тех пор под мрачными сводами нашей Лемурии уже невозможно было иметь столовых приборов. Единственной константой в этом хаосе был молчаливый героизм наших жен и матерей.

Но время не только разделяет, оно еще и лечит. Постепенно и нерешительно снаружи началось поднятие национального самосознания. Время мародеров, грабивших трупы, прошло. Снова восстановился порядок и, казалось, уже давно убитая, порядочность. И с ее первыми разведывательными отрядами вышли на сцену товарищи, которым так долго зажимали рот. Изгои послевоенного времени все-таки не забыли своих еще более несчастных братьев. Отчего произошло так, что готовность помочь находилась в обратно пропорциональной зависимости к воинскому рангу? Самые верные сыны Германии, оказалось, жили в самых маленьких хижинах.

Мы, в любом случае, чувствовали себя как окруженная боевая группа, к которой, наконец, начинает поступать по воздуху снабжение, которая с облегчением узнает,

¹ Три римских консула — дед, отец и сын, которые добровольно приняли смерть и тем самым привели римские легионы к победе (350, 295, 279 годы до РХ).

что ее еще не списали на тот свет. Слепой после ранения радист танковых войск сидел в своей сырой подвальной квартире и ткал наволочку для своего приговоренного к смерти командира. Солдат с ампутированными ногами оторвался от своей любимой книги и тоже протянул руку помощи. Не должна ли была вновь вспылать слабая икра надежды? Бессмысленное время начинало снова обретать смысл...

Из-за постоянных побоев мы стали такими упрямыми и строптивыми, что процесс заledenения был уже практически необратим. И вот теперь мы вдруг почувствовали благодетельное дыхание теплого фронтового товарищества, узрели, что снаружи происходило не только торжество подлости и уничтожение всех ценностей. Началось новое понимание трудностей жизни за воротами тюрьмы и ушло ощущение того, что весь мир вертится вокруг Ландсберга.

Через давление и волнение мы нашли путь к толерантности — и возможно, что в этом и состоит выигрыш потерянных лет. В том, что мы сначала должны были проникнуть в самые труднодоступные уголки самопознания, прежде чем найти там человеческие недостатки. Что мы должны были упорно учиться завидовать самим себе. И лишь теперь в нашей борьбе за правду и за суть мы осознали всю относительность, всю субъективность любой точки зрения. После тяжелого времени обучения ограниченность переросла в полноту картины, мы сорвали с себя шоры.

В то время как бессмысленность времени, проведенного в страдании, превращалась таким образом, почти незаметно, в значимость и ростки познания, снаружи тоже происходила большая перемена, и большая жертва нашего народа получила видимое оправдание. Где была бы сегодня разорванная Европа без уже ставшей неотъемлемой частью истории защитной плотины из немецких тел? От Кавказа до Финляндии широким размахом проходит линия европейских форпостов. Представители всей нашей культуры беззвучно несут свою службу. И даже если их могилы сровнены с землей и многие страны все еще стыдятся своих самых благородных сынов, все равно именно этому авангарду европейской идеи мы

должны быть благодарны за то, что потомки Чингисхана еще не омывают свои танки в Атлантическом океане.

Давайте похороним по дороге всю затаенную злобу, товарищи. История рассудит более справедливо, нежели ослепленные яростью современники. Опасность сегодня так близка, а нужда так велика, что никто не должен остаться глух к этому призыву.

Не забывайте, что в рядах войск СС погибли первые европейцы, что жертвы послевоенного времени в большинстве своем были из наших рядов и что они были объявлены вне закона лишь потому, что верили в неразделимость Европы. Пусть эти мученики не будут забыты. Не останавливайтесь на полпути. Европейская идея — это единственный политический идеал сегодня, за который еще стоит бороться. Никогда она еще не была так близка к своему осуществлению. Схватите ложь за горло, разбейте лицо клевете, помогайте своим соседям и вдовам солдат. Если каждый снова обретет себя и простые ценности, отречется от эгоизма, в бедности увидит этику и снова станет чувствовать ответственность перед обществом, тогда мы и в этот раз выберемся из грязи и соорудим плотину до того, как наступит наводнение.

В войне наши величественные дивизии считались непоколебимыми в самых кризисных ситуациях. Тюремным надсмотрщикам всех стран известна наша стойкость. Пусть же наши дети когда-нибудь скажут про нас, что мы и в несчастье достойно встретили свою судьбу, что мы даже в заключении вносили свою лепту в примирение и в европейское мышление. Я приветствую всех тех, кто даже в темнице не потерял свободу.

*Йохен Пейпер Ландсберг, 15
октября 1952 года*